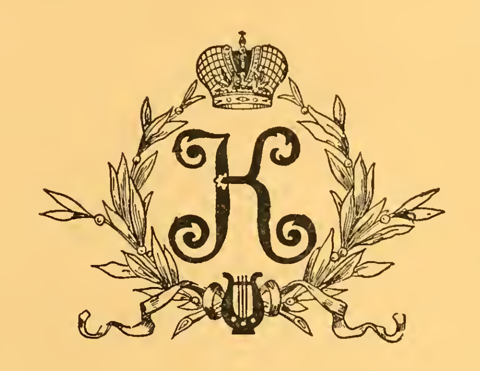


СБОРНИК
ПАМЯТИ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
Константина Константиновича
ПОЭТА К. Р.

ПАРИЖ 1962 ГОД

Первая мысль об издании настоящего Сборника принадлежит покойному полковнику лейб-гвардии Измайловского полка Петру Васильевичу Данильченко. Еще в ноябре 1948 года, он обратился к Обществу бывших кадет Первого кадетского корпуса с предложением начать сбор материалов для него, имея в виду предстоящий через десять лет 100-летний юбилей Великого Князя.

Затем, в июле 1957 года, Княжна Вера Константиновна предложила Председателю Обще-Кадетского Объединения во Франции А. А. Герингу взять на себя труд по изданию и редактированию будущего Сборника.

На другой день после торжественного празднования в Париже столетней годовщины со дня рождения Великого Князя, в передовой статье № 63 нашей газеты "Вестник" от 1 декабря 1958 года, А. А. Геринг призвал все кадетство передать потомству светлый образ нашего Отца и Благодетеля, путем издания Сборника, посвященного Его памяти. Этот день, по существу, и следует считать днем рождения нашей книги.

К 1960 году, развитие кадетского движения во всех странах привело к созданию единой кадетской организации, Председатель Совета которой предложил всем Объединениям считать Сборник изданием не только Обще-Кадетского Объединения во Франции, но всего Совета Обще-Кадетских Объединений за рубежом.

Предложение это было единогласно принято и сегодня мы выпускаем этот Сборник, посвящая его светлой и дорогой нам памяти Великого Князя Константина Константиновича.

СОВЕТ ОБЩЕ-КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
ЗА РУБЕЖОМ.



СБОРНИК

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА ПОЭТА К. Р.

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ОБЩЕ-КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
ЗА РУБЕЖОМ

Под редакцией **А. А. ГЕРИНГА**

ПАРИЖ

1962 г.

ЭКЗЕМПЛЯР № . . . .

Настоящий Сборник издан Советом Обще-Кадетских Объединений за рубежом. В издании его приняли участие Обще-Кадетские Объединения во Франции, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лос-Анжелосе, Брюсселе, Сан-Пауло, Торонто и Монреале.

Отпечатан в типографии "Наварр" в Париже, в количестве тысячи экземпляров из коих пятьдесят нумерованных от № 1 до № 50.

Рисунок обложки раб. С. Г. ЛУЧАНИНОВА.



Его Императорское Высочество Великий Князь
Константин Константинович.

Столетие со дня рождения Великого Князя Константина Константиновича наступит только в 1958 г. и я не смею предполагать, что сам я доживу до этого юбилея; все-же имею непреодолимое желание воодушевить тех, кто проживет дольше меня и, почитая Великого Князя, добровольно поможет нам, инициаторам. достойно ознаменовать юбилей, имеющий быть 23 августа 1958 года.

Петр ДАНИЛЬЧЕНКО
23/VIII-1948 г.

Прошло почти пятьдесят лет со дня крушения Российской Империи — срок достаточный, чтобы правильно оценить исторические события и деятелей, игравших ту или иную роль в старой России.

Обращаясь мысленным взором назад, мы видим, что многое из казавшегося нам тогда правильным, нужным — теперь уже не кажется таковым, а, многое из того, что представлялось таким простым, естественным, почти будничным, приобретает ныне свой смысл и встает во всем своем значении.

В таком, новом, освещении, светлом и прекрасном, восстает перед нами личность и деятельность Великого Князя Константина Константиновича, воспитавшего целое, почти, поколение молодых русских людей, посвятивших жизнь свою — военному делу.

Тогда, в те безмятежные времена, мы, естественно, не могли оценить всего, сделанного для нас Великим Князем. "Как ныне, — думали мы, — так было и всегда", "во все времена так воспитывались будущие военные". Но теперь, по прошествии стольких лет, проделавши длинный жизненный путь и как-бы со стороны взирая на прошлое, мы ясно видим сколь много сделал Великий Князь для воспитания будущих офицеров, сколько нового и ценного внес он в это горячо Им любимое дело.

И на Его ласку, любовь и заботу, мы, молодое кадровое офицерство, почти целиком вышедшее из Его школы, — отве-

тили Ему своей любовью, преданностью и кровью, пролитой на страшных полях сражений Великой войны.

Из мрака годов нам ярко сияют Его редкостные душевные



качества, во весь рост встает Его духовный рыцарский облик — Ему наша память и любовь.

Сборник — это наш, кадетский, скромный памятник большому Русскому человеку, поэту и нашему мудрому, незабвенному Отцу — Воспитателю.

Алексей ГЕРИНГ.

Великий Князь
Константин Константинович

Второй сын Генерал-Адмирала Великого Князя Константина Николаевича, — воссоздателя, после Крымской кампании, Русского Императорского Флота и ближайшего сотрудника Императора Александра II-го в великих реформах освобождения крестьян, — Великий Князь Константин Константинович родился 10-го августа 1858 года в Стрельне.

С ранних детских лет Великий Князь Константин Константинович был предназначен к службе в Российском Императорском Флоте.

Воспитывался он под непосредственным руководством лейтенанта Ильи Александровича Зеленого и получил прекрасное домашнее образование. Видные профессора Соколов, Вегнер и Вальронд преподавали юному Великому Князю математику и гуманитарные науки. Историю музыки читал известный музыкальный критик Ларош, уроки игры на рояле давал профессор Кюндингер, а виолончели — Зейферт.

Пятнадцатилетняя служба Великого Князя в Императорском Флоте началась с 1870 года ежегодными кадетскими плаваниями на отряде судов Морского училища, последовательно, на "Громобое", Пересвете", "Гиляке" и "Жемчуге".

Произведенный в звание гардемарина в 1874 году, Великий Князь ушел в заграничное плавание на винтовом фрегате "Светлана".

19-го июня 1877 года фрегат "Светлана" возвратился из дальнего плавания и личный состав этого фрегата, вместе с, произведенным в чин мичмана, Великим Князем был отправлен на театр военных действий Русско-Турецкой войны на Дунай.

Здесь, в деле под Силистрией, в ночь на 3-е октября 1877 года Великий Князь Константин Константинович лично спустил брандер против вооруженного турецкого парохода у острова Гоппо на Дунае и 17-го октября за это дело был награжден Орденом Святого Георгия 4-й степени, как сказано в представлении: "В награду отличной храбрости и распорядительности,

оказанных при воспрепятствовании турецким войскам переправиться через Дунай у Силистрии".

После падения Плевны, в мае 1878 года, Великий Князь был произведен в чин лейтенанта, а в августе того же года пожалован званием Флигель-Адъютанта. В 1879 году Великий Князь сопровождал своего Августейшего родителя Генерал-Адмирала при испытаниях в Черном море круглых броненосцев "Поповок" ,а затем снова ушел на том же фрегате "Светлана" в заграничное плавание.

В 1880 году Великий Князь недолго командовал ротой Его Высочества Гвардейского Экипажа, а в сентябре того же года опять ушел на крейсере "Герцог Эдинбургский" в заграничное плавание, из коего возвратился только весной 1882 года.

Этим закончился стаж прохождения Великим Князем суровой морской службы.

В августе того же 1882 года Великий Князь был переименован в чин Штабс-Капитана гвардии и в декабре 1883 года зачислен Лейб-Гвардии в Измайловский полк, в котором служил семь лет, командуя ротой Его Величества.

В 1891 году Великий Князь был произведен в чин Полковника с назначением Командующим Лейб-Гвардии Преображенским полком и в 1894 году в Генерал-Майоры с утверждением в должности Командира этого полка.

Наконец, в марте 1900 года Великий Князь получил назначение на должность Главного Начальника Военно-Учебных Заведений, а 13-го февраля 1910 года Генерал-Инспектора всех Военно-Учебных Заведений.

Великий Князь Константин Константинович родился и воспитывался в доме своего отца Великого Князя Константина Николаевича и супруги Его Великой Княгини Александры Иосифовны, Принцессы Альтенбургской.

Имя Великого Князя Константина Николаевича, человека высоко образованного и широких умственных, государственных горизонтов самым тесным образом связано с реформами Царя-Освободителя и особенно с великим делом освобождения крестьян, коего Великий Князь Константин Николаевич был самым убежденным и страстным поборником.

В плеяде блестящих деятелей, окружавших Престол Императора Александра II-го, Великий Князь Константин Николаевич занимал одно из самых главных мест. Он был последовательно: Наместником Царства Польского, многолетним Председателем Государственного Совета и Генерал-Адмиралом Российского Императорского флота. Его кипучей энергии и плодотворной деятельности наш флот был обязан тем, что в ту

пору занял одно из первых мест среди военных флотов других держав.

По своей живой, полной энергии, страстной натуре, Великий Князь Константин Николаевич, несомненно, был одной из самых интересных, ярких личностей времен царствования Императора Александра II-го.

Под стать Ему была и его супруга Великая Княгиня Александра Иосифовна, славившаяся своей необычайной красотой, живым, незаурядным умом и редким остроумием.

Немудрено поэтому что, насыщенный умственными и культурными интересами, родной, отчий дом для Великого Князя Константина Константиновича явился чрезвычайно благотворной почвой, на которой были взрощены и самым блестящим образом развились его природные замечательные дарования.

Состоя в должности командира роты Его Величества в Измайловском полку, Великий Князь Константин Константинович учредил еще нигде в ту пору не существовавшее литературное общество под названием "Измайловские досуги". Эти "Досуги" состояли в чтениях, сообщениях по изящной словесности и по научным предметам в общедоступном изложении. На "Досугах" допускалась музыка и спектакли. Действительными участниками "Досугов" считались почетные и действительные члены офицерского собрания Лейб-Гвардии Измайловского полка, а также выбывшие из полка офицеры и врачи. Всеми вопросами, как по организации "Досугов", так и по приглашению лиц на "Досуги", ведал особый комитет. Председателем комитета состоял со дня основания "Досугов" и до самой своей кончины Великий Князь Константин Константинович.

Первый "Измайловский досуг" состоялся 2-го ноября 1884 года. Всех "Досугов" было 223, втечении их исполнено 1.325 различных произведений, в том числе собственных. Число присутствовавших членов "Досугов" выражалось цифрой 9.348. Некоторые "Досуги" были посвящены специально одному из выдающихся писателей и поэтов. Так, по приглашению Великого Князя, читал свои стихи знаменитый в ту пору поэт Аполлон Николаевич Майков...

"Измайловские досуги" были любимым детищем Великого Князя. Этот кружок, им основанный "во имя доблести, добра и красоты"", являлся своего рода умственным и художественным островком в Петербурге.

Членами кружка "Измайловские досуги", под руководством Великого Князя, был поставлен в тщательной театральной обстановке и до мелочей обдуманном исполнении ряд спектаклей: "Гамлет", "Царь Иудейский" и другие, перенесенный затем на сцену Императорского театра "Эрмитаж".

Сам Великий Князь и некоторые члены Императорской

семьи принимали в них активное участие. По почину Великого Князя и под его руководством были организованы у него в Павловске представления по истории русского драматического театра и оперы в различные царствования. Между прочим, были поставлены комедии: “О, время” — Императрицы Екатерины Великой, “Ябеда” — Капниста и два водевиля сороковых годов и оперы: “Мельник колдун, обманщик и сват” — Аблесимова, “Иван Сусанин” — Кавоса и “Аскольдова могила” — Верстовского.

Эти представления сопровождались лекциями о театральном искусстве и очерками по истории оперы в различные эпохи.

Пройдя сам военную школу, Великий Князь, достигнув высокой и ответственной должности Генерал-Инспектора военно-учебных заведений, все свои силы положил на лучшее устроение наших военных школ — кадетских корпусов и военных училищ. Великий Князь не только “надзирал” и “инспектировал”, но поистине руководил военно-воспитательной деятельностью, изучая новые способы обучения и настойчиво проводя их в жизнь.

Кадеты называли Великого Князя своим Отцом и, действительно, сколько ласки и теплоты было в этой высокой, статной, родовитой фигуре, часто без всякого предупреждения показывавшейся в учебных классах!

Еще в большей степени Великому Князю Константину Константиновичу обязаны военные училища, в них он неизменно вводил новую систему обучения, признанную одной из самых лучших в мире.

В 1903 году, по почину Великого Князя, взамен двухгодичных, женских педагогических курсов, был в Петербурге основан Императорский Женский Педагогический Институт, с четырехгодичной программой университета, с физико-математическим и историко-филологическим факультетами. При Институте — Константиновская женская гимназия, в которой окончившие Педагогический Институт, на пятый год пребывания в нем, давали уроки по избранной научной дисциплине.

Великий Князь до своей кончины оставался Попечителем Педагогического Института и Константиновской женской гимназии, и, благодаря Великому Князю, Институт дал девять выпусков научно и практически подготовленных учительниц.

Помимо кипучей, обширной, плодотворной военно-педагогической деятельности, Великий Князь оставил нам свою, полную, чарующей прелести, поэзию, несколько музыкальных романсов и замечательной красоты литературные произведения. Поэтическое творчество Великого Князя, поистине является, образно выражаясь, драгоценной жемчужиной в короне рус-

ской поэзии. Слагая свои стихи, поэт под псевдонимом К. Р. запечатлел нам облик красоты старой, увы, ныне ушедшей России:

Но пусть не тем, что знатного я рода,
Что царская во мне струится кровь...
Родного православнаго народа
Я заслужу доверье и любовь.
Но тем, что песни русские, родные
Я буду петь немолчно до конца
И что во славу Матушки-России
Священный подвиг совершу певца...

Так творил Августейший поэт и пел во славу нашего Отечества-России.

Многогранна, многообразна и высокополезна была деятельность Великого Князя в должности Президента Императорской Академии Наук. Не было вопросов, касающихся общественности, литературы, поэзии, искусства, художества, наук и техники, которые не вызывали бы интерес, горячее сочувствие и содействие Великого Князя.

Я позволю себе привести один случай, чрезвычайно характерно свидетельствующий о необыкновенной отзывчивости Великого Князя в вопросах, связанных с возможностью великих достижений талантливых русских людей.

Когда в 1897 году известный Адмирал Степан Осипович Макаров осуществлял разработанный им проект постройки крупного ледокола "Ермак" для плавания в водах Арктики, он обратился за содействием к представителям Морского Министерства, чтобы создать это, в ту пору, чудо техники. Морское Министерство отнеслось к проекту и его осуществлению весьма холодно и в содействии Адмиралу Макарову отказало. Тогда талантливый Адмирал обратился к Почетному Члену Императорской Академии Наук, Великому Князю Константину Константиновичу, горячо приветствовавшему мысль претворения проекта Адмирала в действительность.

В конференц-зале Академии Наук Адмирал Макаров прочел лекцию-доклад академикам, профессорам и инженерам на тему о постройке мощного ледокола для плавания к устьям Оби, Енисея и в Финском заливе.

30-го мая 1898 года по желанию и распоряжению Великого Князя состоялась вторичная лекция Адмирала Макарова в Мраморном дворце, где было собрано экстренное заседание Географического Общества.

Большой зал дворца был полон, хотя пускали туда по особым пропускам. Послушать Адмирала прибыли некоторые Чле-

ны Императорской Фамилии, многие высокопоставленные лица, ученые, инженеры, офицеры, писатели, моряки военного и торгового флотов и представители печати. Присутствовали на лекции и Министр Сергей Юльевич Витте и маститый ученый Дмитрий Иванович Менделеев.

Министр Финансов С. Ю. Витте, на основании отзыва ученого Д. И. Менделеева, после этой лекции ассигновал, при посредстве Министерства Торговли и Промышленности, крупную сумму денег для осуществления проекта Адмирала Макарова.

Таким образом деятельное, горячее сочувствие Великого Князя послужило основанием и содействовало реализации постройки созданного русским Адмиралом замечательного изобретения, и по ныне являющегося образцом искусства ледокольного судостроения.

Когда в 1900 году состоялись выборы во вновь учрежденный в Академии Наук, в память Пушкина, Разряд изящной словесности, в число первых, почетных академиков этого разряда вошел и поэт К. Р. Это был Великий Князь Константин Константинович. Почти пятнадцать лет принимал он деятельное участие в занятиях Разряда, в значительной степени обязанного ему, как Председателю Академии и Председателю юбилейной Пушкинской комиссии, своим существованием.

В течении первой Великой Войны, Великому Князю ниспослано было тяжкое испытание горестной потери любимого сына Князя Олега Константиновича, павшего смертью храбрых на поле брани, также и зятя Князя Константина Александровича Багратион-Мухранского.

Расточая щедро, без счета, с таким самоотвержением свои силы, Великий Князь заметно стал угасать и скончался 2-го июня 1915 года в Павловске, горько оплакиваемый всеми его знавшими.

Можно смело сказать, что Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович был одним из лучших представителей славного, царствовавшего рода Романовых.

Всевышний был милостив к Великому Князю, избавив его от необходимости переживать тяжкие душевные муки, видя разруху в горячо любимом им Отечестве, потерю трех сыновей в самых ужасных обстоятельствах и бедствия, постигшие всех членов его благочестивой, великокняжеской семьи.

Люди, как Великий Князь Константин Константинович, самоотверженно, верно и нелицемерно служили нашей Родине и способствовали ее величию, и мы верим, что яркий, светлый образ обаятельного и талантливого Великого Князя не изгладится из памяти Вечной России.

Н. Чириков.

Письма Великого Князя к Его сестре Королеве Эллинов Ольге Константиновне

В. КН. КОНСТАНТИН КОНСТАТИНОВИЧ КОМАНДИР Л. ГВ. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА



1891 г. 11 марта.

"Я поражен и озадачен выпавшей на мою долю необыкновенной и неожиданной милостью. После Пасхи мне дают Преображенский полк".

1 мая.

"28 апреля знаменательный день. В 9 утра я был у Сергея. [1]) Он повез меня в Тавриду. Я прождал в одном из полковых зданий пока дежурный офицер не пришел доложить, что все готово. Он показал мне дорогу на Преображенский плац, где был выстроен весь полк в парадной форме и в полном боевом снаряжении. Завидев меня, Сергей скомандовал на караул и,

---

1) В. Князь принял полк от В. Кн. Сергея Александровича.

взяв шашку подвыс:, пошел мне навстречу. Когда мы сошлись и остановились друг перед другом, он опустил шашку, отрапортовал и покинул меня. Я остался один, совсем один; кажется никогда я еще не чувствовал такого одиночества. Я шел к фронту 1-го батальона по пустому плацу. За этими выстроенными в одну линию четырьмя ротами, тянулись в глубине остальные и взоры тысячей глаз были устремлены на меня. Было что-то приятное и ласкающее самолюбие в эти минуты, когда я подходил к полку. А музыка гремела Преображенский марш... Офицеров пригласил собраться в дежурную комнату. Там Сергей представил мне их поименно. Пожав каждому руку, я встал посредине и сказал: "Вступая в командование нашим славным л. гв. Преображенским полком, я знаю до глубины души, как велика честь, выпавшая на мою долю. Чтобы стать достойным этой Царской милости, высокого Государева доверия, мне прежде всего необходимо ваше дружное и единодушное содействие. Я глубоко убежден, что найду в вас тех самых ревностных и доблестных помощников, коими вы всегда и неизменно были, дорогому нам всем, моему предшественнику".

13 мая.

"Я слышал от Военного Министра, что Преображенцы на службе священнодействуют и действительно меня приятно радует исправность офицеров".

1894 г. 11 января.

"6-го вечером в полку был товарищеский обед, на котором я передал Никки [2]) подарок офицеров в память целого года, который он с нами служил. При этом я сказал речь. Он был очень смущен и тронут".

25 апреля.

"Сегодня утром Никки, в первый раз по возвращении, приезжал в полк. Всех солдат я собрал на Миллионную, чтобы они его поздравили. В начале мая, я посылаю 1-ый батальон в Красное и Никки будет жить в лагере. Он заранее этому радуется. Мне очень приятно, что он будет присутствовать на всех смотрах его батальона, это произведет радостное впечатление на его подчиненных. Экзамены Учебной Команде производить будет тоже он".

---

[2]) Наследник Цесаревич и В. Кн. Николай Александрович командовал тогда I-ым батальоном полка.

5 мая.

"Я с комиссией, в состав которой входит и Никки, сделал смотр Учебной Команде полка. Это был один восторг. Начальник дивизии князь Оболенский [3]) сказал, что лучшего и желать нельзя".

13 мая.

"Никки всю зиму занимался с унт.-офицерами 1-го батальона. Я экзаменовал унтер-офицеров. Они отвечали чудесно. Видно было, что он с ними занимался усердно".

5 декабря.

"Царь сказал мне, что дает всем служившим в 1-м батальоне до 30 октября [4]) свой вензель для ношения на груди. Комадир 1-го батальона будет называться временно командующим".

13 декабря.

"Свой дом в Преображенском лагере Царь дарит мне и моим преемникам".

31 декабря.

"Царь спрашивал меня будет ли Кашерининову подарок от полка, когда я ответил, что будет, он сказал, что хочет принять в нем участие. Представить нельзя какое это произвело впечатление в полку".

1895 г. 25 января.

"Вчера Царь прислал мне свой большой фотографический портрет в чинаровой раме, для Полкового Собрания и милейшую записку, неоцененно дорогую для полка, в которой пишет, что желает подарить его "дорогому Офицерскому Собранию на Миллионной, в котором провел два года, неизгладимых по гроб жизни. Может быть я этим доставлю хоть какую радость бывшим товарищам". Мы вырежем слова на медной дощечке и поместим под портретом. Все остались завтракать, пили за Царя и восторженно кричали Ура. Я послал от полка телегремму.

8 декабря.

"Царь, при милейшей записке, прислал четыре иконы Ни-

---

3) Бывший командир полка.

4) До дня восшествия на Престол Императора Николая II-го.

колая Угодника, с лампадами, для четырех рот 1-го батальона. Я передал ротам Царское благословение".

1896 г. 7 января.

"Был у Царя, мне надо было поговорить с ним, просить заступничества за казармы 1-го батальона. Туда хотели поместить часть Св. Гв. батальона. Но наши казармы двух-вековое, преимущество одного только батальона Преображенцев, который еще при Екатерине I был поселен по соседству с Царским дворцом. Царь согласился".

5 марта.

"На днях, ночью, я вызвал по тревоге дежурную часть сперва в казармах на Миллионной, а потом в Тавриде, Люди выбежали хорошо. Через 9 минут все было готово".

9 апреля.

"В Москву отправляюсь с полком рано утром 27 апреля, а на месте будем 28-го утром. 1-ый батальон станет в Кремле, а 2-ой и два Семеновского полка, которые тоже под моей командой, в конце Маросейки".

5 июня.

"По пути на вокзал, мой батальон, как и в день прибытия в Москву, помолился у Иверской. Все, до последняго солдата, приложились к иконе, внесли знамя в часовню. Когда его опять вынесли, я скомандовал на Красной Площади: слушай на караул, и мы пошли на вокзал".

12 августа.

"В записке ко мне, Царь назвал свою девочку: Дочерью 1-го батальона".

25 ноября.

"Открытие нового собрания состоялось 19-го. Что это был за восторг. Теперь у нас настоящий дворец, все отделано с удивительным вкусом. Гадон устраивал наш арсенал, полный предметов, в котором можно изучить все прошлое полка. В большой зале, она вся белая, угловая, в два света и с хорами, украшенная чудной лепкой, с тремя большими хрустальными люстрами, красуется мраморная статуя Александра I-го во весь рост.

Это художественное произведение знаменитого Рауха, исполненное в 1821 г. в Берлине и подаренное полку в 1836 г. графом Остерманом. Кроме того, в зале помещены мраморные бюсты Петра Великого, Николая I-го, Александра Николаевича и портреты покойного Александра III-го и Николая II-го, в рост. а царствовавших Императриц — поясные. На стене, за бюстом Петра Великого, крупными буквами надпись: ПОТОМ ТРУДОВ МОИХ СОЗДАЛ Я ВАС. В том же здании, где собрание, и наш лазарет и церковь. 29-го ее освятили, при этом были все офицеры и полковые дамы".

1 декабря.

"23-го, три солдата, идя вечером через Преображенский плац, подобрали подкидыша, девочку, при ней была записка, что при молитве ей наречено имя Прасковии. 27-го младенца окрестили в нашей лазаретной церкви, в присутствии офицеров. а восприемниками были старшая полковая дама Порецкая и я. Это полковое дитя и назвали ее Прасковьей Захаровной Преображенской. Мы поместили дитя в приют".

1898 г. 10 января.

"Наш Царь обедал у нас в полку и пробыли в офицерском собрании с 7 до второго часа ночи. И что это было. Мы теперь ходим как в чаду и нам кажется, что это приснился волшебный сон. Нас было немного менее 100 человек... Когда разлили шампанское, я встал и, когда смолк шум отодвигаемых стульев, начал, сперва обыкновенным голосом, потом все возвышая и под конец почти криком, произнес следующее: "Ваше Императорское Величество, с радостным, нетерпеливым трепетом ждали мы обещанного Вашим Величеством дня, когда впервые увидим Вас в этих стенах, и желанный день настал.

Отложив царственный труд и заботы, Ваше Величество вспомнили тех, на чью долю выпал завидный жребий несколько лет прослужить с Вами под одним знаменем. Если всегда и во всякую воинскую часть, посещение Верховного Вождя вносит великую радость, то какое невыразимое счастье даруете Вы нам. не только вступая в наш круг, но и деля с нами эту товарищескую трапезу. Государь, преисполненные любовью, благодарности и восторга, наши сердца рвутся к Вам навстречу, сливаясь в единый заветный клик: Да здравствует Державный Преображенец. Ура"... и раздалось такое Ура, что казалось стены не выдержат и раздадутся. Царь кланялся и перед тем как снова сесть, взял меня за руку и поцеловал. По окончании обеда, Он громко и отчетливо сказал: "Господа, я не могу выразить

как счастлив снова быть среди вас. За последние три года, Я постоянно, всеми помыслами, стремился к вам, но не мог быть у вас по разным причинам. Впервые находясь в этой зале, хотя и в незнакомой обстановке, я невыразимо счастлив видеть ваши дорогие лица. Я надеюсь и уверен, что Преображенский дух будет всегда жить и окрылять Преображенцев". Потом Он осматривал все комнаты. Устроилось "сиждение", пели полковые песни, ни одной не происходило неловкости, ничем не нарушался порядок и ничто не оскорбило благоговения, которое внушал нам дорогой Гость. Когда он собрался уезжать, мы подняли Его и отнесли в переднюю, Многие офицеры побежали за Его коляской в одних сюртуках, без шапок и оружия. Долго будем мы теперь взвешивать Его слова, обдумывать Его взгляд, вспоминать каждое движение, соблюдая в сердце воспоминание об этих счастливых часах".

7 сентября.

"Царь был лично со мной и с полком особенно внимателен и на маневрах все время носил наш сюртук".

1900 г. 25 марта.

"Полк сдан. В 11 был на казарменном дворе Тавриды, где уже построился весь полк. К каждому батальону я держал речь, благодарил и читал наставления. Вызвал вперед фельдфебелей и сверхсрочных, поговорил с ними, тут старейший из них поднес мне крестик для ношения на шее от имени нижних чинов. Принял знамена, осенил полк крестным знаменем и ушел".

Прощальный приказ В. Кн. Константина Константиновича

Приказ 14 марта 1900 г. № 74.

Высочайшею волею, призванный управлять военно-учебными заведениями, Я отчислен от командования полком. Но в то же время, Государю Императору благоугодно было удостоить меня оставлением в списках полка. Такая Монаршая милость на всю жизнь неразрывно связывает меня с беззаветно любимыми Преображенцами и в день прекращения командования полком подает мне великое утешение.

Я невыразимо счастлив, что из командира, обязанного не только хвалить и награждать, но также иногда порицать и карать, я становлюсь вашим товарищем и мне теперь возможно всеми силами души только любить дорогой наш полк и каждого из его доблестных чинов, позабыв о неизбежной для начальника, подчас тяжелой ответственности и необходимой строгости. Я счастлив, что не прощаюсь с вами, Господа Офицеры,

дорогие, родные мои сослуживцы. Счастлив, что, пробыв в голове полка около 9-ти лет, близко узнал и полюбил вас. Счастлив, что убедился, как высоко вы держите честь наших знамен, увенчанных двух-вековою славою, как ревниво дорожите вы незапятнанностью нашего славного мундира, как горячо отдаетесь святому долгу службы, указывая пример самоотвержения нижним чинам, находя в братских о них попечениях и радость и утешение.

Всей любящей душой благодарю вас, Господа командиры батальонов, заведующий хозяйством, ротные командиры, полковой адъютант, делопроизводитель полкового суда, заведующие командами, оружием, казарменными зданиями, хлебопекарней и лазаретом, чины полкового штаба, младшие офицеры, врачи, полковое духовенство и чиновники, благодарю за помощь и поддержку, которые я неизменно находил в ваших трудах на пользу полка. Смело выражаю уверенность, что и вы, Господа Офицеры, перестав быть моими подчиненными, сохраните ко мне чувства товарищеского расположения, всегда расчитывайте на мое к вам сердечное участие.

От полноты сердца, спасибо и вам, молодцы нижние чины, от старейшого из фельдфебелей до последняго молодого солдата. Вы знаете как я любил вас. Не прощаюсь и с вами, братцы. Если вперед уж не как командир ваш, то все же буду как однополчанин всегда следить за вами, на вас радоваться и вами любоваться. Мне хорошо известно, что вы гордитесь честью Преображенского солдата и сумеете научить и младшие поколения, как надо служить верою и Правдою Царю и Отечеству, не за страх, а за совесть, не щадя жизни своей, до последней капли крови. Я знаю, вы твердо помните, что

Потешные былые
Рады тешить мы Царя

как поется в нашей старинной полковой песне, и что

Счастьем всяк из нас считает
Умереть в Его глазах.

Столько лет живя радостями полка и деля его печали, я привык видеть в нем родную семью и надеюсь, что все чины его и впредь будут считать меня своим.

Если кого чем обидел или неведомо для самого себя причинил кому огорчение, прошу простить мне невольную вину и не поминать лихом.

Сдавая командование преемнику моему, старому Преображенцу, Свиты Его Величества Генерал-майору Озерову, и в последний раз подписывая полковой приказ, высказываю твердое убеждение, что созданный Великим Петром Преображенский полк, на веки вечные, пребудет не только по названию, но и доблести своей первым полком Российской Армии и лучшим украшением Гвардии нашего Царя.

Свиты Его Величества
Генерал-майор **Константин**".



ГЛАВНЫЙ НАЧАЛЬНИК ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.

1899 год:

5 апреля.

... О назначении меня начальником военно-учебных заведений до меня ничего более не доходило, да и слава Богу, будущность от меня не уйдет, а мои тщеславные поползновения совсем затихли. Мне бы теперь, перед милым лагерем, очень не хотелось менять своего положния.

20 апреля.

... В Страстную Субботу я услышал от Военного Министра, что ГОСУДАРЬ желает вверить мне военно-учебные заведения, но предоставляет мне приняться за это дело после 200-летнего юбилея Лейб-Гвардии и Нарвского боя, то-есть, в ноябре будущего года. Итак, это больше не тайна и не слух, а, всем известная, действительность. Я и рад и вместе с тем мне это как-то страшно. Очень хочется занять должность и очень не хочется сдавать полк. А совместить и то и другое кажется невозможным.

10 мая.

... Ты угадала: должность Начальника военно-учебных заведений как нельзя более мне по душе и я с радостью ее займу.

27 сентября.

... Мне бы хотелось знать что-нибудь определенное о предстоящем назначении; еще 4 июля Ники положительно отсрочи-

вал его до ноября будущего года, а теперь я не знаю насколько основательны слухи об ускорении моего назначения.

4 октября.

...В Военном министерстве, приказано Всеподданнейший доклад о моем назначении приготовить к ноябрю месяцу. Я уже примирился с мыслью, что покину полк ранее ноября 1900 г. как было предположено, но мне очень бы не хотелось вступать в новую должность до окончания представлений "Гамлета", то-есть до февраля. Ты поймешь чувство неловкости, которое я должен испытывать при мысли, что немедленно после занятия такого важного места, мне придется появиться на подмостках придворной сцены. А отказаться от игры Гамлета я просто не в силах, так занимает и поглощает, и тревожит и радует меня исполнение этой роли, да еще в собственном переводе. Если я буду назначен в ноябре, а в начале января уже придется играть на театре, какое произведет это не благоприятное впечатление. Дождусь возвращения Военного Министра, а потом и Царя, это будет в начале ноября, и буду просить об отсрочке назначения.

28 декабря.

...26-го Васмунд был у меня. Он успел доложить о моем ответе Владимиру, который уважил мои доводы и поехал к ГОСУДАРЮ, чтобы сообщить об этом. Итак, повидимому, остается по старому и я не предвижу никакой перемены до конца февраля, то-есть до первой недели поста, когда надеюсь на прощание, отговеть с первым батальоном.

1900 год:

21 февраля.

...новая должность меня пугает.

27 февраля.

...скоро, может быть завтра или послезавтра, состоится новое мое назначение.

6 марта.

...Вот и состоялся приказ о назначении меня Главным Начальником Военно-Учебных Заведений...

12 марта.

Мне и радостно, и страшно начинать новую деятельность, но я твердо надеюсь, что мои молитвы и молитвы других помогут мне справляться с трудной задачей.

13 марта.

...Был я в крепости, помолился у родных могил, а также у гробницы Михаила Павловича. одного из предшественников моих, по заведыванию военно-учебными заведениями. Завтра вступаю в управление.

25 марта.

... 15, вступил в управление военно-учебными заведениями. Мне были представлены все чины Главного Управления, числом — 70, в его помещении на Васильевском острове. С тех пор, я завален делами. По утрам, приемы или доклады в Главном Управлении, а дома бумаги и бумаги, но не как полковые, требовавшие бесчисленных подписей, а трудные, незнакомые, над которыми надо думать, в которые надо вникать. С понедельника, на пятой неделе, я начал ездить по здешним корпусам и училищам и к вчерашнему дню объехал все 7: корпуса Первый, 2-й, Пажеский, Павловское Военное Училище, Александровский корпус, Николаевское Кавалерийское Училище и Николаевский корпус. Сегодня еду в Москву, чтобы на шестой неделе объехать тамошние 5 заведений — три корпуса и два училища. Эти посещения доставляют мне очень большое удовольствие, — я люблю молодежь и детей. Теперь, под моей командой тысячи молодых существ, от 10-летнего возраста и до 20-ти. Все они так весело смотрят прямо в глаза, приветливо улыбаются, чувствуешь их доверие и сознаешь, что можно из них делать, что хочешь, хотя бы веревки вить. Но дел у меня ... положительно ни единой минуты для себя, а все бумаги и бумаги. И какое увлекающее дело...

1 апреля. Москва.

...Здесь, я объехал Военно-Учебные Заведения, сперва официально, а потом, в каждом побывал запросто и неожиданно для них. В одном был до шести утра, когда кадеты еще спали, они при мне вставали, одевались. умывались, молились Богу и пили чай. В другом видел, как они ложатся спать. Суеты и возни много у меня. Дело мое мне все милее и дороже; я не понимаю, как бы я существовал без него. Мои спутники оказались прекрасными, знающими людьми. Предвижу, что генерал Бутовский будет для меня очень полезным человеком, он нравится мне больше двух моих помощников.

7 апреля.

...Я завален делами. Вернувшись сюда из Москвы, уже на другой день, это было в Страстной Понедельник, в половине

шестого утра, поехал в Пажеский корпус. Там все еще спали, при мне пажей будили, они вставали, умывались, молились Богу, бегали по двору и пили чай. В 7 часов, застал за чаем кадет Александровского Корпуса и присутствовал при приготовлении уроков. В первые три дня Страстной Недели, объехал невзначай все здешние заведения, а дома — бесконечные бумаги. Но, как мне по душе новое дело. Не знаю, как бы я мог без него, хотя посвятил себя ему всего только 3 недели назад.

22 апреля.

...Новая моя деятельность, на первых порах, отняла у меня всякую возможность делать, что хотел. Я наслаждаюсь, посещая корпуса и училища, я всегда любил учебные заведения. А эти, облагороженные военным мундиром, приподнятые духом воинской доблести, мне особенно милы. Готовлю себе большое удовольствие от поездок, чем более в глуши, тем отраднее доставлять удовольствие этим юношам и детям, сближаясь с ними, распрашивая их шутя, смеясь и полунежно, полусердито, браня, когда нужно.

26 апреля.

...Я так радуюсь ехать по корпусам, да еще вглубь России. Илья Александрович (И. А. Зеленой, Гофмейстер Двора В. К. Константина Константиновича) довезет меня до Варшавы, где мы расстанемся, а далее со мной едут два генерала и один адъютант из Главного Управления.

11 мая.

...моя поездка — ряд счастливых минут. Помня пример Михаила Павловича (В. К. Михаил Павлович), сам видав, как Папа (В. К. Константин Николаевич), покойный дядя Низи (В. К. Николай Николаевич) и теперь еще дядя Миша (В. К. Михаил Николаевич) — умели привязывать к себе молодежь, я стараюсь подражать им, их обращению с нею и также отдаюсь собственному своему влечению к детям и молодым людям. Угол падения всегда равен углу отражения, и вот все эти молодые сердца платят мне таким расположением, доверчивостью и привязанностью: везде блестящие радостью глаза, светлые улыбки и толпа молодежи и детей теснится ко мне со всех сторон.

Прежде, я, бывало, во время еды кадет, только пробовал их пищу, то у одного, то у другого. Начиная с Елизаветграда (куда я попал после Варшавы, Киева и Одессы), где негде было обедать, я сел за стол прямо с юнкерами кавалерийского училища. После первого же опыта, у меня исчезла бывшая застен-

чивость и теперь я везде ем за завтраком, обедом и чаем с юнкерами или кадетами, предоставляя начальству садиться где-нибудь поодаль, чтобы не мешать молодым людям и детям болтать со мной... В Полтаве особенно сильно проявилась привязанность кадет, верно оттого, что туда я попал 6-го в субботу, а так как на другой день был также праздник, то мне надо было остаться и на третий день, чтобы видеть занятия. За эти три дня (мы с кадетами) успели сильно привыкнуть друг к другу. В свободное время, они положительно меня осаждали, не отходя ни на шаг, выпрашивали у меня окурки, таскали спички, носовые платки и т. п. Я же, в свою очередь, благодаря хорошей памяти на имена и лица, очень многих успел узнать и запомнить. Был в Полтаве бедный маленький Дехтерев, 13 лет, которому прошлой осенью, пришлось отнять ногу выше колена, чтобы спасти от туберкулеза. Когда я услыхал его рассказ о том, как после ампутации он узнал о своем несчастии и заплакал, меня самого чуть слеза не прошибла и я поцеловал маленького, который теперь преловко ходит с помощью деревяшки. С тех пор, убогий мальчик ходит за мною как тень. Трогательно видеть, как другие дети, не только взрослые, но и маленькие, его оберегают, поддерживают, в толпе смотрят, чтобы его не ушибли.

Сегодня, в шесть часов утра был на подъеме кадет, теперь иду на уроки. После обеда, еду в Орел, оттуда в Полоцк, а там в Вильну, Псков и домой.

13 мая.

... Здесь, в Орле, та же история что и везде, те же радостные кадеты, не хотящие меня отпускать, выпрашивающие на память мои окурки, спички и пр. Конечно, самая большая прелесть — это маленькие. Здесь, в Орловском Бахтина кадетском корпусе, в двух младших ротах самые маленькие по росту, в то же время, первые ученики в своем классе, одному — только десять лет.

20 мая.

... я побывал в Полоцке, где воспитывался наш Полиголик (Генерал Павел Егорович Кеппен, Управляющий Двором Великой Княгини Александры Иосифовны), в Вильне, где есть юнкерское пехотное училище, и вот третий и последний день провожу в Пскове, ради имеющегося здесь кадетского корпуса. В Полоцке, ничтожном еврейском городишке, нет ничего кроме кадетского корпуса, помещенного в бывшей иезуитской Коллегии, да памятника в честь сражения в 1812 году. Как и везде, кадеты льнули ко мне, как мухи. Мы снимались

группами с каждой из трех рот, причем я самого крохотного посадил себе на колено. На прощанье, кадеты выпрягли лошадей, сами впряглись в мою коляску и довезли меня в ней до вокзала. Такие же восторги и здесь, в Пскове. Ем я постоянно с кадетами, соблюдая очередь между ротами, и то с каждого стола просят сесть к ним, но столов много, а я один и на всех не угодить. Здесь меня совсем обобрали, даже шпоры отцепили на память, выпросили перчатки, платок и т. п...: летом кадеты распущены и мне не предстоит разъезжать по заведениям, разве изредка в Красное, к юнкерам и пажам. Следующий большой объезд надо предпринимать не ранее 1-го сентября, когда возобновятся занятия. Собираюсь по Волге в Ярославль, Нижний, Казань, Симбирск, Омск, Оренбург, Вольск, Новочеркасск, Тифлис, Сумы и Тверь. На это потребуется, думаю, не менее пяти недель.

2 июля.

... садясь в вагон, в Петербурге, 24 июня, я сообразил, что в Пскове поезд стоит ¼ часа и что можно повидаться с кадетами тамошего корпуса, которые подобно нашим Петергофским знакомым, по разным причинам, не воспользвались отпуском и живут в лагере. Послал срочную телеграмму, чтобы их всех привезли на вокзал. И вот я с ними поболтал, в течение четверти часа, а когда поезд тронулся, они кричали "ура" и долго провожали меня бегом. Я придумал, на обратном пути, 14 числа, опять выписать их на вокзал и, если окажется свободное место, в их лагерном лазарете, провести там около суток.

23 сентября.

... Сперва Псков и множество знакомых кадет, из которых я некоторых вспомнил не только по лицам и фамилиям, но даже и по именам... потом два дня в Киеве, где надо было делиться между одинаково близкими сердцу, корпусом и военным училищем, расположенными на двух противоположных и очень удаленных друг от друга концах, широко раскинутого города. И там нашлись знакомые юнкера и кадеты и сердце умилялось от приветливых взглядов и улыбок. После Киева — день в Сумах, среди 55 мальчиков от 10 до 12 лет, только что возникшего корпуса. И что за обворожительные дети. Простые, безхитростные, веселые, ласковые. Они просили меня не уезжать от них и побыть подольше.

9 ноября.

... Что сказать тебе про путешествие? Это длинно и трудно. Главное — счастлив. Счастлив, как редко бывал в жизни. Ни-

каких столичных дрязг, светской мелочности, глупых разговоров, только дело, дорогое и любимое мною дело ознакомления и все большего и теснейшего с моими заведениями. Ты знаешь, я ничего не хочу сразу ломать и переделывать, никаких определенных намерений у меня нет, а хочется вникнуть в жизнь кадет и их руководителей и тем и другим — принести пользу. Вот я и присматривался и, если хочешь бессознательно, подавал пример, как надо уметь любить и быть любимым без чего невозможно воспитание. А ты знаешь, что любить мне нетрудно и что не любить я не могу. А любовь плодит только одну любовь и вот должно быть почему был я так рад и счастлив. Утомления я не чувствовал, да думаю, что его и не было, потому что большей радости, как быть с детьми и юношами, вверенными моим попечениям, я не знаю. Любовь чувствуется и поэтому вся эта молодежь, как бы по волшебству, делалась сразу моей и я сознавал, что могу делать из нее, что хочу. И странно, везде я попадал на худших, на неудачников, на ленивцев, на мальчиков дурного поведения, они везде особенно ко мне льнули и я думаю, что это было хорошо. Что некоторых удалось поддержать, подбодрить, вселить веру в них самих, в их дремлющие силы, — приподнять их в собственных глазах. Конечно, я не высказывал к ним презрения, а старался ласкою их направить на добрый путь. Где было лучше? Который корпус мне больше пришелся по сердцу? Где меня особенно сердечно встречали и провожали, я не могу ответить на эти вопросы... Лучше там — где находишься в данную минуту, самый дорогой мне корпус — тот, куда я попадаю. Встречали и провожали везде так, что нельзя вспомнить без благодарных слез умиления. Все про меня говорят, что я добр, и приветлив и снисходителен, но не знают или не понимают того счастья, которое доставляет мне возможность проявлять и доброту и ласку. Дело не в том, что я давал — а что я получал. Не проходило двух дней, а сближение становилось так тесно, так задушевно, отношения завязывались так крепко, что прощание причиняло мне истинное огорчение и, в день отъезда из каждого места, я с утра начинал томиться предстоящей разлукой. И поверишь, поезд отходит и некоторые, даже совсем взрослые, кадеты плачут, просто плачут навзрыд и сам я с трудом удерживаю слезы. Везде я, с помощью милого генерала Бутовского, посеял семена нового веяния, говорил о необходимости вести маленьких не так, как больших, по мере того как они подрастают, выказывать им все более доверия, ограничивать всевозможные запрещения, постепенно выпускать поводья, создавать из старших воспитанников друзей, с помощью которых можно было бы руководить младшими. А теперь ребенок, поступая в 1-й класс, нас боится для того, чтобы

заставить бояться себя, когда дорастет до 7-го класса. И эти новые мысли, еретические для педагогической рутины, как только бывали высказаны, немедленно приводили в заметное движение сонные собрания педагогических комитетов, которые я собирал в своем присутствии, во всех корпусах, вызывая оживленные прения и, большей частью, сочувствие. И вся эта воспитательная семья зашевелилась, забродила и подает надежду, что мне удастся добиться своего: везде уже знают, что исключение из корпуса воспитанника есть самая последняя, самая нежелательная, крайняя мера...

Я очень тронут мнением Сандро (В. К. Александр Михайлович), который желал бы Морской Корпус подчинить мне. Да и я сам был бы не прочь от сосредоточения в моих руках всех, еще не подчиненных мне военных училищ, а следовательно и Морского Корпуса.

14 ноября.

... до сих пор еще не успел объехать всех. Не побывал в Александровском и Николаевском корпусах...

После моего отъезда из Симбирска, тамошний директор корпуса разрешил всем кадетам написать мне письма, переплел их в три книжки, по числу рот, и прислал сюда. Я все это читал и перечитывал с умилением и даже иногда со слезами радости. Особенно растрогали меня два письма кадет, которым угрожало исключение из корпуса, за дурное поведение, я разрешил оставить их в корпусе, что даст им возможность исправиться...

... у пажей была нехорошая история, но я надеюсь ее уладить к общему удовольствию...

... мне удавалось побыть в Николаевском Кавалерийском Училище за юнкерским обедом и сидеть подле георгиевского кавалера Мациевского.

... В Первом и 2-ом корпусах видал наших общих знакомых, некоторые из них исправились, а иные снова зашалили.

... В Главном Управлении по понедельникам и средам большие приемы, но зато меня меньше изводят докладами.

21 ноября.

... Георгий (В. К. Георгий Михайлович) совсем прав, жалуясь на газеты, которые слишком часто и подробно описывали мое пребывание в разных городах, рассказывая и то, что не было. Например, я и не думал приказывать, чтобы мою кровать переносили в спальню старшего класса, напротив, кровать правофлангового кадета всюду приносили в отведенное мне помещение. Правда, в некоторых корпусах, после моего отъезда,

эту кровать на фланге в кадетской спальне часто хранили и накрывали чехлом, но, как ты легко себе представишь, конечно, не по моему приказанию. Согласен с тобой, что эти подробности совершенно излишни и могут мне только повредить. А потому я здесь запретил, чтобы о моих посещениях военно-учебных заведений сообщалось в газетах. Ты тысячу раз права, что надо быть постоянно на стороже, чтобы не возгордиться, слыша похвалы и видя поклонения. Своим чутким сердцем, ты верно угадала, что если бы моя воля, я бы бесконечно странствовал по всем военно-учебным заведениям России. Но в Петербурге их целых семь и я почти каждый день бываю в одном из них. По возвращении сюда, я уже успел объехать все, а в некоторых был даже по два раза.

28 ноября

...На прошлой неделе было три праздника. 23 — во 2-м кадетском корпусе, куда мы поехали вместе с женой. Обедня, молебен, кадеты чудесно пели на два клироса, собралось много народа... все бывшие кадеты. Завтракали с женой за кадетским столом, она с самыми маленькими, а я со старшими. Знакомый тебе, Вася Ушаков, поднес жене акварель, очень мило написанные розы, в рамке, сделанной другим кадетом. Были у меня на неделе и другие радости: меня позвали на Праздники — 24 в Николаевское Инженерное, а 25 в Михайловское Артиллерийское Училища, которые мне не подчинены. Многие из знакомых мне кадет туда поступили, а видеть их я не мог, и вот представился законный повод с ними встретиться. В каждом училище, я просил построить вновь поступивших из корпусов кадет отдельно, обходил их, с каждым разговаривал, многих узнал и в лицо и по фамилиям. Я, как мальчик, радовался свиданию с ними, а они так весело мне улыбались. Третьего дня, вечером поехал опять с генералом Бутовским и адъютантом Драшковским в Фридрихсгам и весь вчерашний день провел в Финляндском кадетском корпусе. Ехал я туда в полном удовольствии познакомиться с новыми, хотя и не Русскими кадетами, нес им только сочувствие и расположение, без всякой тени недоверия или подозрения вследствие политических соображений и постарался отнестись к ним так же приветливо и ласково, как к кадетам Русских корпусов. А они и встретили и особенно проводили меня с настоящим восторгом, нисколько не отличающимся от изъявления добрых чувств наших кадет: так же таскали в кресле с криками, также окружали тесной толпой, так же провожали на вокзал, махали шапками и долго бежали за вагоном. Милые юноши и дети. Жаль только, что лишь со старшими я мог говорить по-русски, да и то они объяснялись

с грехом пополам, а маленькие — совсем по-русски не понимают...

Итак, в восемь месяцев объехал все вверенные мне кадетские корпуса, кроме одного Хабаровскаго, возникшего 1 сентября, где еще всго три младших класса. Это отрадное чувство, теперь я знаю с чем имею дело — управлять легче. Начнется работа осторожных и постепенных нововведений, в которой Бутовский для меня незаменимый помощник.

5 декабря.

... за последнюю неделю я побывал в дисциплинарном комитете Пажеского корпуса и Павловского военного училища, а также посетил Николаевский корпус, во время утренних уроков и завтрака и Первый корпус, на вчерашней Всенощной. Мне не удается бывать в заведениях так часто, как я об этом мечтал летом и как-бы хотелось, есть обязанности, мешающие отдаваться корпусам и училищам совершенно. Во мне постоянно есть чувстов неудовлетворенности, хотелось-бы стать поближе ко всей молодежи и детворе. В провинции это было легче, чем здесь.

13 декабря.

... Своими делами я доволен. Мечтаю теперь о том, чтобы корпусам, у которых были, в старое кадетское время, свои знамена, разрешили брать их в строй, вместо того, чтобы держать эти святыни в церкви, как отжившие реликвии. То-то будет восторг. А теперь мечтаю, чтобы и новейшим корпусам, возникшим уже по преобразовании старых, то-есть после 63 года, по примеру прежних, были тоже пожалованы знамена, которых они не имеют.

19 декабря.

... В субботу, мы с женой были на вечере в Пажеском корпусе. Пажи давали концерт, играл струнный оркестр, были отличные балалаечники, подвизались на корнете, скрипке и рояле. Нам было очень весело.

25 декабря.

... Мне живется необыкновенно счастливо: я наслаждаюсь, всеми силами души, своей деятельностью, дела обременяют меня очень мало, в Главном Управлении дышется свободно, своим помощником я доволен, удается делать добро, поддерживать пошатнувшихся детей и юношей, подбадривать нехороших, прощать провинившихся и т. д. Я никогда еще не был

так счастлив, как теперь. 23 — были с женой на празднике в Павловском училище, она смущалась, что там не дети, а взрослые юноши, но все-таки, села с ними завтракать за один стол. А встала она очень довольная — так ей было весело. Юнкеров она обласкала, они были в восторге, а я, ради этого, испытал очень большое удовольствие. Сам я сидел в другом конце столовой и, как всегда, конечно, очень веселился с этой милой молодежью.

28 декабря.

... возвращается в Петербург Куропаткин и, я думаю, тогда начнется у меня с ним борьба. Как ты знаешь, я всецело отдался Военно-Учебным заведениям, а он занимается ими между делом, обязанный одновремнно заботиться обо всех главных управлениях, входящих в состав Военного министерства. У него свои взгляды, часто односторонние, предвзятые, а потому — неправильные, но, тем не менее, он многое делает по своему, что очень мне мешает и портит дело. Я опасаюсь, что он находится под влияним Рудановского, который, как удаленный мною, не может желать мне добра и нашептывает ему мысли, идущие вразрез с моими взглядами. Рудановский имеет смертельного врага своих убеждений в лице моего главного советчика и поверенного — Бутовского. Вот отчего, я полагаю, что борьба неминуема и немного этим смущаюсь. Но посмотрим. В борьбе могут быть и увлекательные стороны.

1901 год:

10 января.

... мы (с Бутовским) поехали 31 декабря в Псковский кадетский корпус, где на праздниках оставалось человек 70 кадет. Я со всеми поздоровался, узнал многих знакомых, отстоял в корпусной церкви обедню (было воскресенье), завтракал с кадетами, болтал с ними и вместе пошли на вокзал. В два часа уехали в Петербург.

... до Крещения, я побывал в разных училищах и корпусах, чтобы повидать, как проводят время бедные юнкера и кадеты, которым, или по недостатку средств или по дальности расстояния, нельзя было уехать на праздники к родным. В Павловском училище мне как-то удалось разбить лед натянутости и строевого страха, мы весело болтали и смеялись.

... Куропаткин вернулся из Крыма. Завтра я, уже во второй раз в новом году, еду к нему с докладом и при этом чувствую себя птицей, у которой крылья растут, но их тут-то и подрезают.

18 января.

...теперь у меня забота о преобразоавнии Финляндского кадетского корпуса. Его хотят переделать и, конечно, испортить, так как старое хорошее слишком нетрудно превратить в новое дурное. Я готовлюсь, разумеется, с помощью Полиголика, который хорошо знаком с финлянскими делами, подать докладную записку, в которой выскажу свое особое мнение.

23 января.

...кадеты 2-го корпуса, человек 35, ходили на лыжах на взморье, офицер провалился сквозь лед и двое кадет, Тутолмин и Бедановский, бросились его спасать вытащили и спасли. На докладе об этом военного министра, Государь написал: "их поступок заслуживает большой похвалы". Бумагу с этой надписью я сегодня отвез в корпус. Директор собрал всех кадет в большую залу и прочел перед ними и доклад и Царскую пометку. Потом кричали ура...

...Боюсь, что скоро начнутся у меня несогласия с Куропаткиным и заранее извожусь, что, конечно, очень неблагоразумно, так как нечего раньше времени тревожиться...

...мечтаю в конце февраля, съездить в Москву, дней на десять и побывать в двух-трех провинциальных корпусах, например, в Орле или Полтаве и в Полоцке.

28 января.

...Борьба с Куропаткиным началась. На последнем докладе, он первый заговорил о носящихся слухах об отделении моего Главного Управления от военного министерства и начал так, будто бы сам не прочь от моей независимости, но кончил утверждением, что оно немыслимо. Тем не менее, я поручил надежному, сведущему человеку разобрать главные положения возможного обособления, без полного разрыва с военным министерством. Куропаткин говорил также о моих взглядах на необходимость изменить систему воспитания в наших корпусах, перейдя от принципа недоверия к доверию и предостерегал от опасности коренной ломки. Никогда я ему о своих видах не сообщал, откуда они ему известны, я не знаю и думаю, что тут не без Рудановского, который ему что-нибудь против меня нашептывает. Итак, борьба началась и очень меня волнует. Вероятно опять будут стараться выставить меня в глазах Государя увлекающимся, либералом, опасным человеком и т. д., словом, пустят в ход все те поклепы, на которые бывали щедры по отношению к покойному Папа. (Великий Князь Константин Николаевич).

2 февраля.

...вчера был у меня, на докладе у Куропаткина, довольно крупный с ним разговор. В предыдущий раз, он, битый час читал мне длинный урок о том, насколько надо быть осторожным, приступая к изменениям в воспитательной системе, и как опасно резко переходить от недоверия к доверию".

6 февраля.

...Куропаткин опять отличился: послал своего адъютанта, графа Бобринского, к моему — генералу Бутовскому, разузнать, какие такие замышляю я реформы в корпусах. Положим, мое дело от этого только выигрывает — убедятся, что ничего страшного я не придумываю, но как тебе нравится такой образ действий? Бутовский прочитал ему записку, которая обсуждалась здешними директорами у меня на совещании, и Бобринскому все это очень понравилось. Вероятно, он доложит военному министру об этом в благоприятном смысле. Но все же такое забегание или засылание с заднего крыльца трудно назвать поступком вполне благовоспитанного человека.

...На этих днях, мои пажи и юнкера стояли во внутренних караулах Зимнего Дворца и я ходил туда, проверять исправность часовых. Это был лишний случай повидать их, поговорить, узнать несколько лиц и фамилий.

...Сегодня я доволен: провел утро в Пажеском корпусе. Имел в виду строго поговорить с 7-м классом (старшим). Этот класс, еще осенью, попался в нехорошем общем поступке, с тех пор все уладилось, но директор просил меня, тем не менее, поговорить с пажами. Я заперся с ними, без начальства, и поговорил, высказал свой взгляд на вещи, старался затронуть лучшие их чувства, говорил открыто, порицал их и, кажется, они меня поняли. Я, по крайней мере, вынес благоприятное впечатление, не знаю, отразилось ли оно и на них.

...мои нелады с Куропаткиным улеглись, я не люблю и не умею подолгу враждовать. Он убедился, что я ничего не замышляю и у нас опять водворился мир.

...Сегодня, по получении Высочайшего разрешения, вновь, по старому, выносят в строй кадетских корпусов знамена, забытые с 1863 года, я отдал об этом приказ.

...17 будет Праздник в Первом Корпусе. Я там сделаю церковный парад, причем, впервые, после нескольких десятков лет, появится старое знамя, стоявшее в церкви и всеми забытое. Ты поймешь, чутким сердцем, что это будет за минута, когда перед фронтом кадет, выстроенных в большой зале, вынесут знамя. У меня уже теперь, при одной мысли об этом, сердце замирает и дух захватывает.

... 27 — мечтаю ехать в Псков, Полоцк, Полтаву и Орел, в корпуса. В каждом пробуду не более двух дней, а, на обратном пути, остановлюсь на неделю в Москве...

18 февраля.

... На будуей неделе поста (третьей) постараюсь уехать из Петербурга, сперва в Полоцк, куда надеюсь взять с собой Полиголика. Он сам бывший кадет-Полочанин и мне хотелось бы, чтобы он был свидетелем торжества, когда старое корпусное знамя, которое и он носил кадетом, остававшееся почти сорок лет без значения, будет вынесено перед строй кадет. То же празднество я устрою в Полтаве, Орле и двух Московских корпусах.

... Завтра, на параде, праздник Первого Корпуса. Я произвожу настоящий церковный парад в большом сборном зале.

20 февраля.

... У меня с Куропаткиным опять полный мир и согласие, он ведь умный и верно понял в чем дело. Может быть, это с его стороны — хитрость, желание меня задобрить, не знаю, но дело идет хорошо.

... Вчерашний праздник в Первом Корпусе удался на славу. У многих навернулись слезы, когда, при громе музыки и барабанов, снова, после 37 лет, появилось старое корпусное знамя. Собралось много бывших кадет, из которых старшим был старый член Государственного Совета и Андреевский кавалер Ганецкий.

... Днем я представлял Царю, в Концертном зале, камер-пажей, после чего, мне удалось поговорить с Никки и испросить его разрешения обращаться прямо к нему, в делах моего ведомства... Я так радуюсь снова ехать по корпусам, — там дышется вольнее и легче.

27 февраля.

... с Военным Министром у меня все идет хорошо, мир и согласие... через 20 минут еду на Варшавский вокзал. Завтра днем между 5 и 6 часами надеюсь быть в Полоцке. Вообрази, со мной едет Полиголик, старый кадет-полочанин, это такая для меня радость. Там мы проведем двое суток, он поедет домой, а я с генералом Бутовским и адъютантом Драшковским в Полтаву, Орел и Москву.

10 марта.

... хотелось писать из Полоцка, и из Орла, и из Полтавы, но нельзя было. В каждом из этих мест оставался по двое су-

ток, жил в корпусах и все время отдавал дорогим моим детям, а в свободные минуты, если не спал, записывал дневник. Запомнил в каждом из этих корпусов человек по пятнадцати, в лицо и по фамилиям, но большинство придется перезабыть, так как невозможно удержать в голове всех, после такого краткого временного знакомства. Везде делал церковный парад, с возвращением знамени. Везде кадеты обступали меня тесной толпой и я всей душой наслаждался их привязанностью, прямым, доверчивым отношением, радостными лицами, добрыми правдивыми глазами и готовностью выслушивать даже порицания, когда они требовались. Меня тянули к себе нарасхват каждая рота, каждый класс, стол и это глубоко трогало меня. Я умилялся душой на богослужениях. В Орле отстоял Крестовую всенощную и на другой день — обедню. В Полтаве преждеосвященную пели чудесно сами кадеты, читали Апостол и Шестопсалмие, сами носили перед священником подсвечники, сами разносили и ставили свечи...

... Радостно было смотреть на Полиголика в Полоцке, его родном кадетском гнезде. Кроме него, со мною было там несколько человек бывших кадет-полочан, приехавших на торжество возвращения знамени. Радость их была трогательна.

... В Москве у меня дела по горло. Приходится целые дни носиться и трепаться. Хочу в Александровском Военном Училище и в трех здешних корпусах присутствовать на педагогических комитетах, а для этого каждого, нужно, по крайней мере, три часа времени. 14 — возвращение знамени в 1-ом Московском корпусе, а 15 — во 2-ом Императора Николая I. Кроме того, надо ездить в корпуса и два военных училища, на уроки, быть в Консерватории и в Комерческом техническом училище.

29 марта.

... В Москве, 14 марта, я возвращал знамя 1-му Московскому корпусу, а 16 — 2-му. 15 марта провел в Нижнем Новгороде, так как была годовщина основания тамошнего Аракчеевского корпуса. Происходило то же торжество со знаменем. В Москве было у меня и огорчение. Приехав туда, 9 марта, я узнал, что 20 февраля юнкера Алекасндровского Военного Училища произвели крупный беспорядок, чтобы выразить неудовольствие своему батальонному командиру Цицовичу, бывшему моему Измайловскому субалтерну. Конечно, в этом не было ничего политического, но поступок — важный, так как кадеты, по поступлении в Училище, приносят присягу и, как юнкера, значатся на военной службе. Я так радовался увидать старых моих знакомых и обласкать их, а, вместо того, дол

жен был велеть собрать их, не поздоровался и сказал несколько очень строгих слов, выразив, что они сами лишили меня возможности обойтись с ними, как подсказывало мне сердце, и вынудили — не возвращаться к ним, пока безукоризненным поведением не заставят меня забыть их вину. Теперь приходится прибегнуть к резким мерам: лишить, на время, роту Его Величества царских вензелей на погонах, разжаловать фельдфебелей и портупей-юнкеров в рядовые юнкера, лишить права прикомандирования к гвардии, при производстве в офицеры — а состав начальствующих лиц изменить.

В Нижнем тоже были грустные впечатления. Я, как ребенок, радовался свиданию со знакомыми кадетами, чтобы освежить в памяти их лица, прочел в дневнике о пребывании среди них, в конце октября, и, действительно, вспомнил не только записанных, но и таких, о которых не упомянул в дневнике. Все было бы хорошо, я был рад им, а они — мне, и некоторые даже всплакнули, когда, проведя с ними целый день, я вечером уезжал в Москву, но, дело в том, что я заметил и, сами кадеты мне об этом говорили, неприятные их отношения к начальству и, конечно, обратно. Это еще последствия прежних времен. Я кадет уговаривал, увещевал и они дали мне слово стараться не подавать повода к неудовольствиям. В 7 классе, с которым я говорил осенью, дело идет хорошо, нельзя, однако же, сказать того же про 6 и 5 классы, с ними же, по ихней просьбе, я поговорил теперь, и дай только Бог, чтобы начальство имело к ним побольше доверия, а не раздражало их недоверием.

5 апреля.

... 10, вечером, еду в Казань, чтобы видеть, еще незнакомое мне, юнкерское училище, оттуда, может быть, Волгой, спущусь в Симбирск. Там, значительно больше чем в других корпусах, завязались у меня с кадетами невыразимо нежные отношения. Не помню, писал ли я тебе, что после моего первого посещения, в конце прошлого октября, с разрешения своего директора, Симбирцы написали мне каждый по письму и эти письма были мне доставлены в трех, по числу рот, переплетенных тетрадках. Пользуясь ими, я написал ответ, упоминая о каждом памятном мне кадете, о их прозвищах, мелких особенностях и т. д. Директор отвечал, а, к Пасхе, вице-фельдфебель Дрындин прислал мне, от имени товарищей, умилительно трогательное поздравление. Поэтому, мысль о возвращении в Симбирск представляется мне особенно радужной и заманчивой. Оттуда, надеюсь попасть в Воронеж, где устрою торжество возвращения знамени.

20 апреля.

... не могу описать тебе радости быть опять у моих симбирцев. К ним у меня особенно нежные, идиллические чувства...

25 августа.

... после болезни, я очень обрадовался выйти, потому что ждал к себе юнкеров Александровцев, приехавших в числе 11-ти из Москвы, и мечтал поводить их по парку и по дворцу... после прогулки с ними, я снова закашлял...

1 октября.

... Нагрянул в "опальное" Александровское училище. Может быть именно ради этого, я питаю к нему влечение. Даст Бог, в Николин день, к их 60-летнему юбилею, "опалу" сниму и Государева рота снова наденет Царские вензеля.

19 октября.

... на этих днях. имел большую радость — выдал одному юнкеру-Павлону и одному старшему кадету Первого корпуса медали "За спасение погибающих".

5 ноября.

... в половине месяца у меня начинается комиссия для преобразования Финляндского корпуса. Помоги Бог, не испортить того доброго, что в нем есть...

27 ноября.

... Сегодня 4-ое и последнее заседание комиссии о Финляндском корпусе. Мы до конца держали себя вполне прилично, нисколько не ссорились и пришли к соглашению.

28 декабря.

... О Финляндском корпусе ничего нового сообщить не могу, дело затянулось. Да, пожалуй, лучше с ним не спешить...

1902 год:

6 января.

... еду в Ярославль и себя не помню от радости, так мне туда хотелось. Очень нужно взглянуть на 7-ой класс, впервые там открывшийся. Это будет первый выпуск из молодого корпуса, так важно, чтобы он сразу занял положение, какое при-

личествует старшему классу. Он должен задать тон своему заведению на много лет вперед.

9 февраля.

...у меня все разные заседания, съехалось несколько провинциальных директоров и, пользуясь их присутствием, я обсуждаю различные воспитательные вопросы в Педагогическом комитете.

16 апреля.

... утром съездил в оба училища — Павловское и Николаевское кавалерийское, а также в Николаевский корпус, проведать молодежь, не разъехавшуюся на праздники и похристосоваться. Больным в лазаретах отвез и яички.

17 июня.

...не считая двух деловых, написанных вчера, писем — очень неприятных — надо было предложить директорам двух кадетских корпусов подать в отставку, вследствие нестроений в их заведениях.

17 октября.

...новые здания корпусов в Сумах и Одессе удались на славу, ими положительно можно гордиться... очень хорошо было мне в Полтаве... в Вильне, Чугуеве и Елизаветграде, я оставался в вагоне, а в прочих местах устраивался на жительство в корпусах.

8 ноября.

...18-го собираюсь ехать в Варшаву, а оттуда надеюсь пробраться в Воронеж, Полоцк и Псков, с таким расчетом, чтобы быть дома 11 декабря, перед самым юбилеем Пажеского корпуса.

15 ноября.

...был с докладом у военного министра. Это был первый доклад после моей болезни — все обошлось чрезвычайно благополучно.

24 ноября.

...В Пскове меня ждали. Не удалось нагрянуть внезапно. Директором в корпусе, только с весны, полковник Шильдер, бывший Семеновец, воспитатель покойного Алексея Михайло-

вича и потом инспектор Лицея, прелестный человек и педагог — воплощенная порядочность. Мы особенно хорошо узнали его в прошлую зиму, когда, на время, пригласили его к Иоанчику, который сильно к нему привязался. Прожил сутки в корпусе, помещаясь в заразном лазарете. По обыкновению, очень скоро опознал довольно много кадет.

22 декабря.

... я мог объездить намеченные корпуса: Михайловский Воронежский, Орловский Бахтина, Полоцкий и Псковский. После пребывания в Варшаве, вернулся домой... В Воронеж прибыл я в самый Георгиевский Праздник, прямо к церковному параду в корпусе. Прожил там четыре дня в лазарете и вынес самые отрадные воспоминания. Там новый директор. милейший человек. Дело у него идет лихо. В Орле прожил три дня и там новый директор, Лобачевский, угрюмый и суровый на вид. Он сильный, строгий, но добрейший человек и у него сразу все пошло прекрасно... В Полоцком корпусе отпраздновал Николин день — их корпусной праздник. По пути домой, пробыл еще два дня в Псковском корпусе.

1903 год:

4 января.

... поздно вечером поехал в Михайловское Артиллерийское училище на благотворительный бал и только для того, чтобы иметь редкий случай повидать бывших своих питомцев на свободе, без начальства...

4 февраля.

... я решил сказать военному министру, что мой помощник Кононович-Горбацкий мне не по душе и не внушает мне доверия. Куропаткин показал мне кандидатский список командиров армейских корпусов, в которых имя Кононовича стояло одним из первых и, следовательно, очень скоро могла выйти и для него очередь. И действительно, в понедельник Куропаткин послал за Кононовичем, который прямо от него приехал ко мне доложить, что ему предложен 29 армейский корпус в Киевском округе. Он спросил меня, как ему быть, принимать ли ему предложение или же я предпочитаю оставить его попрежнему при себе помощником? Надо было быть откровенным. Скрепя сердце, внутренне помолившись и собравшись с духом, я сказал ему, что, хотя за эти три года между нами не случилось не только ни одного столкновения, но и простого недоразумения, я, тем не менее с ним не сблизился и что

те, правда, хорошие, но чисто деловые служебные отношения, которые установились между нами в 1900 году, сохраняются и поныне, нимало не изменившись и не перейдя в дружбу или по крайней мере в некоторую близость. Поэтому, сказал я ему — лучше идти в строй. Через два дня (в четверг) я доложил военному министру, что выбрал преемника Кононовичу директора Донского корпуса генерал-майора К. Н. Анчутина. Военный министр обрадовался моему выбору, так как юнкером Павловского училища был учеником Анчутина. Через два дня, в субботу, уже состоялось Высочайшее повеление о новом назначении и это дело теперь решено.

23 февраля.

...В среду состоялось переименование Александровского кадетского корпуса в Императора Александра II кадетский корпус. Я там был на обеде и торжестве.

26 февраля.

...иду проверить пажей, стоящих в карауле в Зимнем. Я уже многих проверил днем (теперь 10 вечера) и надо признаться, что Павлоны видимо приготовились к исполнению своих обязанностей много вдумчивее и добросовестнее.

23 марта.

...выехали мы вчера 19, а на другой день, часа в четыре дня, были на месте, в Ярославском корпусе. Корпус молодой, осенью он дал первый выпуск в военные училища. Там директор молодой (на два года моложе меня), добрый, очень толковый и деятельный, работающий в моем духе, почему я его очень ценю.

2 июня.

...с новым помощником у меня вдвое убавилось дел по военно-учебным заведениям, должно быть он меня бережет и посылает меньше бумаг. В город, на прием в Главное Управление, езжу дважды в неделю.

29 сентября.

...у меня собирается дисциплинарный комитет Николаевского кавалерийского училища по поводу слухов, к сожалению, лишь слишком правдоподобных о притеснении младшего курса — старшим. За последнее время, эти слухи очень усилились. Сегодня поговорим, а через несколько дней поеду в

училище и, в торжественной обстановке, скажу юнкерам, в присутствии начальства, строгую речь.

22 декабря.

... поехал с Драшковским и Риттихом в Вильну. Все 16-ое провел в тамошнем юнкерском училище, а 17 был в Пскове и прожил в кадетском корпусе до 19-го.

1904 год:

25 января.

... в Ярославле оставался, живя в корпусе, с 15-го по 18-ое и был вполне счастлив. Там прекрасный директор и дело идет у него славно.

8 марта.

... 3-го, я с Драшковским уезжал в Казань. По пути туда, я получил известие о внезапной смерти Начальника Казанского училища... я прямо, не заезжая в Казань, махнул в Симбирск и пробыл там с вечера 4 марта по вчерашний полдень.

12 марта.

... в Нижегородском корпусе очень уютно и укромно, дело теперь идет хорошо, начальство отзывается о кадетах лестно, а кадеты любят начальство.

25 апреля.

... 19-го вечером я поехал в Тверь и провел там все 20 и 21 апреля, в юнкерском училище. Уже в декабре, я вынес оттуда очень отрадное воспоминание.

3 мая.

... в училищах и корпусах идут экзамены, я туда езжу по возможности...

11 мая.

... Николаевское кавалерийское и Павловское училища примут участие в церковном параде в Троицу, на Измайловском празднике, чтобы дать и им возможность представиться Государю. Их праздники 9 и 21 мая, следующие, ближайшие к Измайловскому. Это я придумал. Доныне Николаевское и Павловское училища никогда не являлись на церковных парадах, в Высочайшем присутствии, а ведь Павловское училище имеет

счастье считать Государя — шефом. Я и придумал выпросить, чтобы училища присоединить к полкам, праздники которых бывают незадолго до или вскоре после училищных праздников. Кавалерийское училище с будущего года будет представляться с синими кирасирами — их праздник 9 мая. В нынешний год, на это, Государь не согласился, так как кирасиры праздновали не обыкновенный праздник, а 200-летний юбилей.

2 июня.

... 28 и 29 мая я провел в Пскове на экзаменах и радовался за моих кадет-псковичей.

10 июня.

... побывал в Киеве. Я там еще ни разу не видал военного училища в лагере и меня тянуло туда.

20 декабря.

... я, как тебе известно, провел три отрадных дня в Псковском корпусе. Там дело поставлено прочно, начальство и кадеты живут весело и дружно. Умилился на исправляющихся неудачников.

1905 год:

4 января.

... пишу одну работу — приказ по моим заведениям с указанием на все замеченное при последнем объезде некоторых корпусов...

25 января.

... только сегодня вернулся из поездки. 20-го поехал в милый Полоцкий корпус, провел там четыре славных дня, а вчера был в Вильне, где есть юнкерское училище.

2 марта.

... просьбы исполнить не могу: в Тверском училище, за множеством желающих поступить, не приняли немалое число таких, у которых все хорошие баллы; как же принять Скаловского, не выдержавшего экзамена по одному предмету, хотя бы и внука Севастопольца?

18 апреля.

... в Пажеском корпусе фельдфебель, Государев паж Верховский, позволил себе смелые и неосмотрительные слова (но

отнюдь не преступные) среди товарищей, которые его не поняли. Пошли слухи, сильно преувеличенные, рассказывали невесть какие небылицы, будто бы он изготовлял бомбы и был посажен в крепость. Верховского однако удалили из корпуса и он уезжает вольноопределяющимся на войну.

1906 год:

21 января.

... поеду в Москву и проведу там неделю. Надо передать знамя 3-му Московскому корпусу. Потом такое же торжество предполагается в Псковском корпусе. Пишу длиннейший приказ по поводу моих посещений военно-учебных заведений в 1905 году. Мои спутники, подробно, записывают мои замечания, а также и свои наблюдения, что и составляет сущность попадающего в этот приказ.

12 февраля.

... жил в 1-ом Московском корпусе. У меня в Москве пять военно-учебных завеедний, — значит дела по горло. 3-му Московскому я передал знамя.

21 февраля.

... Вчера вечером весь Псковский корпус и приглашенные собрались на прибивку знамени, которое лежало на крытом красным сукном столе. Вице-фельдфебель Ушаков, маленький безусый с очень светлыми, почти белыми, волосами, которого я хорошо знал 6 лет назад, маленьким беленьким мальчиком, придерживал знамя за древко; начиная с меня, все служащие и до последнего кадетика вбили по гвоздю. Через час, в манеже Иркутского полка состоится парад с передачей знамени...

29 марта.

... 24-го моих питомцев возили в Царскосельский манеж, на Высочайший смотр, где Царь произвел выпускных в офицеры.

9 мая.

... послал в Одесский корпус своего помощника, который и передаст знамя. Еще питаю надежду до 21 побывать в Варшаве и лично выдать знамя Суворовскому корпусу. Но поеду или нет — зависит от дня, в который Государь назначит парад и освящение знамен, которые он сам желает передать корпусам Николаевскому и Александра II.

24 мая.

... вернулся из Варшавы. Там провел 3 дня; этого мало для близкого ознакомления с заведением и для того, чтобы удовлетворить желание побольше времени и внимания отдать корпусу. Побывал я в Вильне и в Пскове.

1907 год:

18 февраля.

... вечером едем в Первый корпус на концерт и бал, по случаю вчерашней 175-летней годовщины его открытия. Корпус в полном составе являлся вчера в Царском Государю на церковном параде в манеже. Парад удался на славу, хор музыкантов и певчие были от кадет. Перед серединой 1-ой роты красовались 5 знамен и 1 штандарт, полученные корпусом за 175 лет в различные царствования. В ложе были обе Императрицы с Цесаревичем, которого Государь после молебна взял на руки и пронес перед фронтом, идя за о. Желобовским, кропившим строй святой водой. На левом фланге парада находились офицер и 14 кадет в исторических мундирах всех царствований. После молодцеватого прохождения, Государь отмахнул музыке и медленно шел по манежу. к середине фронта. Царило торжествнное молчание, может быть мне это показалось. ибо я знал, что сейчас последует великая милость. И вот Он остановился и начал говорить. Помянув прежние поколения питомцев корпуса, служивших верой и правдой, из которых многие жизнь положили за Отечество, Государь объявил, что принимает звание Шефа корпуса и повелевает, чтоб 1-ая рота носила на плечевых погонах вензеля Николая I. Этим Он повторил милость Александра II, который, вступив на Перстол, зачислил себя Шефом корпуса но, приказал, чтобы Царева рота носила на плечах вензеля не Его, а Отца. Через 8 лет, корпус был преобразован в военную гимназию и все воинские отличия исчезли, даже здание корпуса было передано Павловскому Военному Училищу, вместе со старыми знаменами и всеми святынями корпуса, который, в виде гимназии, переселили на Петербургскую сторону. Александр III опять возстановил корпус и вернул его в старое гнездо. А в нынешнее царствование постепенно возстанавливаются парады, знамена, воинские отличия и наконец старейший, основанный Анной Иоанновной, корпус получает Шефа в лице Государя. Ты легко поймешь, какой это был восторг. Ко вчерашнему юбилею корпуса пожалованы новые погоны, на которых вместо "I. К." изображен вензель Основательницы. А Рота Его Величества, сверх этого, общего всему

корпусу, вензля, отныне будет носить накладной из золота вензель Николая I, первого своего Шефа. После парада, всем кадетам был накрыт стол в главной залѣ Большого Дворца и Царь с Царицами и всеми нами обходил их и беседовал с молодежью. Уходя из залы, Государь крикнул им: "прощайте, мои кадеты"! В соседних залах был завтрак для присутствовавших на параде, а в Картинной был Высочайший стол для старых кадет и офицеров корпуса. Директор и я сидели подле Царя. Он хочет и другие петербургские корпуса, поочередно, выписывать в Царское и каждый видеть на параде.

20 марта.

... 17-го Государь в Царскосельском манеже произвел смотр корпусам Николаевскому и Александра II, после чего офицеров и кадет кормили в Большом Дворце и Их Величества обходили столы. Послезавтра такой же смотр Пажескому корпусу, но если погода будет такая же солнечная и теплая, как все эти дни. смотр состоится на площадке перед Большим Дворцом. Государь намеревается, кроме церемониального марша, сделать ротное ученіе. Сегодня я являлся к Государю Императору с депутацией от Первого корпуса (директором, командиром и вице-фельдфебелем Роты Его Величества), для поднесения шейного знака корпуса. Государь принял нас во вновь сшитом ему сюртуке Первого кадетского корпуса, которого он назначил себя Шефом.

25 марта.

... 22-го Государь в Царскосельском манеже смотрел Пажеский корпус и, кроме церемониального марша, произвел учение каждой из трех рот.

15 апреля.

... выехав, как было предположено, 27 марта, посетил Киев, Орел и Полоцк. Впечатления самые отрадные. Особенно в Полоцке, где мне удалось убедить кадет отказаться от старых дурных традиций. 1-го мая собираюсь ехать в Сумы, где надо выдать кадетскому корпусу (перед первым выпуском воспитанников) знамя, а также по соседству, в Чугуев и Полтаву.

8 ноября.

... 13-го предполагаю выехать в Варшаву, а оттуда в Вильну (в тексте пропущено слово) проведу в Пскове.

13 ноября.

... на-днях вернулся из Омска мой бѣдный Анчутин. Вчера военный министр написал ему о предположении сделать его Почетным Опекуном.

21 ноября.

... 18-го пробыл несколько часов в Виленском училище, а третьего дня и вчера оставался в Псковском корпусе. Всюду хорошие впечатления.

28 ноября.

... приглашал будущего помощника Лайминга сюда. Надеюсь, что с ним дело пойдет ладно...

22 декабря.

... в начале этой недели я привез в Пажеский корпус Знак Отличия Военного Ордена, вышедший знаменщику камер-пажу Вороновичу, бывшему в действующей армии. Собрал специальные классы в залу, вызвал Вороновича, прочел бумагу, приколол к его груди крест. Трижды поцеловал молодого кавалера и сказал речь пажам.

1908 год:

12 января.

... через неделю собираюсь дней на 10 в Тверь и Москву. Со мной опять поедет Ермолинский.

20 января.

... Лайминга я послал знакомиться с военно-учебными заведениями на нашем западе и юге, чтобы, вступив в должность моего помощника, он уже имел о них понятие.

23 января.

... неделю назад, пажи были между Тярлевым и Глазовым, на тактическом учении и потом все с нами завтракали.

3 февраля.

... поехал в Алекасндровское Училище. где оставался до шестого часа. Был на различных занятиях, строевых и классных; офицеры угостили завтраком. Знакомился с юнкерами младшего класса. Поселился во 2-ом Московском корпусе, в большой и удобной квартире его нового директора, холосто-

го человека. Он сразу забрал сильно расшатанный корпус в надежные руки, в короткое время сделал его неузнаваемым. Попал туда в середине всенощной и в тот же вечер повидал все три роты кадет. На другой день было воскресенье, отстоял в 1-ом Екатерининском корпусе, расположенном в том же здании, обедню. В понедельник почти весь день оставался дома, во 2-ом корпусе, присутствовал в классах, при завтраке кадет, на внеклассных занятиях. Вечером созвал Педагогический комитет, после которого совершенно ясно представилась картина внутренней жизни корпуса, так резко изменившегося к лучшему, после недавней распущенности. На следующий день провел много часов в 3-ем корпусе и до позднего вечра был там в Педагогическом Комитете. Тут впечатление было менее приятное чем во 2-ом корпусе. Одного учителя мне даже пришлось довольно резко осадить за образ мыслей, далеко не соответствующий военно-учебному заведению.

27 февраля.

Вышел приказ об увольнении Анчутина и назначении Лайминга на его место.

8 марта.

Я просил Драшковского сделать расчет успеть ли мне в три недели съездить в Оренбург и Ташкент с тем, чтобы быть дома в конце Вербной Недели.

13 марта.

На 16-ое марта я уже было назначил свой отъезд, но отказался: новый помощник Лайминг, теперь объезжающий провинциальные военно-учебные заведения, на-днях вступает в должность, причем мне следует быть на месте, чтобы его поставить на верный путь, в Ташкенте Гродекова сменяют, преемник еще не назначен и т. д.

19 марта.

К большой моей радости, два кадета 2-го Московского корпуса задержали на улице грабителей, которые отняли у фабричного артельщика более 2.000 рублей. Царь пожаловал этим кадетам (Староскольскому и Ауэрбаху) по медали “За усердие” на Станиславской ленте.

30 ноября.

Уезжаю на Кавказ передавать знамена кадетским корпусам — Владикавказскому и Тифлисскому.

15 декабря.

В молодом Владикавказском корпусе, пополняемом терцами, кубанцами и горцами, впервые открылся высший, седьмой класс, который весною 1909 года даст первый выпуск из этого военно-учебного заведения. Пробыл там два дня и передал корпусу, пожалованное Царем, знамя. В Тифлисе жил у директора корпуса. Торжественно передал корпусу знамя. Два раза был в юнкерском училище. Вчерашний день весь провел в Новочеркасске, в Донском корпусе, Казачьем юнкерском училище.

31 декабря.

Вчера, в Павловске, был у нас раут для участников съезда воспитателей. Собралось 150 человек.

1909 год:

16 февраля.

Завтра еду на два дня в Тверь, на освящение церкви в Юнкерском кавалерийском училище.

24 февраля.

Думаю в конце будущей недели ехать в Ярославль, Вольск и Воронеж и вернусь в конце Вербной Недели.

19 марта.

Посетив Воронеж и Вольск, прибыл я 15-го в Аракчеевский корпус, праздновавший 75-летие своего основания. Съехалось много бывших питомцев и торжество вполне удалось... Отправился в Ярославль. Сегодня в корпусе идет "Ревизор", завтра чествуют здесь столетие Гоголя.

25 апреля.

Сегодня пустился я в дальний путь. Первая остановка назначена в Омске, а следующая уже в Хабаровске.

17 мая.

В Омске прожил четыре дня. Впечатления отрадные, благодаря ласковым, простым, отзывчивым, прямодушным кадетам-сибирякам; это такой податливый сердечный народ.

26 мая.

Побывав в Хабаровском Графа Муравьева-Амурскаго корпусе, Иркутском пехотном Юнкерском училище и Иркутской

Приготовительной Военной Школе, я наконец знаю все вверенные мне военно-учебые заведения... Приготовительная Школа, с будущего года, преобразуется в корпус на 500 кадет. Город безплатно уступает под него обширный участок. Я воочию убедился теперь насколько сибирским войскам необходимы военно-учебные заведения у них же в Сибири, а не в Европейской России.

20 октября.

Теперь пишу замечания о виденном в моих заведениях с декабря прошлого года, для Приказа по военно-учебным заведениям. Это кропотливая и скучная работа.

7 декабря.

28 выехал в Вильну, откуда, пробыв там 3 дня, перебрался в Псков, тоже на 3 дня.

1910 год:

29 января.

Государь в 3/4 десятого утра приехал из Царского прямо в Первый Кадетский корпус, в первый раз по зачислении себя Шефом этого корпуса, в котором не бывал уже 10 лет. Он пробыл там часа два и говорил, что намерен посетить и другие военно-учебные заведения.

18 февраля.

13, я переименован в Генерал-Инспекторы В. У. Заведений.

3 марта.

В назначении меня Генерал-Инспектором не только нет каверзы, но напротив оно состоялось по моему почину. Еще в сентябре пришло в голову, что хорошо бы мне создать для себя такую должность: от меня отпадут приемы, ответственность за хозяйственные распоряжения, доклады, мешающие часто посещать заведения, даже петербургские, и мелкие текущие дела, а связь с училищами и корпусами останется. К тому же, до сих пор, если я вводил что новое, то сам же и контролировал это, а контролировать лучше со стороны. Эта мысль понравилась: выработали новое положение и вот, назначение состоялось. Я доволен новым своим положением, но еще не сдал прежних обязанностей ачальнику Главного Управления, назначенному на эту должность генералу Забелину.

9 марта.

Вчера в последний раз принимал в Главном Управлении. Свой кабинет переношу в Мраморный. 24-го собираюсь ехать в Одессу, Чугуев и Елизаветград.

9 апреля.

В эту поездку со мною генерал Лайминг, (бывший мой помощник), полковник Полторацкий и князь Шаховской. Осмотры мои в новом положении подробнее прежних, так как отвечают понятию об инспекции. Обходится не без утомления.

29 июля.

... все второе августа проведу в Ходынском лагере и в военных училищах... 7-8 мне надо объехать Пажеский корпус и училища Николаевское кавалерийское, Павловское и Владимирское (бывшее Петербургское юнкерское), чтобы видеть вновь произведенных.

20 августа.

... посылаю фотографию: директор Полоцкого корпуса генерал Чигирь рапортует мне.

27 октября.

Заглянул в Александровское училище и водворился на жительство в 1-ом Московском Императрицы Екатерины II корпусе. С него начал инспекцию, продолжал в Алексеевском училище и во 2-ом Московском Императора Николая I корпусе.

Уже 4 года не бывал в Симбирске. Туда более 3-х лет назад назначил я, в изъятие из закона, директором, не имеющего высшего образования, заслуженного ротного командира Псковского корпуса Шпигеля и не раскаиваюсь: все виденное, слышанное и пережитое в Симбирском корпусе с вечера 24-го по сегодняшнее утро оставило отрадное впечатление. И там, и в Москве самое лучшее это доброе настроение и простые, хорошие отношения между воспитывающими и кадетами. Никакой вражды или недружелюбия. То ли дело бывало лет 8-10 назад, когда часто начальство отзывалось о кадетах с раздражением, а кадеты смотрели на начальство волками. Теперь одна идиллия.

8 ноября.

Второе мое пребывание в Белокаменной продолжалось от 28 октября до 3 ноября. Живя во 2-ом кадетском корпусе, я делал инспекцию и в нем и в 3-ем корпусе и в Алексеевском училище.

23 ноября.

От 4 до 9 декабря думаю побывать в Полоцке (6 декабря — 75-летие существования корпуса).

11 декабря.

Выехал я вечером 4-го и на другой день был в Полоцке. Туда, к 75-летию съехалось около 200 бывших полочан. За эти десять лет я был на четырех юбилеях, но ни на одном не видал такого съезда, несмотря на то, что юбилеи были в больших городах, в Питере, Москве, Киеве и Нижнем, где и помимо корпуса есть притягающие условия, а в Полоцке — только корпус. Это показывает, как полочане дорожат своим заведением. Твоя телеграмма пришла очень кстати, вечером на концерте, перед балом, когда и старые, и малые, и служащие, и их семьи и гости были в сборе в Александровском зале. Директор прочел твою телеграмму и тебе кричали громкое ура.

Вечером 7-го прибыл в Варшаву и до вчерашнего дня прожил в Суворовском корпусе. Он в прекрасном состоянии.

18 декабря.

Почти неделю провел я в Киеве. Жил я в корпусе и оставался там и в последние дни, когда инспектировал военное училище, любимое мое, шефом которого втайне мечтаю стать когда-нибудь. И Киевские оба заведения оказались в большом порядке и я вынес только отрадные впечатления. В эту зиму, по крайней мере, в первую ее половину, где только ни был, а осмотрел я уже 5 корпусов и 4 училища. Везде радует, главным образом, что начальство тепло отзывается с похвалой о воспитанниках и о их отзывчивости, мягкости и доверчивости, а юнкера и кадеты не проявляют никакого неудовольствия начальством. Перемена положения и обязанности Генерал-Инспектора ничуть не повлияли на отношения ко мне молодежи и на ее близость ко мне.

Великий Князь Константин Константинович.

К столетию рождения поэта К. Р.

ТОЛЬКО В ОТРЫВОЧНЫХ КАРТИНКАХ, КАКИМ Я ПОМНЮ ОТЦА.

(ЗАПИСАНО ЕГО СТАРШЕЙ ДОЧЕРЬЮ).

Посвящается «моей маленькой сестрице».

Дед.

В 1892 году наши первые няни, Вава и Атя, сидели вдвоем в детской Мраморного Дворца в Петербурге. Очень громко хлопнула дверь наружных ворот. Вава сказала: "Это хозяин покинул свой дом".

Действительно, в эту минуту, 12 января 1892 года, скончался Великий Князь Константин Николаевич в Павловске.

Бабушка.

По завещанию, кажется, Мраморный и Павловск переходили отцу, а Стрельна — дяденьке. Но бабушка, Великая Княгиня Александра Иосифовна, оставалась полноправной хозяйкой, властной, почитаемой и любимой.

Отец Иоанн Кронштадтский.

Исповедывать Бабушку всегда приезжал приснопамятный Отец Иоанн Кронштадтский. Я видела, как по длинному коридору, устланному ковром-дорожкой, он шел один, а лакеи низко кланялись, просили благословения и молитв, называли его "отец родной".

Когда Бабушка умерла, он был вызван в Стрельну. У нее была агония, сама слышала, как клокотало и хрипело горло.

В ожидании отца Иоанна, нас выстроили в ряд, внизу. Иоанчик и Гаврилушка не выдержали, подбежали к нему. Он держал их головы, они ласкались к нему. Держа их, он гладил их, смотрел на нас и говорил про них:

"Вот это благочестивые дети".

Бабушка исцелилась по его святым молитвам у одра ее. Прожила еще восемь лет, но совершенно ослепшей, и пережила своего исцелителя. Скончалась 24 июня 1911 года.

Из Павловска Матушка ездила много раз в неделю в Мраморный Дворец читать вслух Бабушке, но воскресения Родители всегда проводили дома в Павловске.

Церковь.

Если мы опаздывали в церковь к возгласу диакона "Благослови, Владыко", Отец и Дяденька давали нам крепкие щелчки пальцами в шею, и мы так этого боялись, что, как угорелые, бежали к началу службы.

Царь Константин.

Зиму проводили в Мраморном Дворце. Перед своей свадьбой Отец устроил себе комнату, которая закругленной стеной с двумя окнами выдвигалась во внутренний двор. Посредине окон снаружи была во весь рост икона Св. Равноапостольного Царя Константина и неугасаемая ла́мпада на цепи висела перед ней.

Лампада.

Во время пребывания Митрополита Анастасия в Женеве, в 1945-46 годах, Его Высокопреосвященство говорил: "В бытность мою в Москве, я много раз проезжал мимо Московского Университета и, когда заворачивал вокруг него, часто задавал себе вопрос: Кто возжег такую красивую висящую неугасимую лампаду перед образом Св. муч. Татианы, на фасаде Университета?"

"Я знаю", — и рассказала тогда следующее: Отец, после крещения детей, имел благочестивый обычай, жертвовать икону и лампаду в храм или обитель, соответственно имени новорожденного дитяти. После моего крещения, Отец послал лампаду к иконе Св. муч. Татианы на Московском Университете. "А потом дети так расплодились, что я больше не мог посылать лампад", — говорил Отец.

В Святой Земле.

В одной из многочисленных Русских школ для арабов, Августейшие Двоюродные Братья присутствовали на уроке. Был задан вопрос: "Что бывает зимой?". В один голос, класс ответил: "Дождь" и Великие Князья засмеялись.

Учительница тихо им сказала: "Не смейтесь, здесь не бывает снега".

Существует фотография их троих в штатском, в Святой Земле — Великие Князья Сергий и Павел Алекаснровичи и Отец.

Гамлет.

Как известно, К. Р. перевел "Гамлета" Шекспира со старинного английского языка.

Шли репетиции "Гамлета" в Мраморном Дворце с Измайловскими офицерами и спектакли в нарядном Эрмитажном театре.

Отец обещал придти в нашу детскую в костюме, с настоящим слоном. С таким нетерпением я ждала этого белого настоящего слона.

Он приходит такой радостный в черном костюме Датского принца, с буфами на рукавах, в широкой шляпе, с оружием вроде кортика, с цепью на груди и слоновой кости слоном, орденом, который он получил от Датского Королевского Двора за перевод. Это и был "настоящий слон", а не бутафорский из костюмерной театра. Я всячески выражала свое разочарование, а Отец воскликнул: "Неужели ты думала, что я приведу сюда живого слона, да он бы и в дверь не влез".

Шкаф.

Когда мы еще были четверо маленьких, мы переехали из Стрельны в Павловск. Ика Клейн, бонна немка, потребовала, чтобы позвали Отца. Он пришел. Ика настоятельно требовала шкаф, потому что не может разложить привезенные детские белье и одежды. Шкафа достать было негде. И Отец стоял в длинном сине-зеленом сюртуке, в высоких сапогах гармоникой, молча. А Ика скороговоркой, все подымая тон, требовала шкаф. У Отца был такой смущенный вид. Мне было ужасно жалко его. И тогда у меня создалось желание уметь жить так, чтобы не иметь ничего, без шкафа, из-за которого Ика так мучила Отца. Отец говорил про Ику: "Она готова жизнь свою положить за детей".

Облик Отца.

Обаятельный.

Очень высокого роста.

Очень большой нос и уши, как у Бабушки Александры Иосифовны.

Глаза серо-зеленые.

Как у всех представителей мужского рода Константиновичей, один глаз дальнозоркий, другой близорукий.

Волосы бобриком. Борода небольшая.

Пальцы длинные, красивые.

Жесты плавные, и руки так далеко, как редко у кого размахивались.

Всегда ко всем приветливый, ласковый, любознательный к жизни, делам, родне собеседника.

В каждом человеке видет того, за которого Господь принес себя в жертву. "И за него Господь пролил кровь Свою".

Ямщик.

Отец любил простой народ, солдат, природу, лагерную жизнь. В Красносельский лагерь Отец ездил на велосипеде или на тройке с ямщиком Филиппом. У него была поярковая шляпа с павлиньими перьями, а на сбруях лошадей звенели толстые бубенцы.

Верх детской мечты было покататься с Филиппом. Мы, четверо маленьких, в отличие от двух старших Братцев, считали себя недостойными, чтобы нас возил ямщик Филипп... Но раз он и нас повез на большом переезде, объявив: "Не могу Детей доверить другим". Это было целое событие.

Велосипед.

Раз Отец вернулся из Красного Села в Павловск на велосипеде с перевязкой на руке, не сразу заметной на белом кителе. Рука была сломана, но, как всегда, он не жаловался на боль, никого не осуждал, только на настойчивые вопросы, как бы с виноватой улыбкой ответил: "Конечно, больно".

Вообще он был стоик, очень выдержан. Никогда не сердился, всегда спокоен. Не торопился, не волновался. Совсем не похож на других людей.

Вечность.

Иногда мы, я и Братья с Матушкой, все вместе кого-нибудь осуждали, вроде как сплетничали... Отец войдет... Все умолкнут... Он скажет:

"Перед вечностью ничтожно".

Сразу все успокоятся, и вечность представится нескончаемой, и все остальное тонуло в ней.

Занятия.

У Отца было чрезвычайно много дела. Сначала по полку, потом с Кадетскими корпусами, с кадетами, с их начальством,

с Музыкальной консерваторией, с Академией Наук, с Географическим Обществом, с Обществом Изготовления Государственных бумаг, с Императорскими Педагогическими Женскими Курсами и Константиновской гимназией, при них.

Всегда спокойный, всегда занятый, находил время для всего.

"Я не знаю, что такое усталость".

Никогда не опаздывал.

Когда он перестал быть Главным Начальником Военно-Учебных Заведений и стал Инспектором их, то удивлялся: "Теперь у меня так много времени, а я ничего не успеваю сделать".

Любил уединяться далеко в сад и парк, и Матушка повсюду его искала. "Наверно пишет Гамлета", говорила по старой привычке.

Чичеронэ.

В 1900 году, впервые, моя воспитательница, Татьяна Васильевна Олсуфьева, приехала с нами в Павловск. Отец повел ее показать Дворец. Два часа он объяснял ей картинную галерею, долго останавливаясь перед каждым голландским произведением, потом перед бюстами, изваяниями, римскими головами в церковной зале.

Он говорил о каждом предмете, как знаток и как о своем любимом детище.

На следующий день, он показывал Дворец, стоя напротив через речку и обходил парк и все достопримечательности в нем — Пиль-Башню, где сидел наказанный Паж, "ура", где встречали в 1814 году Императора Алекаснлра I, остров с посмертным памятником Великой Княгини Александры Павловны, а особенно любовался рассадкой деревьев в зависимости от их осеннего убора, как это посадил Гонзаго.

Настенька.

Вспоминаю угощение на свадьбе дочери И. А. Зеленого, воспитателя Отца. Настенька (Анастасия Петровна Орлова, племянница Кеппен и моя учительница, жившая в служебном доме Мраморного Дворца с Кеппенами и, думаю, знавшая все секреты) отзывает меня за колонну: "Я хочу Вам что-то сказать, но так, чтобы не слышали". Уводит меня за одну из многочисленных колонн, подальше от гостей... Говорит мне: "Оставайтесь, как я, не выходите замуж". Это было в разрез с общим, тогда, настроением, и я сразу побежала к Отцу жаловаться, а Настенька, не смущаясь, подошла за мной. Он ничего не

ответил мне как-то наклонился к ней и со взором тоски и понимания ее, смотрел в лицо Настеньки.

В эмиграции, в Женеве, мне рассказывал бывший Измайловец Н. Беляков то, чего никто в семье не знал. "Я скажу Вам одному", — сказал Белякову мой Отец, когда они были сослуживцы. — "Я сейчас был у Государя Алекасндра III и просил его разрешения поступить в монастырь". Ответ был: "Костя, если все мы уйдем в монастырь, кто будет служить России".

Оптина.

Отец был в Оптиной пустыне до свадьбы, до или после этого разговора, не знаю. Ездил туда с генералом П. Е. Кеппен. Мост провалился под ними (всегда говорилось "мост", хотя мы все знаем, что там был только паром через Жиздру), лошади перекинулись через перила и этим удержали их от потопления. Эту минуту старец Амвросий провидел, говорил окружающим и молился за них. То, о чем Отец беседовал со Старцем Иеросхимонахом Амвросием, осталось тайной.

После смерти Отца и когда я была вдовой, в 1916 году Дяденька взял меня с собой по монастырям — Оптину, Шамордино, Саров, Дивеево. С нами были его гофмаршал и друг А. В. Короченцов и монахиня Гавриила, наша прежняя няня Атя. Мы завтракали, как гости Архимандрита настоятеля монастыря. Еще были Архимандрит настоятель скита и знаменитый старец Иеросхимонах Анатолий. Теперь вспоминаю, что описанный разговор с перечисленными лицами был зимой, около Сретения 1917 года по дороге из Крыма в Петербург.

Архимандриты рассказывали, что в Оптинской обширной библиотеке сохранились письма моего Отца, и нет писем, которые из монастыря ему писали. Отец благодарит в 1889 году обитель за поздравление с тем, что его жена приняла православие. К сожалению, это не его жена, а супруга Великого Князя Сергея Александровича, Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, которая приняла православие. Но это пребывает всегдашним его чаянием, и он просит старцев продолжать молиться об этом его большом желании. И еще он просит молиться о третьем чаде, рождения которого они ожидают.

Прыски.

Отец опять был в Оптиной и в Шамордине, когда мне было 11 лет. В имении Кашкина, Прысках, между двумя монастырями, мы, шестеро детей, провели целое лето. До этого, весной, Отец ездил на Нижегородскую ярмарку с Матушкой, с Кеппен, с Т. В. Олсуфьевой. По дороге, Кеппен разговорился в

ресторане в Москве с Д. Кашкиным, дедом недавно скончавшегося Н. Цурикова, о том, что Великий Князь Константин Константинович и Великая Княгиня Елизавета Маврикиевна пекутся о русском воспитании детей, что дети ничего, кроме дворцов и дворцовых парков не видели и родители хотят, чтобы они пожили в русской деревне. Кашкин отвечал: "Ничего лучшего Великий Князь не нашел бы показать своим детям, как мое имение в смысле русской деревни и православной атмо сферы. Там все население окормляется влиянием двух монастырй — Оптиной и Шамордина.

В Калужской губ., Козельского уезда, имение Прыски на большой дороге из Оптиной в Шамордино. Но я сам там не живу, хотя и хотел бы жить. Дом там запущен, а у меня нет средств его ремонтировать. Потолки, полы, балконы провалились, балки торчат, штукатурка обвалилась. Мебель переломана и обивки нет".

Промолчав, он продолжал: "Вот если бы Великий Князь решился на свой счет все привести в живой вид, то я никакой платы за наем дома не взял бы".

На этом порешили. Туда отправили Татьяну Васильевну и лакея Егорушку, которого произвели в официанты и все работы были произведены в 21 день. Т. В. была вдохновительницей идеи показать нам настоящую русскую деревню. Она очень спешила и торопила работы, чтобы нас скорее туда отвезти. Туда были посланы кучера, конюхи, коляски и лошади, чтобы моему Отцу с почечной болезнью не трястись по колеям,

Отец возил брата Иоанна на беседу со старцем Иосифом.

Мать устроила ясли в нескольких деревнях по указаниям игумени Евфросинии, слепой и прозорливой.

Монахини просили нас не приезжать на летний Казанский праздник 8 июля, потому что они сами теряют головы от множества посетителей, но просили приехать тогда же на осеннюю Казанскую.

Старшие братья поскакали с Отцом верхом, а мы в экипажах. Там было так благодатно, приветливо, хорошо, что остались гораздо дольше предполагаемого. Возвращались вечером. У брата Гавриила не было всегдашней фуфайки-телогрейки (она не высохла после стирки), он продрог на обратном пути, заболел сильным воспалением легких, которое задержало всех нас в Прысках глубокой осенью. Помню, над нами, когда возвращались из Шамордина в Прыски, треугольник журавлей. Долго мы ими любовались. К. Р. написал стихи "Летели журавли".

Слепая игумения Евфросиния настоятельствовала Шамординым, по благословению старца Амросия, несмотря на сле-

поту. Когда мы в первый раз к ней подошли, она попросила прощения, "но она всегда так узнает людей", и ощупала Отца и всех нас по очереди лоб, глаза, нос, щеки, рот. Тогда говорила: "Теперь я знаю". Много лет посылали ей с сестрами Обители поздравительные письма и телеграммы.

Раз Отец выбирал для нее присланные из магазина чернильницы. Все мы вместе хотели огромную хрустальную внутри же самая чернильница чрезвычайно маленькая. Игорь очень заволновался: "Ведь это надувательство!". Но Отец успокоил его тем, что всегда так бывает, и чернильница была бы черная, некрасивая, если бы вся наполнена чернилами, а нам всем потому и нравится, что она белая, прозрачно хрустальная.

Игорь.

Воспитатели просили Отца, не позволять Игорю ходить на конюшню. Он там пропадал и слушал ненужные разговоры конюхов. Однажды, воспитатели опять повторили свою просьбу. Отец: "Позовите Игоря". — "Игорь, когда я позволил тебе пойти на конюшню?" — "Я тебя просил. Ты был очень занят, и ты сказал: отчего?".

Отец всегда отвечал "отчего" и когда был занят, и когда был рассеян.

Костя.

По четвергам мы, вместо послеобеденных уроков, ездили осматривать музеи, фабрики, всякие достопримечательности, и там обыкновенно были книги для посетителей. Когда доходила Костина очередь подписаться, он путал буквы, вздыхал, почти плакал: "Ах, зачем мне дали такое длинное имя".

Он никак не мог решиться, в какой полк поступить. Тогда Отец помог ему: "Тебе уже пора форму заказывать. Если ты до сих пор не знаешь, то я желал бы, чтобы ты поступил в тот полк, в который я в первый поступил — в мой любимый пехотный Л.-Гв. Измайловский.

Про него говорили, что он неумный. Тогда, каждый раз Отец возражал: "Он совсем неглупый, он просто не такой блестящий, как Олег".

Многие дружили с Костей, знакомясь с ним, потому что он был старший. Когда же появился Олег, переходили к нему и Константин оставался один. "Все мои друзья меня оставляют", скорбел он. Но Измайловцы любили его.

Трое младших.

Родители очень желали иметь сына Глеба, но Георгий родился 23 апреля в день Велмуч. Георгия.

Князь Игорь Константинович
в ателье скульптора Фредман-Клюзель.

Великий Князь с тремя сыновьями
Князьями Константином, Олегом и Игорем.

А сестра Отца, Вера Константиновна, очень просила в ее честь назвать, если будет дочь.

Матушка говорила про Георгия и Веру: "Это как будто племянники или дети от второго брака: они так поздно после других появились на свет".

Когда 11 апреля 1906 года родилась Вера, и Отец встретился со мной в большом Павловском кабинете, мы обнялись, а я заплакала, только промолвив: "Натуся".

Мы оба вспомнили младенца, ровно год назад, в 1905 г., в Мраморном Дворце.

10 марта родившуюся,

10 апреля крещенную,

10 мая скончавшуюся мою первую сестру. Отец до того называл меня, кому-нибудь меня представляя: "Моя единственная Дочь".

Подарки.

Детские подарки стояли за ключем в шкафу, иногда, в год раз, призывались все дети, и им показывались: "Видите, я их берегу, я их не выбрасываю". И опять запирались. У Матушки подарки детские были расставлены в туалетной комнате.

В Обераммергау Родители заказали очень большое из дерева Распятие, которое висело в Стрельне над их постелью. Совсем темный крест, а на нем выделяется белый распятый Христос, искусно вырезанный.

Сам он делал подарки оптом. Когда дети подросли, все получили разные фотографии Родителей в складных рамках. Все получили Евангелия русско-славянские в специально заказанных переплетах самой дорогой светлой, тонкой свиной кожи с золотыми застежками. Он был очень горд своим подарком, а потом очень смущен, потому что я и пять братьев сразу возмутились громко: "Как для священной книги кожа от свиней".

Он дарил нам, и фрейлинам, и адъютантам, и воспитателям, всем — иногда только полки, другой раз абажуры, еще ножницы, но все разные.

Птицы.

Отец любил птиц. Излюбленные снегири жили за сеткой в широких окнах. Он приручал их есть из рук. Слепой Бабушке не интересен был специально для нее выписанный из Германии немецкий ученый снегирь, насвистывавший тюрингскую

песенку. Он был пересажен в общую клетку у моего Отца. Сначала подрались самцы. После кровавого боя, немца отсадили в другое окно. Он стал забывать и путать немецкую песенку. Снегирь, насвистывая, доходил до середины, не мог одолеть переходного колена, повторял, повторял и начал все с начала. Отец несколько раз пропел трудное колено. Не сразу вспомнил снегирь, наконец, ему удалось справиться с затруднениями, он вскинул крылышками и запел правильно.

Были у Отца вместе канарейка и снегирь. Канарейка вылетала, садилась на плечо, когда Отец писал и клевала верхушку его пера.

Был пушистый кот Омка из Сибири, от Омского кадетского корпуса, ходил между стаканами по накрытому столу, ничего не задевая. Ему хотелось съесть снегиря и он подкрадывался к нему, но сам так перепугался, что бросился в отдушину и провалился в печь. Разбирали стену, чтоб его вытащить.

"Почти дочь".

Те две зимы, которые братья проводили в Крыму, 1904-1905 года, а я, единственная, оставалась дома, со мной училась другая девочка на всех наших домашних уроках. С 1905 г. мы переехали в Павловск и больше не возвращались на зимы в Петербург.

Тогда, эта девочка, моя однолетка, продолжала учиться со мной, но не будучи в состоянии оторваться от семьи, сама придумала полнедели жить у нас, а полнедели, на которую выпадало воскресенье, возвращалась к родителям, к братьям и сестрам в Петербург. Мой Отец ее очень любил и называл "моя почти дочь", и всю их семью мы любили, как свою.

Павловск.

Врачи думали отправить братьев опять в Крым или в Киев, как переходный шаг, поближе к северу, но, очень вдумчивый, Кеппен рассудил, что Киев очень ветренный, неподходящий для легких, а в Павловске очень умеренный климат, и ближе, и дома. Мы все были в восторге, а Александр Васильевич Короченцов стал приспособлять Павловский Дворец для зимы.

Мы сами и Отец не ожидали, как нам понравится жить зимой в Павловске. Казалось, ничего лучшего быть не может. Теперь я знаю, что только в Святой Земле лучше. Все мы, дети, ходили с Отцом на лыжах. Красота глубокого снега, озаренного ярко синим небом или закатом с розовыми переливами на снегу. Деревья под снегом, они же, в осеннем уборе.

Лиловый клен,
Багряный вяз,
Золотолистые березы.

Все нас там восхищало.

Прогулки.

Родители очень любили ходить гулять днем, по воскресеньям, со всеми шестью детьми. Отец часто нас пересчитывал. Когда я была очень мала, на первой прогулке я пищала, что очень долго и я устала. Отец ответил: “Один час совсем не долго и ты не могла устать”.

И, правда, мне показалось, что усталости не было.

В Прысках и в Осташове он очень любил ходить в лес собирать грибы.

Когда братья были в Крыму, а я одна с Родителями в Мраморном Дворце. Отец брал меня с собой на прогулки, сразу после обеда и, встречая кадет на Троицком Мосту, долго с ними стоял и говорил. Моя воспитательница находила, что на мосту ветер, и я простужалась и просила Отца не стоять, а ходить. Тогда Он старался менять направление прогулки и идти в ту сторону, куда идет кадет или юнкер.

Матушка называла эти разговоры с кадетами на прогулках “Папа грибы собирает”.

Раз зимой в Павловске Отец сказал: “Тебе будет скучно, прости, я не могу разговаривать. Мне нужно учить роль к “Ифигении в Тавриде”.

“Это очень интересно”, сказала я.

И мы пошли в парк. За “Аполлоном” была одна, очищенная от снега средняя дорожка и когда мы вошли в нее, Отец, громко декламируя, схватил меня за руку и кинул в снег. Оказалось, в эту минуту я изображала Ифигению в Тавриде.

Письменный стол.

Родители любили свои письменные столы и каждый по своему уставлял их. У Отца он был большой. На правом углу стояла электрическая лампа с абажуром. Подставка абажура представляла большого бронзового грифона, держащего в лапе щит. Все тело состояло из торчащих, вылитых из бронзы перьев. Грифон — герб Дома Романовых. Много раскращенных литографий под стеклом, в бархатных рамах, из тех, что еще стояли у Деда Великого Князя Константина Николаевича, и много других фотографий ставил Отец ровно в ряд, а во втором ряду были мелкие вещи. Направо и налево — много

вещиц, пресс-папье, разрезные ножи, эмалированные, плоские, узкие и острые. Никто не имел права трогать, или передвигать, или, упаси Боже, взять карандаш.

Маленькому Теймуразу Отец складывал руки за спиной и говорил: "Надо смотреть глазками, а не ручками".

Мы были ошеломлены дерзновением одного молодого офицера из кадет, который преспокойно с письменного стола Отца брал карандаш и ножичек.

В столе лежал план с номерами каждой вещи. Когда он уезжал, то укладывал вещи, и когда он возвращался, то по этому плану снова размещал. В Мраморном, в Стрельне, в Осташове — другие вещи, другие планы. Только самые нужные или любимые вещицы он возил всюду с собой.

И мы, за Родителями, тоже расставляли фотографии, письменные принадлежности, другие вещицы и вазочки с цветами на своих письменных столах, для того, чтобы, как Отец, рисовать планы и находить в столе при переезде.

У Матушки все на столе стояло вкось.

Знаменитые люди.

Отцу представлялись знаменитые люди. Путешественник П. А. Кушаков, в собственной библиотеке Отца докладывал ему, как Председателю Географического Общества, о путешествии на Северный полюс, из которого он вернулся. (Я стояла рядом). Отец, соблюдая порядок, переспросил: "Вы будете докладывать Географическому Обществу?". "Так точно, но раньше мой долг явиться к Вам".

Потом профессор Кушаков жил в Швейцарии и каждую пасхальную заутреню приезжал в Женеву, разговлялся у батюшки С. И. Орлова, где и мы были. Редко встречаясь с ним в другое время, мы переживали пасхальное настроение.

Путешественник Козлов несколько раз приезжал и много рассказывал о Далай-Ламе и тех краях. Мы посылали в подарок Далай-Ламе золотисто-желтого цвета складной бювар со многими письменными принадлежностями, потому что Далай-Лама не отводил глаз от таких у самого Козлова.

Когда братья были в Крыму, а я одна из детей дома, Отец приглашал обедать многих академиков, все по одному. Запомнила академика Ольденбурга. "Хотя он и Ольденбург, но не принц, а из крестьян", представлял мне его так Отец. Он был похож на профессора Сергея Феодоровича Платонова.

Потом был другой академик, фамилии которого я не помню. высокий и длинный. У него была прожжена дыра в кармане, которая обращала на себя внимание.

Оказывается, он был за-границей и там от изобретателя или ученого получил в подарок маленький кусочек радия, который ему и прожег карман.

Отец переписывался с поэтами — Майковым, Полонским, Фетом, и после их смерти получил обратно свои письма. Свои и их письма он переплел — переписку с каждым поэтом в отдельности — давал Матушке и мне их читать, и послал для хранения в Академию Наук.

Сочинительство.

Тетя Оля, его сестра, Королева Эллинов, 15-ти лет была невестой, 17-ти имела двух сыновей. В Греции горевала, что не знает хорошо русского языка. Они переписывались. Он поправлял ее ошибки, пока у обоих не выработался литературный язык.

Когда писал многочисленные поздравления к празднику, говорил мне: "Старался всем написать разное".

Отец писал дневник в толстых книжках в желто-коричневом кожаном переплете. Вклеивал в них красивые открытки в красках и занимательные фотографии. Говорил мне: "Все пишут дневники, но это будет редкий, иллюстрированный дневник". В Павловске, сидя за своим письменным столом, Отец спросил: "Что тебе больше нравится, "кадет" или "юнкер?".

Ничего не понимая, ответила: "Кадет — кадет, юнкер — юнкер".

"Вот прочти мои новые произведения "Кадету" и "Юнкеру".

Впоследствии, Отец говорил мне: "Когда я был молод, то всем рассказывал и в письмах описывал, что собираюсь сочинять и о том, как и что пишу... Вдохновение уходило и не мог кончить". "Теперь я знаю, что ничего нельзя рассказывать: вдохновение этого не допускает".

"Царь Иудейский".

Я только знаю Альфу и Омегу. К сожалению, когда Отец писал и когда происходили репетиции, я не была близко и не слыхала того, что Отец в то время говорил.

АЛЬФА: Как-то в Павловске, в верхней столовой, Н. Н. Ермолинский, стоя, наклонился над столом и обратился к Отцу, который тоже стоял: "Меня часто занимает мысль написать литературное произведение на Страстную Неделю, но непременно в стихах".

Отец сказал: "Я тоже часто думал написать Страсти Господни и закончить Воскресением, и в стихах. Собственно я уже

начал. Меня вдохновляет Кеппен, и я даже закончил несколько явлений, но был юн — это было до свадьбы — и не мог совладать с этой темой. Вероятно, нехватило развития".

Ермолинский сказал: "В таком случае я отступаю. Вам и книги в руки, только напишите".

Это АЛЬФА.

Государь Император Николай Александрович читал "Царя Иудейского" на Страстной Неделе.

На репетициях к генеральной репетиции Эрмитажного театра, Отец требовал от участников, Измайловских офицеров, и от своих сыновей, чтобы не болтали, чтобы молились: "Он несколько раз к этому призывал", — говорил мне Игорь.

Это была лебединая песнь Отца.

ОМЕГА. В Павловск, в начале 15-го года, прибыл Владимир Палей, сын Великого Князя Павла Алекасндровича. Братья были в отпуску с войны и все, и я, собрались в огромном кабинете Отца слушать чтение Владимира (который, кажется, был со своим Отцом, но я не уверена). Это был его почти дословный перевод "Царя Иудейского".

Как знаток французского языка, был приглашен Мосье Бальи-Конт, наш учитель, которого Отец просил внимательно отмечать недостатки.

Он сидел за отдельным столиком с карандашами и с бумажками, освещенными лампочкой.

Владимир Палей вдохновенно читал, сначала стесняясь, увлеченный прекрасным произведением.

Все слушали, затаив дыхание.

Мосье Бальи-Конт два раза что-то писал, вцепившись в свои бумажки, потом порвал все, откинулся на кресло, заслушиваясь.

Когда все было прочтено, Отец спросил его: "Какие у вас замечания".

Мосье Бальи-Конт: "Я все порвал. Никакие замечания не могут устоять перед этим дословным переводом отменным французским языком".

Тогда Отец обратился к переводчику своей драмы, обнял его: "Володя, я чувствую, что больше писать не буду, чувствую, что умираю. Тебе я передаю мою лиру".

Владимир был убит со всеми в Алапаевске. Этот талантливый французский перевод "Царя Иудейского", одобренный автором, остался в Царском Селе, во Дворце Великого Князя Павла Алекасндровича и, увы, пропал.

На крестинах 1914 г.

В Кичкенэ, où Natoussenka est née, как выражался дяденька, были крестины моей дочери.

Государь и Великая Княжна Ольга Николаевна присутствовали как восприемники.

Отец и Дяденька стояли, опустив руки, держа между собою старшего братца крещаемой, Теймураза, которому было 18 месяцев.

Няня его, Елена Романова, из Царскосельской школы нянь, очень жалела его и не смела подойти. Всю службу он, не двигаясь, стоял, держа руки вытянутыми над головой, где он доставал руки Деда и Дяди.

Там же, в Кичкенэ, Отец долго играл на рояле, а Теймураз клал голову на рояль и слушал... и слушал.

"Ты устанешь", говорил Отец, а маленький не отходил.

Англичанка.

Был случай, когда англичанка "nurse" уронила мою полугодовалую дочь. Горничная и грузин лакей требовали выгнать ее сейчас же. Побежала вниз и звала Мама, не нашла Матери, раскрыла тяжелые двери в кабинет Отца. "Где Мама?" — Почему тебе так нужна Мама? "Ах, как хорошо, что я могу говорить, советоваться с тобой!"

Все выслушав, он сказал: "Может быть и надо ей отказать. Мне многое не нравится... Хлеб хороший, она хулит хлеб... Но ни в каком случае не выгонять сразу... без всяких эксцессов. Выказать неудовольствие. А выдержать, не шутить, быть серьезной, казаться задумчивой..."

Это был первый и единственный разговор, по нужному мне вопросу, очень меня удовлетворивший.

Прежде, когда мне не позволяли выйти замуж, потому что "закон не позволял", я писала из Германии Отцу: "Верни мне твою любовь". Он ответил: "Не могу возвращать того, чего никогда не отнимал".

Часы.

По примеру Дедушки Великого Князя Константина Николаевича, Отец очень любил часы висячие, стоячие, всевозможные.

Княгиня Елена Петровна, супруга моего старшего брата Иоанна, по вечерам читала вслух. Ей мешал бой часов и она просила их остановить.

"Только одни кончают, как другие начинают, невозможно читать".

Отец же возражал: “Они для того и сделаны, чтобы ходить и звонить”.

Взрослые дети.

Матушка горевала: “Мы так много прежде с тобой читали”. Отец объяснял: “ Семья так разрослась, что каждые полчаса открывается дверь, и кто-нибудь из детей входит и говорит: “Здравствуй, Пас”, или “Прощай, Пас”, и уходит, и ничем нельзя заняться”.

Мы стали думать, не водворить ли порядок против этого, но кончина унесла его.

Манная каша. ...

Во время болезни Отца, доктора разрешили ему манную кашу, а Отец выпросил со сладкой, сахарной корочкой, прожженной как желтый леденец. Два дня про это говорилось, и, как ребенок, он ее ждал. Принесли простую белую манную кашу. Печаль и разочарование больного Отца было большое, как бывает у детей. Он никогда не был капризен и это разочарование было болезненным.

Заздравный.

Катаясь, мы упали из шарабана с четой Эриванцев Ш., с Теймуразом и наездником Заздравным. У меня были порваны связки ноги. Отец, узнав, все спрашивал: “А как Заздравный, что он повредил, болит ли у него?”

Благословение.

19 мая 15 года, на войне был убит Отец моих детей. Я на костылях поехала в Мцхет.

Прощаясь с Отцом, он перекрестил меня, смотря прямо в глаза, мы оба сознавали, что больше не увидимся и что он мне дает последнее благословение.

Смерть.

Через два дня после погребения в Мцхете, Игорь получил телеграмму о кончине Отца. Тогда у Игоря и у меня создалось впечатление, что каждое известие сообщает смерть.

Игорь сейчас же уехал по Военно-Грузинской дороге “хотя это дальше, но потому, что больше никогда ее не увижу” — и я с ним.

В Петербурге, мы вдвоем сели в его автомобиль, намереваясь ехать в Павловск. Его шофер сказал, что накануне со-

стоялось перевезение тела в собор Петропавловской Крепости и мы поехали прямо туда.

Как всегда, там гроб стоял высоко, над несколькими ступенями и почетный караул вокруг.

Государь Император сделал замечание, почему духовенство не было в одинаковых облачениях. Старший брат Иоанн пригласил столько епископов, столько священников, всех, кого только знал, так что не хватило придворного облачения.

Совершались литургии и панихиды. Когда я и другие сели во время чтения Апостола, Великая Княгиня Мария Павловна продолжала стоять и сказала нам: " Нельзя сидеть во время Апостола". Она недавно перешла из протестантства в православие и лучше нас знала церковные правила.

Тело почившего Отца вскрывали и бальзамировали. Нашли язву в сердце. Вспомнили, что последнее время он говорил: "У меня так болит сердце, точно там рана". К сожалению, Отец в гробу был неузнаваем.

Погребение в новой усыпальнице, с впечатлением холодности и неуютности. В 1911 году, первой там была погребена Бабушка, Великая Княгиня Александра Иосифовна. Отец лежит рядом с ней. А Матушка, в беженстве скончавшаяся 11-го (24-го) марта 1927 г. письменно завещала, когда будет возможно, перенести ее в Россию и похоронить рядом с возлюбленным Супругом.

Четыре вдовы.

В день погребения в Бозе Почившего Родителя моего, в маленькой гостиной Матушки, около ее кабинета и опочивальни, в Мраморном Дворце, был накрыт очень маленький стол, только на четыре персоны.

Никогда прежде, никогда позже, так не бывало. Обедали мы четыре вдовы — Матушка моя, тетя Оля, тетя Элла и я (Королева Эллинов Ольга Константиновна и Великая Княгиня Елисавета Феодоровна).

Мы были три в черном траурном, а настоятельница Марфо-Мариинской в Москве Общины, а своем одеянии.

За столом Великая Княгиня Елисавета Феодоровна говорила в ответ на общий разговор, что ожидает на том свете усопшего: "Души усопших в бездействии не бывают. Им от Бога назначается духовная деятельность, и они поднимаются от силы в силу. Так написано у Св. Отцов".

После обеда Матушка и тетя Оля ушли прилечь. Когда унесли столик, тетя Элла села тут же сбоку в кресло. Через полчаса отпевание.

Я стала перед ней на колени и руки положила ей на ко-

лени. Смотрела ей прямо в глаза и она смотрела в глубину моих глаз. Молча. Полчаса. Не произнося ни одного слова. Не отрывая глаз. Бурно, скорбно изливала ей свою душу. Передавала ей свое желание, о котором и говорить в то время нельзя было и которое теперь сбылось.

Чувствовала, что она все понимает... Меня утешила и подкрепила. Молча. Без одного движения. Через полчаса я встала, поцеловала ей руку со словами: ““Благодарю тебя”. Слава Богу за все.

Кони.

После того, что я овдовела, ко мне, на Каменный Остров, на окраине Петрограда, пришел неожиданно академик Кони — друг Отца. Он сказал несколько слов, чтобы принести мне утешение, и сразу же ушел.

Вот его запомнившиеся мне и удивившие меня слова: “Конечно, Вы всегда носите в серце Христа, как Ваш Отец всегда Его носил, и я ношу. Это ключ к Его обаянию”.

Игуменья Тамара.





Великий Князь в бытность Его
в Морском Училище.

Отрывки из семейных воспоминаний

Отец мой родился 10 августа 1858 года в семье Великого Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Александры Иосифовны, принцессы Саксен-Альтенбургской.

В плеяде блестящих деятелей, окружавших Императора Александра II-о, мой дед занимал одно из главных мест. Он был последовательно: Наместником Царства Польского, многолетним председателем Государственного Совета и Генерал-Адмиралом Российского флота. Его кипучей деятельности в области морского дела, этот флот был бязан тем, что он занял одно из первых мест среди военных флотов других государств.

По своей природе, кипучей, страстной — мой дед, несомненно был одной из самых интересных и ярких личностей александровского царствования. Под стать ему была и моя бабушка, Великая Княгиня Александра Иосифовна, славившаяся своей необычайной красотой, живым и незаурядным умом и редким остроумием.

В бытность деда Наместником Царства Польского, на него не раз готовились покушения. Одно из таких покушений не состоялось, потому что поляк-террорист не решился убить ехавшую с дедом в коляске мою бабушку, — красавицу и, к тому-же, ожидавшую тогда ребенка. Это было перед рождением дяди Вячеслава, который впоследствии скончался от опухоли в мозгу совсем в молодых годах, еще до свадьбы моих родителей. Он был самый младший в семье деда.

Немудрено, поэтому, что насыщенный умственными и культурными интересами, родной отчий дом моего отца, являлся для него необыкновенно благотворной почвой, на которой самым блестящим образом развились его природные дарования. С самых ранних лет обнаружилась его склонность к литературе, музыке и театру. Вместе со своим отцом, он играл в оркестре, под управлением знаменитого Иоганна Штрауса, часто принимал участие в любительских спектаклях и прекрасно, с глубоким чувством, играл на рояле, написав даже несколько музыкальных пьес для фортепиано.

Как сын Генерал-Адмирала, по семейной традиции, и по воле отца, он был определен на морскую службу. Во время

морских операций, во время войны 1877-78 г.г. за оказанные храбрость и мужество, он был награжден орденом Св. Георгия 4-ой степени. В 1876 году на фрегате "Светлана", входившем в состав эскадры под командованием Великого Князя Алексея Александровича, — он побывал и в Нью-Йорке.

Однако, морская служба оказалась не под силу отцу, всегда отличавшемуся слабым здоровьем. Он, к великому неудовольствию, и даже гневу своего отца, оставил морскую службу и перешел в Лейб-Гвардии Измайловский полк, командуя в нем ротой Его Величества.

В 1883 году отцу довелось побывать на родине своей матери в городе Альтенбурге, столице герцогства Саксен-Альтенбургского в качестве представителя своей семьи на похоронах своей троюродной сестры Маргариты, скончавшейся 14-ти лет от роду от воспаления легких. Там и встретил он другую свою троюродную сестру Елисавету, родную сестру усопшей принцессы. Встреча эта оказалась решительной. Троюродная сестра и брат понравились друг другу с первого взгляда. Помню, как моя мать рассказывала о том, какое сильное впечатление произвел на нее при первой встрече отец, стоявший облокотившись на камин, в столь шедшей ему морской форме.

Когда же они сидели рядом за столом, отец, рассматривая серебряный браслет с безцветным камнем, надетый на руку принцессы Елизаветы, спросил ее:

"Нравится ли тебе форма этого браслета?".

Она утвердительно ответила.

"Когда у меня будет невеста", — сказал отец, — "я подарю ей такой браслет".

Он так и сделал, ставши женихом. По смерти матери, этот браслет унаследовала я, и постоянно ношу его.

Родители моей матери не очень хотели, чтобы их дочь уехала в Россию, где шли постоянные политические волнения и беспорядки. Однако, их дочь до тех пор всегда покорная и послушная энергично заявила о том, что в Россию она поедет, ибо "не боится пороха".

Переговоры длились долго, но, в конце концов, в Россию была послана условная телеграмма: "пианино куплено". Отец приехал в Альтенбург делать официальное предложение. Мать моя всю жизнь помнила звуки палаша, когда отц, в виц-мундире Конного полка шел по лестнице замка, направляясь к ее родителям.

Свадьба состоялась в Петербурге, в 1884 году. После нее, отец зажил полной и счастливой жизнью: семья, военная служба и поэзия. Он очень любил свой родной Измайловский полк.

В нем он учредил, еще нигде небывалое, литературное общество "Измайловские досуги", в котором обсуждали новинки русской поэзии и литературы, и где читал свои стихи, приглашенный отцом, знаменитый тогда поэт Аполлон Николаевич Майков.

После командования ротой в Измайловском полку, отец, минуя должность батальонного командира, был назначен прямо командиром Лейб-Гвардии Преображенского полка.

В 1900 году, по Высочайшему повелению, на отца было возложено ответственнейшее дело воспитания военной молодежи. Всем в достаточной степени известно, какой это был счастливый выбор, и на какую высоту мой отец поднял кадетские корпуса и военные училища. Все знают, как искренне любил он своих питомцев, как близко входил он в их нужды, интересы, в их личную жизнь, в их радости и горести. Он обладал замечательной памятью на лица, фамилии и даже прозвища, которые, иногда, давал он сам. Он знал и помнил множество кадет и юнкеров.

Кадеты и юнкера обожали своего Шефа. Маленькой иллюстрацией их любви и доверия к нему может послужить следующий случай: один кадет, по фамилис Середа, за "тихие успехи и за громкое поведение", был исключен из двух корпусов: Полтавского и Воронежского. Тогда он решил обратиться за помощью к моему отцу. Он отправился в Павловск. Швейцар его не допустил. Тогда, не долго думая, он обошел парк, влез на дерево, чтобы произвести разведку. Увидев, что отец мой находится в своем кабинете, он туда вошел. Услышав шорох, отец поднял голову и, сразу же узнав мальчика, спросил:

"Середа, что ты тут делаешь?"

Середа, сильно заикаясь, ответил:

— Вваше Ииимператорское Вввысочество, — выперли.

"Так", — сказал отец, "что же ты теперь думаешь делать?"

На это Середа, не задумываясь, воскликнул:

"Ввваше Ииимператорское Вввысочество, дддумайте Вввы!"

Отец мой "подумал" и шалун был назначен в Одесский корпус, который он окончил, выйдя в кавалерию. В I-ую Мировую войну он отличился, заслужил Георгиевский крест и пал смертью храбрых.

Семейная жизнь моих родителей протекала на редкость счастливо и гармонично. Моя мать не перешла в православие, но будучи человеком глубоко религиозным и широких взглядов, она не только не препятствовала отцу, всецело преданно-

му православию, воспитывать и растить нас, детей, в заветах православия но всячески его в этом поддерживала. Братья мои, с юных лет, прислуживали и читали в церкви, а у старшего моего брата Иоанна, отличавшегося особой религиозностью, был собственный церковный хор. Словом, жизнь нашей семьи зиждилась на твердых основах православной веры.

Нас наказывали лишь в исключительных случаях. Наша совесть должна была подсказывать нам, как мы должны были поступать. Однажды я в чем-то провинилась, может быть сказала неправду. Когда вечером, перед сном, родители пришли благословить нас на ночь, отец подошел к моей кроватке, внимательно и серьезно посмотрел на меня и сказал, что, так как я была "не пай", он меня только перекрестит, но не поцелует. Этот маленький эпизод запомнился на всю жизнь, хотя мне о нем никто не напоминал и не рассказывал.

В другой раз я срезала в саду редкое растение. Чувствовала, что это делать не надо, но искушения срезать большие листья преодолеть не могла. Как раз в эти дни, отец опасно заболел приступом грудной жабы. Но ему стало лучше. По причине его выздоровления, мне сказали, что я наказана не буду и что мне объявлена амнистия. Помню, что значение этого слова объяснила мне моя англичанка.

Отец очень любил, чтобы я играла у него в кабинете, когда он работал за своим большим письменным столом. Его забавляли мои игры и детский лепет. Я же, сидя на ковре, забавлялась его большими, яркими узорами, сама с собой разговаривала, фантазируя без меры.

Среднее окно кабинета было загорожено и образовывало большую клетку для снегирей и канареек. Один совсем ручной снегирь очень важно и степенно расхаживал по письменному столу отца. Так как он имел очень важный вид, его называли "сенатором". Бедного сенатора съел наш белый, пушистый кот "Омка".

Ко дню моего рождения, в 1915 году, отец захотел подарить мне что-нибудь, что могло надолго у меня остаться. Вероятно, он чувствовал свою близкую кончину. Я получила дивный английский велосипед, на котором с большим увлечением ездила по нашему чудному павловскому парку.

Здоровье отца всегда было слабым. Он болел и легкими, и почками, и сердцем. Он говорил иногда о том, что у него такое ощущение, будто у него на сердце рана. Для лечения он нередко ездил за-границу. Зимы 1912-13 и 1913-14 г.г. родители, ради здоровья отца, провели в Египте, который им очень полюбился. Они были и там особенно счастливы и, что было чрезвычайно редко, они были почти одни и могли наслаждать-



Князь Олег Константинович
павший смертью храбрых 27 сентября 1914 г.

ся, без помех, обществом один другого. Поездка в Египет явилась для них как бы запоздалым свадебным путешествием.

В Каире, отец всегда угощал леденцами и баловал мальчиков-"боев" в лифтах. Вообще родители всегда разговаривали с прислугой. Однажды, в Париже, мать спросила лакея, принесшего кофе, откуда он родом. К взаимному удовольствию оказалось, что он из малюсенького городка в Германии, Шмельна, который находится всего лишь в 4 км. от Альтенбурга, родины матери.

Летом 1914 года отец лечился в Наугейме. Мать с моим братом Георгием и мною, гостила у моей бабушки с материнской стороны. Ходили какие-то смутные слухи о возможности войны, но отец им не очень верил, ибо слухи эти в предвоенные годы, не прекращались, то усиливаясь, то слабея. К ним как-то привыкли.

Вдруг, неожиданно, отец получил телеграмму о мобилизации от своего младшего брата Великого Князя Дмитрия Консатнтиновича, и немедленно приехал к нам в Бад-Либенштейн для того, чтобы взять нас и вместе вернуться в Россию.

В те дни Германия была охвачена военной истерией. Всем чудились русские шпионы и автомобили с русским золотом. Наш автомобиль тоже раз был принят за шпионский. На станции, где мы ожидали поезда, кто-то грубо заметил, указывая на брата, что мальчик мог бы, по крайней мере, снять русскую фуражку (брат носил матросскую фуражку с надписью "Потешный").

У русской границы, в Эйдкунене, поезд остановился, нам приказано не закрывать окон и дверей вагона. Лишь в отделении для детей разрешили затянуть занавески. Мне было тогда восемь, брату одиннадцать лет. Помню, как нас накормили черным хлебом и молоком, помню часовых, стоявших у вагона, в остроконечных касках, в защитных чехлах и крупной цифрою "33" на них. Утром нас погрузили в автомобили. Лейтенант Мюллер, командовавший нашей охраной, до того весьма вежливый и корректный, вдруг сделался грубым и стал называть мать "гнедиге фрау", боясь, видимо, титуловать ее по сану.

Адъютанта отца и камердинера задержали, объявив, что они приедут с багажем. Вначале, хотели задержать и отца, однако, моя мать решила не покидать его. Была послана телеграмма в Берлин. Насколько я помню, за нас заступилась Германская Императрица Августа-Виктория и нас пропустили.

Из Эйдкунена ехали мы в двух автомобилях: в первом родители, брат и я, во втором все остальные. Шторы были спу-

щены и нам объявили, что мы не должны смотреть в окна, иначе будут стрелять. Мы с братом, сидя на передних откидных скамейках, все время старались подсматривать в щели между занавесками, что очень волновало мать.

Неожиданно, машина резко остановилась, дверь распахнулась и наш часовой, испуганным голосом, закричал: "Казаки идут".

Немедленно нас высадили из автомобиля, буквально в канаву, на обочине шоссе, идущего к Вержболову. Но адъютанта с камердинером не было: сказали, что они прибудут минут через двадцать. Однако, прошли двадцать минут, полчаса, два часа, а машина не показывалась. Мы продолжали ждать. Проехали повозки с беженцами. На другой стороне шоссе, как раз против нас, стоявший перед своим домиком, крестьянин, советовал нам скорее уходить от казаков. Я подумала тогда: "если бы ты знал, что мы и казаки — одно".

Показался русскийй разъезд: два всадника с пиками. На наши вопросы не отвечали. Когда же подошла главная часть, адъютант отца, князь Шаховской, пошел к ним навстречу с визитной карточкой отца. С большим недоумением, смотрел офицер на эту карточку. Каким образом, думал он, русский Великий Князь мог очутиться в первый день войны в канаве, на прусской границе. Однако, взглянув на отца, которого он видел лишь год назад в военном училище, он убедился в том, что это действительно он.

В Вержболове, на вокзале, мы расположились в царских покоях и стали ждать дальнейшего. Выяснилось, что в Ковно стоял поезд Императрицы Марии Феодоровны, которая возвратилась в Россию через Данию, а не через Вержболово, как первоначально предполагалось. По телефону отец снесся с Царским Селом и с Павловском. Было получено разрешение ехать нам в царском поезде. До Ковно нас довезли в поезде, состоявшем из паровоза и третьеклассного вагона. Отец чувствовал себя очень утомленным, и когда мы с братом начали бегать по вагону и шуметь, нас быстро усмирили.

Когда мы приехали в Павловск, старшие братья уже отправились на войну. Вскоре пришло страшное известие о ранении брата Олега. Родители поспешили в Вильну и застали брата еще живым. Он умер через двадцать минут после их прибытия, у них на руках.

Смерть брата Олега была тягчайшим ударом для отца, ибо из всех нас был ближе всех к отцу, разделяя полностью его литературные и художественные интересы. Эта смерть, а также

все пережитое в первые дни войны, несомненно очень отрицательно отразились на его здоровье и, вероятно, ускорили его кончину.

Здоровье "папа", как мы называли его дома, все ухудшалось. У него обнаружили грудную жабу. Приступы становились все сильнее и сильнее. Один из них был настолько силен, что казалось, наступил конец. Однако и на этот раз наступило облегчение и даже такое, что было решено ехать на лето в наше любимое имение "Осташево", Московской губернии, где был погребен брат Олег.

2-го (15 по новому стилю) июня 1915 года в Павловске, в своем кабинете, отец сидел в кровати и раскладывал пасьянс. В спальной мать примеряла летнее платье, собираясь в деревню. Я сидела в отцовском кабинете на диванчике и читала "Хитролис". Комната была очень большая, продолговатая, в три окна, в нижнем этаже Павловского дворца.

Мы с отцом, как раз поджидали его сестру Королеву Эллинов Ольгу Константиновну. "Тетя Оля", как мы ее называли, в эти дни развлекала отца чтением классиков. Меня же привлекали к этим чтениям, чтобы приохотить к родной литературе.

Время шло, но тетя Оля все не приходила из лазарета, где она работала хирургической сестрой. Вошел камердинер и доложил, что Королева задержалась на операции и опоздает. Вскоре после его ухода, я услышала, как отец стал задыхаться. Мне было тогда девять лет и я еще недостаточно отчетливо понимала характер болезни отца, но слышала о его припадках, а потому и поняла, в чем дело. В страхе, стремглав, бросилась я к матери, самостоятельно открыв тяжелейшую зеркальную дверь, и побежала чрез материнский будуар, через столовую и сени, в спальню. "Папа не может дышать", — в ужасе закричала я. Однако камердинер, видимо от испуга, не понимая меня, нервно смеясь, топтался на месте и ничего не предпринимал.

"Скорей, скорей, Аракчеев", — кричала я, — "папа плох". От волнения я прыгала на месте и топала ногами. Но было уже поздно. Все кончилось.

Через неделю состоялись торжественные похороны в присутствии Царской Семьи. Длились они от 2-х час. дня до 9 вечера. Смутно помню последнюю панихиду в Павловске, переезд по Царской ветке в Петербург, шпалеры юнкеров и кадет со свернутыми знаменами, темный и мрачный Петропавловский собор. Я ехала в карете с Государыней, с одной из старших

Великих Княжен, кажется Ольгой Николаевной и с моей матерью. Стояла невыносимая жара...

В своем горе, мы тогда не знали, как милостиво было Провидение, призвав отца в иной, лучший мир. К великому нашему счастью, он не увидел революции, со всеми ее ужасами, так трагически коснувшимися именно нашей семьи.

Княжна Вера Константиновна.

ПОЭТУ К. Р.

после получения в подарок последней книжки стихов.

Ваше Высочество!
Ваш дар благосклонный
Получил я вчера.
Он одиночество
Ночи бессонной
Мне скоротал до утра.

Верьте, не блеск, не величие сана
Душу пленили мою,
Чужды мне льстивые речи обмана,
Громких я од не пою.

Жизнь в каждой песне, в созвучьях прекрасных
Вот что чарует меня.
В этих стихах, целомудренно ясных
Бьется живая душа.

Жизнь эта всюду: в Венеции милой,
В печали по "звонам" церкви родной,
В теплой слезе над солдатской могилой,
В песне семьи полковой.

Трудно мне кончить: слова этикета
Плохо слагаются в стих,
Но, как поэт — Вы поймете поэта,
Если я кончу без них.

Апухтин.



Великий Князь в роли Иосифа Аримафейского,
в драме К. Р. "Царь Иудейский.

Лебединая песня

Пять лет тому назад, в Нью-Йорке, умер кадет Первого кадетского корпуса, полковник Петр Васильевич Данильченко, старейший Измайловец, носитель, как старокадетских, так и вообще воинских традиций и воспоминаний.

Петру Васильевичу было, что рассказать. Рассказывать он умел, и, например, его повествования о том, как он, по поручению Великого Князя Константина Константиновича, осуществил труднейшую и сложнейшую постановку "Царя Иудейского", — изобиловали самыми любопытными историческими и бытовыми подробностями, которые представляют собой ценнейший исторический материал.

К счастью, материал этот не пропал и не рассеялся. П. В. Данильченко, с мужеством старого кадета и офицера, смотревший в глаза надвигающейся смерти, оставил, в предвидении сотой годовщины со дня рождения Великого Князя Константина Константиновича, свои воспоминания о нем, предпослав им короткое и трогательное предисловие. В этом предисловии он, в частности, писал: "Столетие со дня рождения Великого Князя Константина Константиновича наступит только в 1958 году и я, не смея предполагать, что сам я доживу до этого юбилея, все-же имею непреодолимое желание воодушевить тех, кто проживет дольше меня и, почитая Великого Князя, добровольно поможет нам, инициаторам, достойно ознаменовать этот юбилей".

Теперь, когда Общекадетское Оъединение посильно отметило этот юбилей, — более чем уместно с чувством благодарности вспомнить старого кадета, который на пороге смерти, в совершенно безкорыстном рвении к памяти Великого Князя, думал о нем и старался закрепить облик его в памяти потомства. Старый кадетский закал со всей яркостью проявился в этом умонастроении покойного П. В. Данильченко.

Старые кадеты, пережившие своего славного однокашника П. В. Данильченко, постараются опубликовать его воспоминания. Теперь же, рассказывая о "Лебединой песне" Августейшего поэта, — драме "Царь Иудейский", сценически вопло-

щенной с помощью П. В. Данильченко, мы используем его рассказ и тем самым, хотя бы частично, исполним его предсмертное желание.

. . . .

Двадцать пять лет работал Августейший поэт К. Р. над своим лучшим произведением драмой-мистерией "Царь Иудейский". В это произведение он, действительно, вложил "все порывы пламенной души", весь религиозный пафос, все свое глубокое проникновение в величайшую мировую тайну, преобразившую весь мир и давшую ему великое, новое упование, новую надежду.

Последний акт драмы заканчивается монологом Иосифа Аримофейского, в котором с исключительной поэтической силой выражена ликующая и славящая Господа христианская душа, потрясенная совершившимся чудом:

Тебе, Воскресшему, благодаренье!
Минула ночь и новая заря
Да знаменует миру обновленье,
В сердцах людей любовию горя!
Хвалите Господа с небес
И пойте непрестанно:
Исполнен мир Его чудес
И славы несказанной.
Хвалите Господа с небес
И славьте, человеки,
Воскрес Христос, Христос воскрес
И смерть попрал навеки!

Этими словами, взволнованный Великий Князь окончил чтение своей драмы на одном из "Измайловских досугов" в 1912 году.

Чтение началось ровно в 8 часов вечера и, имея десятиминутный перерыв, закончилось около 12 часов ночи. Собралось на этот Досуг не 50 или 60 человек, как бывало обычно, а свыше 120 и все, с затаенным вниманием, слушали чтение автора, выразив полный восторг от нового творчества Великого Князя.

Великий Князь читал свою пьесу с необыкновенной искренностью, а это и захватывало всю аудиторию. В библиотечной комнате, где происходило чтение, была такая изумительная тишина, что это захватывало и волновало всех, — рассказывает П. В. Данильченко.

После этого чтения началась энергичная подготовка постановки пьесы на сцене одного из придворных театров.

Вот как П. В. Данильченко описывает генеральную репетицию, на которой Великий Князь, исполнявший роль Иосифа Аримофейского, не участвовал из-за болезни, а его роль играл артист Медведев: "Началось, как бы священнодействие. Дивная музыка А. К. Глазунова, да еще в исполнении прекрасного императорского оркестра, заставила публику забыть все житейское и приковать внимание к тому, что передает сцена. Перед окончанием музыкального "вступления", невидимый публике хор Его Высочества Князя Иоанна Константиновича, дополняя музыку, дорисовал момент торжественного входа Иисуса Христа в Иерусалим и отдельные голоса, по замыслу Глазунова, усиливали момент: "Благословен Давидов сын", "Осанна, Осанна, Царь Израилев, грядущий во имя Господа, Осанна в вышних".

По свидетельству П. В. Данильченко, во все время спектакля напряженное чувство религиозного подъема не оставляло зрителей.

На этой репетиции присутствовала супруга Великого Князя, Великая Княгиня Елисавета Маврикиевна с семьей. Вернувшись из театра, она рассказала оставшемуся дома Великому Князю о восторге зрителей.

Поэтому, когда П. В. Данильченко явился к нему с докладом, Великий Князь его обнял, поцеловал и растроганно благодарил.

9-го января 1914 года, в день очередного "Измайловского досуга", "Царь Иудейский" был показан Государю Императору.

"Результат многочисленных репетиций, к моменту посещения Государя Императора, достиг полной иллюзии и, как оценивали знатоки, считался отличным. Действия на сцене передавались в зрительный зал с величайшей искренностью настоящих верующих христиан", — рассказывает П. В. Данильченко.

Государь Император, человек самой живой и крепкой веры, высокой религиозной настроенности, глубоко переживал происходящее на сцене. Рассказывают, что в тот момент, когда послышался голос глашатая "Иисус Назареянин, Царь Иудейский" и гул толпы, сопровождавшей шествие на Голгофу, показал, что шествие приблизилось, все находящиеся на сцене: Иосиф, Никодим, Иоанна, Руф и Вартимей бросились к ограде Иосифова сада и как бы наблюдали, в необыкновенном волнении, происходящее за оградой, — весь зал Эрмитажного театра ощутил потребность приподняться и вместе с действующими лицами заглянуть за изгородь. Государь позже признавался, что это желание испытывал он и сам.

И Божий гнев
Не разразился. Ангелам небесным
Не повелел Господь слетать на землю,
Из рук злодеев вырвать Иисуса.
Он ко кресту в Своем венце терновом
Через мгновенье будет пригвожден.
Обещанным царем он не возсядет
В Сионе!...

Эти слова, в ужасе глядевшего на шествие, Никодима, как бы выражали чувства всего потрясенного зала, забывшего реальную жизнь и полностью захваченного идущим на сцене.

Сколько подлинного и глубокого трагизма было и в образе последнего Российского Самодержца, с глубоким волнением переживавшего трагедию голгофского шествия и неподозревавшего в те дни величия, пышности и великолепия Российской Державы того, что его самого, в очень близком будущем, ждет своя тягчайшая Голгофа.

"Сколько раз я читал Евангелие", — говорил Государь, после окончания спектакля. — "Сколько раз присутствовал в церкви на богослужениях Страстной Недели, но никогда я не переживал Страстей Господних, как сегодня "у вас" в театре. Мне приходилось сильно сдерживать себя, чтобы не расплакаться...".

Такое благостное воздействие пьесы на благочестивые души говорит само за себя. В нем заключается и ответ на возражения против театральной постановки "Царя Иудейского" на сцене и оправдание такой постановки. Раз такая постановка поднимала религиозный дух, раз она будила в сердцах зрителей возвышенные и святые чувства, раз она отрывала их от земли и поднимала к небесам — постановка этой благочестивой драмы вполне оправдана.

Об этом очень красноречиво писал рецензент "Нового Времени" А. Столыпин: "... Зрители не удерживали слез, все были потрясены, все были взволнованы. С таким впечатлением нельзя не считаться и прежде всего, ранее всякого разбора и критики, нужно признать, что мы стоим перед новым и значительным литературным событием. Значит, у автора были какие-то данные, оправдывающие его попытку и освятившие его право, значит, помимо пушкинского стиха, софокловского трагического гения, сильного. как стихия природы, помимо этих исключительных свойств, недоступных талантливым поэтам современности, существует редкое и до сих пор неназванное качество, дающее душу произведению, связывающее его с людьми крепкой связью...

Пьеса написана с благоговением — вот объяснение ее совершенно исключительной красоты и непобедимого очарования. Как нельзя подделаться под благочестивое письмо древних живописных мастеров, так нельзя нарочно, одним мастерством и галантом, создать то, что создано в области драмы зрелой мудростью и чистым вдохновением сердца, руководившими творчеством К. Р. Это до того чувствуется, это так проникает в замысел в целом и каждую подробность "драмы-молитвы", каковою можно было бы назвать "Царя Иудейского", что доказывать этого не нужно. Любящие Христа полюбят это приношение Ему, ненавидящие Христа останутся к Нему равнодушны и враждебны — вот единственная критика этого безгранично чистого молитвенного порыва"...

Все это исключительно справедливо. Многие и страшные десятилетия протекли со дня постановки на сцене Эрмитажного театра "драмы-молитвы" царственного поэта. В корне изменился мир и изменились люди, но лебединая песня из царской лебединой стаи продолжает с такой же силой, как много лет тому назад, трогать человеческие сердца, мягчить их и рождать в них ощущения и чувства столь не похожие на те, которыми теперь живет мир.

Придет час, когда дрогнет непроглядная духовная мгла, охватывающая сейчас Русскую Землю. Придет час, когда освободившись от страшного наваждения, русские люди вернутся в свой Отчий Дом и найдут там непревзойденные духовные ценности, созданные поколениями лучших русских людей. Среди них не последнее место займет и та благочестивая драма К. Р., которая когда-то так трогала и волновала последнего российского венценосца.

Г. Месняев.



Рассказ о жизни поэта К. Р. летом 1901 года

В СЕЛЕ ПРЫСКАХ КОЗЕЛЬСКОГО УѢЗДА

КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Калужский губернатор, приехав в Петербург, получил от К. Р. записку, в которой им было выражено желание его видеть и с ним переговорить. На следующий день это состоялось и губернатор был очень любезно принят хозяином Мраморного дворца и его супругою. Разговор начался с того, что К. Р. высказал свое желание провести лето со всею семьею в деревне, не близко от большого города, и познакомить своих детей с настоящею сельскою жизнью.

Желание это встретило полное сочувствие губернатора, но тут же К. Р. сказал, что ему указывали на многие места, и ему представляется наиболее соблазнительным одно из таковых и вот это последнее в Калужской губернии — село "Прыски".

— Знаете ли вы это имение, — спросил Великий Князь, — и не можете ли что сказать мне о той местностс и о владѣльце имения?

В ответ последовало, что, конечно, он, губернатор, ее знает, и даже очень хорошо, что он и в усадьбе и в доме владѣльца часто бывал; с Кашкиным, которому "Прыски" принадлежат, он даже в самых дружеских отношениях. "Прыски" стоят и теперь в местности изобилующей лесами, а в былое время, в половине XV-го века, в окрестностных дремучих лесах разбойничал атаман шайки Опта, который, в конце концов, покаявшись, обратился ко Христу и основал среди этих Козельских дебрей пустынь, названную впоследствии, в память ее основателя Введенскою Оптиной пустынью. Пустынь эта находится в четырех вестах от уездного города Козельска на правом высоком берегу р. Жиздры, а на левом берегу той же реки, напротив пустыни расположена усадьба помещика Николая Сергеевича Кашкина.

Сообщение между берегами реки на пароме. Сам Кашкин ныне старик, но бодрый человек, выдающийся по уму и спо-

собностям, просвещенный, по образованию лицеист. В молодых годах он примыкал к собиравшимся у Петрашевского и, приговоренный к смертной казни, уже стоя на эшафоте, был помилован Императором Николаем Павловичем и сослан рядовым на Кавказ, где он отличался храбростью в сражениях с горцами и заслужил знак отличия военного ордена, а по возвращении из ссылки служил по выборам сословным и земским, и, в настоящее время, состоит товарищем председателя Окружного Суда.

В "Прысках" большой каменный старинный дом, с балкона которого, через просеку по парку, открывается чудный вид на всю область. Парк большой и примыкающий вплотную к большой дороге, ведущей в монастырь. По этой дороге идет постоянно, в особенности летом, масса паломников. Местность действительно очень красивая.

Тут К. Р. высказал, что так, по рассказам, ему и представляется та местность и что переговоры с Кашкиным ведутся по его поручению и остановка за тем, что Кашкин не хочет взять плату за предоставление в его пользование на все лето усадьбы, а это стесняет его, К. Р.

Губернатор объяснил, что Кашкин очень любит свои "Прыски", но и летом только редко наезжает в свое имение, так как и служба заставляет его жить в городе — Калуге, но главным образом то, что он один в деревне скучает — он вечера без партии в карты не признает, а потому, предоставляя свою усадьбу, он, в сущности, ничего не лишается и будет счастлив, что его "Прыски" удостоились предпочтения Великим Князем перед другими имениями.

Обратившссь к супруге К. Р., губернатор добавил к аттестации Кашкина, что старушки, из которых одна — которую она знает — княгиня Дария Петровна Оболенская, соседка по "Прыскам", вспоминая свою молодость, говорили, что он, к тому же, был очень красив и всех восхищал собою, что в дамском обществе c'était un homme hors concours.

На этом первая беседа, поскольку она относилась к "Прыскам" и ее владельцу, и закончилась.

Через некоторое время, губернатор был вторично приглашен и оказалось, что в конце концов соглашение последовало: К. Р. принимает предложение владельца усадьбы, но с условием, что если ему будет желательно что переустроить в доме или усадьбе, то он уж делает это на свой счет.

Когда переезд на лето в "Прыски" всей семьи Великого Князя был окончательно решен, президент Академии выразил губернатору свое желание прожить лето вдали от всякого шума жизни, от всяких приемов — на полном отдыхе; что он просит не устанавливать никакой охраны, ни малейшего на-

блюдения полицейского за усадьбою. Губернатор ничего не имел против этого. Итак, К. Р. поселился в "Прысках", где ему все чрезвычайно понравилось и где, по его словам, близ Оптиной пустыни, он чувствует себя особенно хорошо.

Все же, гостеприимная чета, по своему обаятельному радушию, принимала и звала к себе. Губернатор бывал у них с женою и приятно было видеть эту истинно хорошую семейную жизнь — любовное отношение всех детей к родителям. Дети видимо были счастливы жить на лоне природы и находиться в настоящей деревне.

Так все продолжалось полтора месяца.

Вдруг губернатор получает шифрованное телеграфное донесение исправника. Что же оказалось? В монастыре, на исповеди, один паломник признался иеромонаху, что у него в мыслях убить Великого Князя, живущего в "Прысках". Иеромонах, вразумляя исповедываемого, отложил допуск его к причастию до другого дня и так испугался, что побежал сказать все настоятелю пустыни. Настоятель еще более растерялся и обратился в город Козельск, к исправнику. Выяснилось, что на исповеди был человек из далека, расслабленный умом и физически. По распоряжению губернатора его, после причастия, снарядили в путь, снабдив пищею и поручив его тому земляку, с которым он прибыл в пустынь.

Все же, этот инцидент показал, что какой-нибудь проходимец, человек ненормальный, эпилептик, зайдя в парк, может испугать и жену Великого Князя и его маленьких детей.

Губернатор поехал в "Прыски" и, подъехав к дому, видит у подъезда стоит тарантас, запряженный тройкою, и каждую лошадь под узду держат мальчики, сыновья Великого Князя, а сам К. Р. ведет к экипажу под руку слепую старуху. Последняя оказалась игуменья настоятельница соседней женской Казанской Амросиевой Шамординской пустыни, приезжавшая посетить великокняжескую чету.

После обеда, хозяин и губернатор с балкона сошли в парк, куда подали кофе и ликеры.

Сидя на скамье, под вековою липою, К. Р. пожелал поподробнее узнать об историческом селе губернии — "Полотняном заводе", имении Гончаровых, соединенном с памятью о Пушкине, сказав:

— Ведь оно должно было привлечь к себе ваше особенное внимание еще тем, что ваша жена, Лидия Павловна, рожденная Павлищева, в родстве с семьею Пушкина, а вы лично и в свойстве, так как один из братьев Павлищевых был женат на Ольге Сергеевне — родной сестре нашего великого поэта, а другой на Офросимовой, если не ошибаюсь, на сестре вашего отца. Так ли это?

Губернатор подтвердил верность сказанного.

Затем К. Р. спросил, не случалось ли ему быть в селе Троицком, бывшем имении княгини Дашковой. Губернатор ответил, что он даже нарочно ездил туда и там не только ходил, но прямо чуть ли не ползком лазил под храмом осмотреть могилу княгини Екатерины Романовны. Он видел бронзовую надгробную плиту, на которой отмечены ее заслуги — что она была первым президентом Всероссийской Академии Наук и почетным президентом многих иноземных академий. Могила была завалена кирпичным мусором — в безпорядке. Тогда же он распорядился приведением в порядок места, окружающаго могилу, а о состоянии самой могилы лично передал в Петербурге настоящему владельцу графу Воронцову-Дашкову.

Бывший дворец днягини Дашковой, в котором она принимала Императрицу Екатерину Великую, ныне обращен в картонно-бумажную фабрику, здание бывшего театра поступило под склад угля и сохранились еще лишь триумфальные ворота, воздвигнутые к первому посещению княгини Дашковой Императрицею Екатериной Великою.

В конце беседы, губернатор рассказал о случившемся в монастыре и просил согласия Великого Князя несколько отступить от его первоначального желания и позволить установить наблюдение за парком — наблюдение не полицейское, а, так сказать, сторожевое, чтобы идущие в пустынь не шлялись зря по парку.

Выслушав, К. Р. опустил тяжело свою руку на колено губернатора и, вздохнув, сказал:

— Александр Александрович, я вам вполне доверяю, поступите, как найдете нужным. Я доволен, что тот паломник по вашей доброте не пострадал и был отпущен с миром, но мне глубоко прискорбно, что все это вышло из сказанного на духу.

У высказавшего это были слезы на глазах. Несколько раз еще К. Р. повторил — "как мог монах выдать сказанное ему на исповеди!"

Летнее пребывание в "Прысках" продолжалось и закончилось вполне благополучно. К. Р. и его супруга остались всем довольны, благодарили, но купить это имение, как им этого хотелось, им не пришлось — старик Кашкин предоставил своему единственному сыну решить этот вопрос, а тот не пожелал расстаться с любимыми родовыми "Прысками".

Александр Александрович Офросимов

(в то время Калужский губернатор)

Черты из жизни Великого Князя Константина Константиновича

Несколько лет тому назад, после производства Государем Императором юнкеров столичных военных училищ в офицеры, в красносельском лагере, после торжественного завтрака, в присутствии Государя Императора, Великих Князей и высших чинов военного мира, Великий Князь Константин Константинович обратился к произведенным офицерам с вопросом:

— Из вас никого нет живущих в Павловске?

Таких среди молодых офицеров не оказалось, а оказались живущие в Царском Селе.

— Никак нет, Ваше Императорское Высочество. Есть только среди нас царскоселы, — несмело сказал Великому Князю один из произведенных.

— Отлично, — весело сказал Великий Князь, — нам, значит, по пути. Я вас завезу в Царское Село на автомобиле.

В это время, как раз начался разъезд и был подан, среди прочих великокняжеский автомобиль. Когда молодежь проводила Государя Императора восторженными кликами “ура”, Великий Князь шутя скомандовал офицерам:

— Садись!

Последние не решались и, браво вытянувшись, стояли перед Великим Князм Константином Константиновичем, который с улыбкой сказал:

— Садитесь, садитесь... Вот это мое место... А вы уж размещайтесь на остальных...

Офицеры были в нерешительности от великой чести ехать с Великим Князем.

— Ну, если так, то я буду, господа, принужден командовать, как генерал, — с напускной строгостью сказал высокий хозяин автомобиля.

Офицеры повиновались и неловко расселись на свободных местах. Автомобиль тронулся и быстро покатил в Царскому.

— Кто из вас курит? — опять задал вопрос Великий Князь. Молодежь молчала и краснела.

— Ну, господа, ведь кто-нибудь да курит?

Офицеры несмело сказали утвердительно. Тогда Великий Князь Константин Константинович вынул портсигар и предложил курить его папиросы молодым офицерам. Начался разговор, сперва робкий, несмелый, но потом мало-по-малу офицеры разговорились с Великим Князем, и полилась оживленная беседа.

— А кто где из вас живет? Я хочу вас всех отвезти по домам, — спросил Великий Князь, когда автомобиль свернул на Садовую улицу в Царском Селе.

— Ваше Императорское Высочество, мы не смеем затруднять вас, — начали было офицеры.

— А, понимаю, понимаю, — засмеялся Великий Князь: — у вас здесь, поди, назначена какая-нибудь встреча...

Офицеры сконфузились, а Великий Князь приказал шофферу остановить автомобиль и сердечно простился с офицерами, пожелав им всего лучшего в предстоящей офицерской жизни.

. . . .

Великий Князь Константин Константинович очень любил свой Павловский парк и в летнюю, а особенно в весеннюю, пору, любил уединяться в темные аллеи роскошного сада. Рассказывают, что однажды, когда Великий Князь гулял в отдаленной части парка, он встретил простую девочку из близлежащей деревни, которая шла в Павловск с цветами для продажи.

Увидев офицера, она подошла к Великому Князю и предложила ему купить небольшой букетик полевых цветов. Великий Князь Константин Константинович взял у девочки букет и дал за него рубль. Девочка сперва растерялась, но потом заметила серьезно, что у нее еще нет сдачи и что букетик стоит всего десять копеек.

Тогда высокий хозяин Павловска просил ее взять за букет все, что он ей дал.

— А мне родители не позволят брать больше, чем следует, — пролепетала девочка.

— Ты скажи им, что оттого больше взяла, что не хотела обидеть Великого Князя.

Девочка оцепенела от неожиданности, а Великий Князь Константин Константинович расспросил девочку о ее семейном положении и, узнав, что родители ее бедные люди, просил де-

вочку ежедневно, пока будут цветы, носить их во дворец. Помощь Великого Князя была весьма существенна для бедной семьи.

Во время проводов тела Князя Олега Константиновича к месту вечного упокоения, в собственное Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича имение Осташево, где так любил проводить свои недолгие досуги Князь Олег, Великий Князь обратился к одному генералу, своему бывшему сослуживцу, со словами:

— Скоро и мы...

Собеседник не понял значения этих слов и переспросил Великого Князя:

— Скоро и мы там будем, — повторил огорченный смертью талантливого сына Августейший отец, посмотрев на него.

Собеседника Великого Князя испугали эти слова, и он начал успокаивать Великого Князя Константина Константиновича, но последний, видимо, не слушал его слов и был погружен в свои думы.

Великий Князь Константин Консатнтинович в Бозе почил 2-го июня, а собеседник его — за три дня до кончины Августейшего поэта. Слова "К. Р." были вещими.

Я несколько раз встречал покойного Великого Князя на прогулке, и меня всегда пленяло его лицо, задумчивое, строгое, но и приветливое.

Я очень любил и люблю вдохновенные стихотворения Великого Князя Константина Константиновича, а поэтому, может быть, я как-то особенно любил встречи с поэтом. Мое давнишнее желание было послушать чтение самого Августейшего автора.

Потому-то, когда, в начале этого года, было объявлено о чтении самим Великим Князем своего "Царя Иудейского" в Мраморном дворце, я поспешил запастись билетом для входа и был счастлив, когда получил карточку с надписью: "Для входа 4-го января 1915 года в Мраморный Дворец, на чтение драмы К. Р. "Царь Иудейский". Начало чтения ровно в два часа". Я с нетерпением ждал этого дня.

Но, накануне назначенного чтения, я получил поздно вечером телеграмму: "По случаю нездоровья Великого Князя, чтение 4-го января отлагается. Гофмейстер Минкельде". Оказывается, что 2 января у Великого Князя сделался первый припадок грудной жабы, от которой впоследствии он и умер. Чтение, конечно, так и не состоялось. И я жалею, жалею.

Смерть Великого Князя, большого поэта, меня глубоко поразила и я набросал на смерть его следующие стихи:

Узор твоих стихов пленителен и тонок, —
Он пробудил во мне прошедшие мечты.
Над книгою твоей я плакал, как ребенок,
Носясь душой в эфире красоты.
Забыв заботы дня, тревожные печали,
Я с жадностью ловил стихов твоих слова,
В них — светлая любовь, природы пышной дали,
Луга широкие, зеленая трава.
Твой гибок легкий стих, и образы так ярки...
Природы понял ты молитвенную тишь,
Бродя среди аллей в тенистом старом парке,
Ты слушал, как шуршит мечтательный камыш.
И ели старой шум, седых аллей мотив.
Любил ты тишину и разговор дубравы,
Ты воспевал весну, фиалки, ночи, травы,
Журчанье озера и шопот старых ив.
Вот почему твой стих пленителн и тонок...
Он пробудил во мне прошедшие мечты,
Над книгою твоей я плакал, как ребенок,
Носясь душой в эфире красоты.

Алексей Сиверский.



„Измайловские Досуги“



2 ноября 1884 г., в Санкт-Петербургс,на углу Измайловского проспекта и Первой роты, совершилось маленькое историческое событие, которому суждено было, впоследствии, сыграть очень интересную роль не только для тех, кто в этот день посетил офицерское собрание лейб - гвардии Измайловского полка, а и для всего полка, вообще, и для России.

За несколько дней до этого события, лейб-гвардии от Измайловского полка, на старший караул Зимнего дворца, была снаряжена рота Его Величества, под начальством ее командира капитана Великого Князя Константина Константиновича, при субартерн-офицере поручике Владимире Юльевиче фон-Дрентельн. Дежурным по караулу, в этот день, был тоже измайловец флигель-адъютант полковник Николай Алексеевич Косач.

Беседуя в караульном помещении, эти три измайловца, по инициативе Великого Князя Константина Константиновича, решили попытаться создать в полку определенные дни и часы, когда можно было-бы собирать однополчан для товарищеских встреч, на которых взаимно знакомиться с литературными и музыкальными трудами, авторами которых являлись-бы участники встреч, исполнять образцы нашей классической литературы и даже иностранной но, обязательно, на Русском языке. Предусматривалась возможность устройства и вечеров драматического характера. Была принята задача — проводить свободное от службы время, с пользой. Впоследствии, эти

вечера были утверждены начальством и приняли наименование “Измайловские Досуги”.

Как ни казалась смела и оригинальна эта мысль и, даже, трудно осуществима в среде офицеров гвардейского полка, но она была проведена в жизнь. На первый вечер, 2 ноября 1884 года, собралось только 11 человек, через две недели, на второй вечер, даже только 9, но дело развивалось и 9 января 1914 г. на “Измайловском Досуге”, состоявшемся в Эрмитажном театре, присутствовал Государь Император, царская фамилия, все члены “Досугов” с их семьями и на этом вечере “Досуг” достиг вершины своего успеха, на сцене участвовало около 700 человек и, положительно, вся культурная Россия заинтересовалась тем, что на нем было показано. На этом вечере была поставлена на сцене драма, написанная измайловцем Великим Князем Константином Константиновичем “Царь Иудейский”.

Созданием и существованием “Досугов”, Великий Князь и его однополчане вписали важную страницу в историю родного полка. Пройдут года и века но в истории Великой России, в доблести гвардейскхи полков и в литературе Российской сохранится гордая память о наших славных предках и о бессмертном Измайловском полке.

Петр Данильченко

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В 1909 году исполнилось двадцатипятилетие “Измайловских Досугов”. “Досуги” состоят в чтениях, сообщениях по изящной словесности и по научным предметам в общедоступном изложении. На “Досугах” допускаются музыка и спектакли. Действительными участниками “Досугов” считаются почетные и действительные члены офицерского собрания л.-гв. Измайловского полка, а также выбывшие из полка офицеры и врачи. Всеми вопросами, как по организации “Досугов”, так и по приглашению лиц на “Досуги”, ведает особый комитет. Председателем комитета состоит со дня основания “Досугов” и до настоящего времени Великий Князь Константин Константинович.

Первый “Измайловский Досуг” состоялся 2 ноября 1884 г. Мысль о возникновении “Досугов” явилась еще в августе того же года, в карауле в Зимнем дворце, где находились в составе офицеров караула Великий Князь Константин Константинович и другие. Самая мысль “Досугов” принадлежит бывшему офицеру полка В. Ю. фон-Дрентельну, который внес, кроме того, немало своих произведений в продолжение 24-летнего существования “Досугов”.

Самое название вечеров “Досуг” дал ныне умерший бывший измайловец флигель-адъютант Н. А. Косач. Всех “Досугов” до настоящего дня было 223, на них исполнено произведений — 1325, в том числе собственных произведений — 400. Число присутствовавших членов “Досуга” — 9348. Некоторые “Досуги” были посвящены специально одному из выдающихся писателей. Два раза измайловские драматические “Досуги” удостаивались, по желанию Государя Императора, приглашения для представления в царские театры.

(“Исторический Вестник”, № 5, 1909 г.).



Вел. Кн. Константинъ Констан...
Августѣйшимъ семействомъ

В вагоне Главного Начальника

I.

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД

Вступив в должность главнаго начальника, Великий Князь в первые же дни посетил все петроградские военно-учебные заведения и, не откладывая, назначил свой выезд в Москву, для осмотра московских корпусов и училищ. Накануне назначенного дня, один из помощников главного начальника, генерал Рудановский, сообщил мне, что Великий Князь поручил ему спросить меня, могу ли я ехать вместе с ним в Москву. Это была для меня совершенная неожиданность но радостная, счастливая неожиданность. Разумеется, я изъявил полную готовность ехать и Рудановский посоветовал мне самому доложить о том Великому Князю.

"Он теперь в Александровском корпусе, надевайте мундир и отправляйтесь туда. Это будет очень кстати".

Я так и сделал. Увидев меня, Великий Князь с ласковой улыбкой подошел ко мне и спросил: "Согласны вы ехать со мной в Москву?" На мой горячий утвердительный ответ он еще раз спросил: "И это вас нисколько не разстраивает в ваших делах? Наверное? Ну, я очень буду рад иметь вас своим спутником".

Мне некогда было раздумывать, почему Великий Князь берет именно меня, а не кого другого. Я весь был захвачен неожиданно выпавшим мне счастьем быть первым человеком, которого Великий Князь выбирает для облегчения ему знакомства со вверенными ему заведениями.

На другой день вечером, с чувством понятной тревоги я приехал на вокзал за час до отхода поезда. Там уже был и М. Н. Драшковский, и от него узнал я, что только мы двое едем с Великим Князем. Благодаря распорядительности Михаила Николаевича, все уже было готово. Вагон был подан к парадным покоям, вещи Великого Князя были сложены в вагон, камердинер Великого Князя был при вещах, и сразу по нашем прибытии туда же были сложены и наши вещи. Оставшееся время

до прибытия Великого Князя мы с Михаилом Николаевичем прикидывали умом, как нам быть в этом новом для нас положении. Мы не представляли себе, какой порядок жизни сложится в вагоне.

Гадали мы также, как будет относиться к нам Великий Князь. Потребуется ли от нас только одно формальное отношение к нему, как к начальнику, или он удостоит нас и своими не деловыми беседами.

Упоминаю об этом потому, что такие вопросы были для меня непраздными вопросами. Обоим нам выпадало первый раз в жизни стоять так близко к особе императорской фамилии и понятно, что оба мы всею душою заботились, чтобы по неведению не нарушить каких-либо сторон этикета.

За 10 минут до отхода поезда прибыл Великий Князь и с ним гофмейстер его двора, Илья Александрович Зеленой. И здесь Великий Князь трогательно-ласково поздоровался с нами и познакомил нас с Ильей Александровичем.

Едва успели мы перекинуться несколькими словами, как раздался второй звонок. Великий Князь поцеловал Зеленого на прощанье, и мы вошли в вагон.

Первыя минуты в вагоне были тихи. Великий Князь вошел в свое отделение, мы заняли наши купэ.

Впоследствии он говорил нам, что на первых порах ему тоже было неловко. Мы были люди совершенно чужого для него мира и он не знал, о чем он будет с нами говорить и как он будет с нами обращаться.

Но это было всего несколько минут и скоро, в тот же вечер, нас охватило то настроение покоя и удовлетворения, которое один Великий Князь умел сообщить окружающим его людям.

Началось с того, что камердинер Великого Князя, Миша (Репнин), сообщил мне, что Великий Князь просит меня к себе.

Я вошел в небольшое купэ-салон и застал Великого Князя за чтением какой-то книги. Перед ним на столе лежала целая стопа книг и брошюр такого же размера, и мне нетрудно было видеть, что это полный комплект инструкций, наставлений и распоряжений по военно-учебному ведомству. Великий Князь очевидно задался мыслью, на первых же порах, основательно с ними познакомиться. Да, этот человек принимался за дело не с легким сердцем. Я слышал в управлении, что в день вступления своего в должность главного начальника он молился в Петропавловском соборе у гробниц своих предков и служил молебен в домике Петра Великого. Теперь он старательно готовился к своему делу и с жизненной сто-



Великий Князь в помещении лазарета Орловского Бахтина кадетского корпуса.

Фотография кадета Бракгаузена (вып. 1915 года).

роны, осматривая заведения, и со стороны принципиальной, изучая законоположения и предписания, лежащие в основе их устройства.

Припоминаю, что книга, которую он читал с вниманием, была "Наставление для ведения внеклассных занятий", редактированное мною в 1890 г.

Увидев меня, он указал мне на кресло и спросил: "Вы, я слышал, всегда сопровождали генерала Махотина во время его поездок по военно-учебным заведениям".

"Да, я ездил с ним, начиная с 1894 г. Раньше он ездил обыкновенно один".

"Следовательно, вы хорошо знакомы с личным составом чинов всех заведений и с разными особенностями каждого заведения?"

"Да, я знаю все заведения, не только потому, что сопровождал бывшего главного начальника, я много раз был командирован и самостоятельно для их осмотра по всем частям их устройства".

Высказав еще раз в самых добрых словах свое удовольствие, что я буду с ним в Москве, он пожалел, что не догадался раньше и не приглашал меня с собою во время посещения петроградских заведений.

На мой вопрос, как Его Высочество остался доволен петроградскими заведениями, он сказал, что вообще они произвели на него самые выгодные впечатления, но что, однако, как у человека нового, у него неминуемо должны были рождаться вопросы, которые ему хотелось бы выяснить для более близкого знакомства с заведениями.

"Есть такие стороны в жизни заведений", добавил он, "которые не предусмотрены никакими положениями и инструкциями, но которые, однако, дают заведению известный индивидуальный характер". Указав с большою верностью на некоторые отличительные стороны каждого из петроградских заведений, Великий Князь заметил, что знакомство с такими особенностями должно представлять большой интерес с воспитательной точки зрения.

Этими словами Великий Князь как бы положил первое начало той большой работе изучения каждого заведения во всех его особенностях, которая занимала его во все годы его управления военно-учебным ведомством. Он отдавался ей и, как начальник и психолог, и как художник.

Разговор естественно перешел к Инструкции по воспитательной части кадетских корпусов.

Великий Князь сказал, что он прочел ее со всем вниманием, какого она заслуживает, и ценит ее в особенности потому,

что в ней нет никаких категорических предписаний, до которых такие охотники начальствующие лица и которые обыкновенно так неудобно исполнимы в применении к живым людям и к живому делу. Однако в Инструкции для заведений военно-учебных Великий Князь, по его словам, думал встретить больше указаний и советов, относящихся специально к воспитанию будущих офицеров. При большой полноте и обдуманности общих воспитательных мероприятий, она не дает однако воспитателю никаких руководящих указаний относительно тех мер, которыми он мог бы развить в своих воспитанниках любовь к военной службе, уважение к военной доблести, корпоративный дух, заставляющий военного любить свою часть и гордиться принадлежностью к этой части и пр.

Я доложил Великому Князю, что эта Инструкция была составлена первоначально для военных гимназий, которые по существу не были заведениями военными, а только состояли в ведении военного министерства. Инструкция должна была установить только обще-педагогические принципы, которыми одними только и жили военные гимназии.

С переименованием военных гимназий в кадетские корпуса, Инструкцию пришлось переработать. Но возврат к кадетским корпусам не был принят в военно-учебном ведомстве с большим единодушием. Военно-гимназические педагоги считали, что такое переименование поведет военно-учебные заведения к искажению здравых педагогических принципов и что следовательно, на сколько это возможно, такую реформу надо проводить с большой осторожностью.

Так думало большинство высших чинов военно-учебного ведомства. К таким мыслям, вопреки настойчивому желанию генерала Ванновского, склонился и генерал Махотин. Этот взгляд на военное воспитание отразился и на Инструкции по воспитательной части для кадетских корпусов.

"Но ведь теперь прошло уже столько лет и взгляды на задачи кадетских корпусов должны были принять другое направление. Неужели и теперь еще в военно-учебном ведомстве могут находиться люди, считающие кадетские корпуса заведениями, сделавшими шаг назад по сравнению с военными гимназиями?"

Я должен был сказать Великому Князю, что все люди, стоящие в данное время на высших ступенях и в главном управлении и в заведениях, служили воспитателями или преподавателями в период военных гимназий и что все воспитательные их воззрения сложились и окрепли еще в то время. Некоторые из них смотрят и теперь еще с опасением и даже с недоброжелательством на все те перемены, которые вызваны переимено-

ванием военных гимназий в кадетские корпуса, и привел несколько примеров:

Составленное мною Наставление для ведения внеклассных занятий не встретило в свое время одобрения ни в педагогическом Комитете Управления, ни со стороны директоров, на том основании, что регламентация телесных упражнений представлялась им как бы поощрением принципа грубой силы, которой не место в воспитательных заведениях.

Ротные командиры в кадетских корпусах до сих пор не получили тех начальственных и дисциплинарных прав, которыми должны быть сопряжены с этой должностью, только потому, что учреждение этой должности нарушало военно-гимназический строй.

Я должен был добавить к этим примерам, что среди генералов военно-учебного ведомства есть люди, считающие себя как бы призванными хранить чистые педагогические принципы и которые импонируют своими самоуверенными заключениями в педагогическом Комитете. Не всякий решается им противоречить, чтобы не нанести ущерба своей педагогической репутации.

Великий Князь слушал с напряженным вниманием. Неоднократно он перебивал меня вопросами и замечаниями и милостиво сказал мне, что я открываю ему неведомые для него стороны в жизни военно-учебных заведений. Он посмотрел на часы: "А знаете ли который час? Я думал, что обезпокою вас всего на полчаса, а теперь уже половина первого..."

На другой день мы все собрались к утреннему кофе. Вспоминая нашу вчерашнюю беседу, Великий Князь спросил у Михаила Николаевича Драшковского, в каком корпусе он воспитывался и в какое время, попросил его хоть кратко, нарисовать картинку бывшего корпусного и военно-гимназического режима. — "Ах, как это все любопытно и как это для меня ново", — говорил он, слушая его воспоминания. — "Так старого директора любили больше, чем нового?" — допрашивал он.

"Да, Дмитрий Михайлович Павловский был простой и добрый человек..."

"А нового не любили за хитрость?"

"Так точно, у него были такие лукавые, зеленые глаза..."

На московском вокзале Великого Князя встретили директоры кадетских корпусов и начальники училищ. Великий Князь приветливо познакомился с ними, поговорил с каждым из них в парадных покоях вокзала, наметил в общих чертах порядок осмотра и начались московские дни.

Здесь, собственно в Москве, началось то, что было позднее при осмотрах провинциальных заведений и что описано мною в 1900 г. Петроградские заведения так доступны для частых и неожиданных посещений, что начальствующим лицам не представляется необходимости посвящать на их осмотры целые дни без перерыва. В Москве Великий Князь стал проводить в заведениях целые дни и наблюдать их жизнь во все часы дня. При первом знакомстве он старался поговорить со всеми чинами заведения и непременно со всеми воспитанниками. И здесь стали прорываться те взрывы восторга, о которых я говорил в описании последующего путешествия Великого Князя.

Отмечу трогательно-добрый прием, оказанный нам, двум чинам, сопровождавшим Августейшего Главного Начальника, Великим Князем Сергием Александровичем.

Всегдашнее приветливое и ласковое его отношение ко мне, когда я бывал в Москве, заставляет меня с благодарностью чтить его память и с глубокой скорбью вспоминать о мученической его кончине в смутные дни 1905 г.

В день отъезда Августейшего Главного Начальника из Москвы, к обеду во дворец были приглашены все начальники московских корпусов и училищ. После обеда они собрались в покоях, занимаемых Его Высочеством Главным Начальником. Великий Князь выразил им полное свое удовольствие состоянием заведений. Поговорил с каждым из них о ближайших нуждах заведения и, отпуская их, он произнес достопамятные слова, которые я слышу еще теперь, когда пишу эти строки.

“До свидания, господа. Надеюсь, мы часто будем с вами видеться: я всею душою полюбил военно-учебные заведения и был бы глубоко несчастлив, если б их у меня отняли”.

Мы едем обратно в Петроград. Настроение приподнятое. Великий Князь видимо полон новыми впечатлениями подробного осмотра московских заведений. Он вспоминает о той сердечной радости, какую вызывало его присутствие в заведениях, о восторженном настроении кадет и юнкеров, о их доверии к нему, о их готовности раскрыть ему всю свою душу. Он вспоминает отдельные случаи и это его трогает почти до слез... Вместе с тем он снова расспрашивает меня о том времени, когда главными начальниками военно-учебных заведений были Особы Императорской Фамилии, о тех переменах, какие потерпели эти заведения при преобразовании корпусов в гимназии, и задумывается над вопросом, что следовало бы сделать, чтобы возвратить кадетским корпусам их прежнее патриотическое и военно-подготовительное значение.

II.

ДЕНЬ В ВАГОНЕ.

С тяжелым грохотом мчится длинный поезд. По сторонам дороги гигантским веером то развертываются, то убегают широкие панорамы полей и лесов, городов и сел, рек и озер, оврагов и долин.

В конце поезда вагон Великого Князя. По внешности он такой же вагон, как и другие. Но в нем идет самостоятельная жизнь, обособленная от коллективной жизни поезда. Мы остаемся в вагоне по целым дням, иногда по несколько дней, и у нас складывается свой порядок жизни, удобный и приятный для всех, в котором дело правильно чередуется с отдыхом и часами свободной беседы, успокоительной, как отдых и поучительной, как серьезное дело.

К 8 часам мы сходимся в купэ-салон к утреннему кофе. Выходит Великий Князь с приветливой бодрящей улыбкой, здоровается с нами и находит для каждого из нас свое особенное слово.

За кофе Великий Князь обыкновенно возвращается к впечатлениям прошлого дня. Он проверяет их в общей беседе и разговор оживляется. У Великого Князя много доброго, изящного юмора и он умеет затронуть каждого за его живую жилку. Михаилу Николаевичу достается за его горячий нрав, перепадает и мне за мою, будто бы, "язвительность".

Так начинается наш путевой день: бодро, с подъемом. После кофе Великий Князь тут же вместе с нами разсматривает пакеты, получаемые им в пути из разных подчиненных ему ведомств. Обыкновенно он сам их раскрывает, бегло просматривает бумаги и откладывает такие, которые требуют основательного знакомства с ними. После этого адъютант испрашивает его распоряжения на текущий день и докладывает ему разные прошения, подаваемые в пути.

Окончив дела Великий Князь раскрывает "Новое Время" и сам читает нам вслух или передает для прочтения адъютанту интересные сообщения и статьи.

Если около этого времени случается продолжительная остановка поезда, то все мы выходим из вагона и Великий Князь делает прогулку большими и быстрыми шагами вдоль всей платформы, а иногда и много дальше. Со всеми попадающимися нижними чинами он здоровывается. Иногда во время таких прогулок он встречает молодых офицеров, бывших кадет и юнкеров, и, при его громадной памяти на лица, узнает их с величайшею радостью и непременно с чарующей ла-

сковостью расспрашивает их о службе и о их семейном положении.

Если нет остановки поезда именно около этого времени, то все мы прерываем наши дела и во всякое другое время, чтобы подышать свежим воздухом.

Между 10 и 11 часами Великий Князь уходит к себе для работы.

Здесь я должен сказать об удивительном умении Великого Князя пользоваться своим временем и о чрезвычайной его работоспособности. В пути у него всегда были определенные часы для работы, и я заметил, что, раз принявшись за работу, он уже сосредоточивал на ней все свое внимание. Все другое отходило от него в сторону. Это дано не всякому, но оттого-то он, даже в дороге, успевал делать обыкновенно очень много и работа у него спорилась не хуже, как и в спокойные домашние часы. В вагоне он написал много чудных стихов для своей Ифигении. В вагоне он набрасывал сцены для Царя Иудейского... В вагоне он успевал прочитывать целые томы серьезных сочинений по разным отраслям знания для своих библиографических статей, не говоря уже об объемистых бумагах и делах, присылаемых ему из разных ведомств.

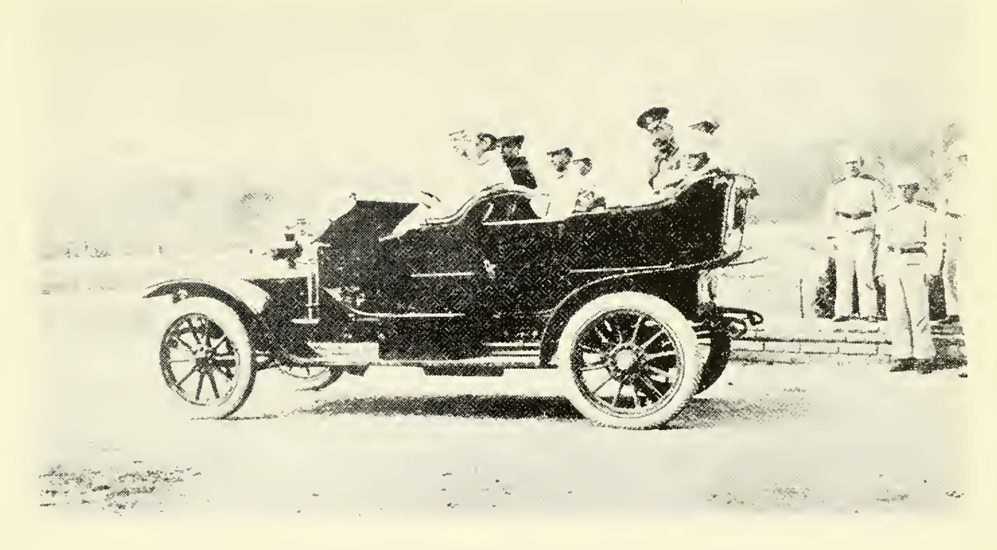
До обеда Великий Князь занимался по большей части служебными делами и этих дел было немало, даже и в дороге.

Надо сказать, что со времени вступления своего в должность главного начальника он поставил себе правилом прочитывать все журналы педагогических комитетов кадетских корпусов и читал он их совсем иначе, чем могли читать его помощники и другие чины главного управления. После первых своих поездок он стал помнить много кадет и в лицо, и по фамилиям во всех корпусах, и понятно, что, встречая знакомое имя в журнале, он живо представлял себе все обстоятельства, по поводу которых упоминалось это имя в хорошую или в дурную сторону. При чтении он делал много отметок и замечаний, которые сообщались заведениям.

Отправляясь в путешествие, он брал с собою последние журналы комитетов тех корпусов, которые предполагал посетить. Если в этих журналах были суждения по каким-либо выдающимся случаям, то он предлагал нам прочесть эти журналы, чтобы быть осведомленными о положении дел в заведении.

Кроме того, во время поездок ему присылались из главного управления бумаги, требующие безотлагательной резолюции или своевременного знакомства с ними. Эти бумаги тоже отнимали у него довольно времени.

Покончив с делами, он раскрывал свой дневник и заносил в него то, чего не успевал записывать в дни осмотра заведения. Он так привык правильно вести ежедневные записи, что



Великий Князь в Ташкентском Наследника Цесаревича Алексея Николаевича кадетском корпусе.

Великий Князь во Владимирском Киевском кадетском корпусе (1907 г.).

иногда со вздохом говорил нам о пропущенных им в дневнике числах.

Если оставалось время, он брал книгу и углублялся в чтение.

Отмечу маленькую особенность: прочитав интересную книгу, Великий Князь давал ее иногда мне для прочтения и я обыкновенно видел на заглавном листе аккуратную надпись карандашом: начато там-то, тогда-то, на последней странице стояла дата и место окончания чтения. Иногда и в середине книги попадались отметки с обозначением, где и когда читалась такая-то глава или такая-то часть.

Эта незначительная особенность представлялась мне всегда очень характерным указанием того сердечного интереса, с каким Великий Князь относится к книге. Раскрыв такую книгу, не только вспоминаешь ее содержание, но и переживаешь те впечатления, при которых было воспринято это содержание.

Обедаем мы обыкновенно около часа пополудни, с нами едет повар Великого Князя и Михаил Николаевич заведует всею нашею продовольственною частью.

Случается, что в поезде есть лица, желающие представиться Великому Князю или почему-либо ему знакомые: они в пути приглашаются к обеду. Иногда это совсем молодой офицер или кадет, которого Великий Князь узнал и сразу назвал по фамилии, гуляя во время остановки. С этой молодежью во время обеда Великий Князь по обыкновению трогательно ласков. Кадета он сажает около себя и тот рассказывает ему и о своей семье, и о своих товарищах и о том, как ему живется в корпусе.

"Так ты воспитателя своего любишь?" — спрашивает Великий Князь.

"Люблю", — отвечает разговорившийся кадет. — "Его все у нас любят. Его так и называют: дядя Миша".

"В лицо?"

"Никак нет", — говорит он, несколько смутившись. — "А кто и в лицо", — процеживает он, чтобы быть правдивым.

Великий Князь доволен. Его трогает наивность мальчика и он, поцеловав его, отпускает в его вагон. Но вот, в таком-то корпусе он встречает подполковника такого-то. "Так это вы, дядя Миша?", — весело говорит он ему.

"Душевно рад, что познакомился с вами лично, и дай вам Бог всегда оставаться дядей Мишей для ваших кадет".

После обеда Великий Князь проводит некоторое время в нашем обществе. У нас есть тема для разговора: дядя Миша. Великий Князь удивляется не только чуткости детей, но и уменью их дать кличку.

Если предыдущий день был утомителен, если накануне нам

поздно пришлось лечь спать, то Великий Князь отдыхал час или полтора и потом снова садился за работу.

Кажется, я не ошибусь, если скажу, что эти часы были в особенности часами его литературной и творческой работы. Он садился у себя в купэ, видимо, весь отдавшись делу. Мы его не видим и не слышим втечении нескольких часов.

После чая, в шестом часу, Великий Князь остается обыкновенно в нашем обществе на весь вечер. Это наша рекреация. Широкий кругозор Великого Князя, его тонкое понимание вещей и людей, его поэтическое чувство делает его беседу не только увлекательной, но, как я уже сказал, поучительной, в настоящем значении слова. Переживая эти беседы в моей памяти, я должен искренне сказать, что они внесли в мое душевное содержание много такого, чего там прежде не было. И надо заметить, что в этих беседах не было никогда ничего намеренно учительного. Это были обыкновенные случайные разговоры, в которых каждый из нас мог без стеснения высказывать свои мысли, выражать свои сомнения, задавать свои вопросы.

Одним из главных предметов разговора были, конечно, военно-учебные заведения, но иногда мы уходили совсем в другие области.

Великий Князь много говорил с нами о разнообразных явлениях общественной жизни во всех ее сферах. Разговор приобретал особенный интерес, когда кто-нибудь из нас затрагивал вопросы литературы, музыки, изящных искусств. Великий Князь был полным хозяином в этих вопросах и нам приходилось слышать от него много такого, что давало нам новую точку зрения даже на знакомые нам произведения. Припоминаю, что благодаря ему, я настоящим образом оценил Пьера Лоти и Эдмонда Ростана, что он указал мне на переписку баронессы Раден с Самариным, на Татевский Сборник.

Мне представляется, что если бы мы записывали все то, о чем мы говорили такими вечерами с Великим Князем, то вышла бы очень богатая по содержанию и очень интересная книга.

Иногда мы читали вслух. Но читал вслух и сам Великий Князь. Не могу забыть тех вечеров, когда он читал нам стихотворения Алексея Толстого или Ростана.

При его удивительно верной интонации, драматические вещи выходили художественно хорошо.

Но длинными вечерами, в зимние поездки, мы предавались иногда и безделью. Как-то в многодневное пребывание в вагоне, подало кому-то из нас мысль устроить партию в винт. Играли, конечно, не на деньги и играли всего раза два-три,

мы как-то перестали о нем вспоминать, потому что он все-таки лишает человека свободы.

Но вот случилось, что собралось несколько любителей пасьянса. И вот пасьянсы приобрели право гражданства в расписании нашего дня. Великий Князь раскладыавл их главным образом после обеда или ужина, не переставая разговаривать с нами или же слушая наше чтение.

Эта вечерняя беседа затягивается иногда довольно долго. Но около 12 часов Великий Князь всегда уже прощается с нами и уходит к себе. Это не значит, однако, что он сейчас же ложится в постель. У него на письменном столе лежит его дневник, а на нем Евангелие. Кроме того он в это время пишет и письма.

Поговорив еще друг с другом, после ухода Великого Князя с полчаса, мы идем спать, а у него все еще горит огонь и он сидит углубленный в письмо или чтение.

Темная ночь спустилась на землю. Длинный поезд с грохотом мчится вперед... У нас в вагоне все спокойно. Все спят. Наш дорожный день кончен.

III.

ОТЗВУКИ БОЛЬШОЙ РАБОТЫ.

Великий Князь часто удостоивал нас разговорами о военно-учебных заведениях. Он всей душой любил заведения и мысли его часто обращались к этому вопросу.

В первое время его озабочивали вопросы о подъеме военного и патриотического воспитания. Потом планы его постепенно расширялись и у него создавалась целостная ситема воспитания будущих офицеров русской армии.

Мы были счастливыми свидетелями, как эти мысли зарождались, зрели и приводились в исполнение.

Великий Князь часто обращался к нам за сведениями и справками, и по разным занимавшим его вопросам. Мы были воспитанниками различных эпох и разных заведений и, по мере нашего уменья, рисовали ему положение дел в наше время.

С живым интересом слушал он наши рассказы и мы чувствовали, как умел он оценить все то хорошее, что было в военно-учебных заведениях в разное время.

Описывая нашу жизнь в вагоне, я остановлюсь только на тех сторонах деятельности августейшего главного начальника, которые были связаны с его путешествиями и осмотрами военно-учебных заведений.

В описании первого путешествия Великого Князя мне приходилось уже говорить о впечатлениях, вызванных в нем различными сторонами устройства военно-учебных заведений. Здесь мне по необходимости надо будет повторить иногда то, что было мною записано уже раньше. но там я говорил только о замысле, здесь я буду говорить об исполнении.

В первые наши поездки, Великий Князь говорил нам, что он всегда с особенным чувством смотрит на старые знамена кадетских корпусов, хранящиеся в корпусных храмах. Теперь кадетские корпуса кажутся ему обездоленными. Ведь, знамя — символ единения, товарищества, корпоративного духа. Ведь, это был предмет привязанности питомцев прежних корпусов. Он слышал что многие, выходя из корпуса, отрывали себе кусочек корпусного знамени и свято хранили его всю свою жизнь. Зачем же теперь это старое знамя стоит, как нечто ненужное, не имеющее больше того благодетельного значения, какое оно имело в прежние годы?

Мы говорили на это, что военные гимназии не имели строевой организации и не были даже в сущности заведениями военными.

"Да", — замечал на это Великий Князь, — "но, ведь, теперь кадетские корпуса — заведения военные и организация у них строевая. Правда, ружья присвоены одной только первой роте, но, ведь, чувство военного единения и военной доблести должно заботливо прививаться всем воспитанникам заведения Знамя и теперь будет таким же символом единения заведения, такою же святынею, какою оно было и прежде, и я глубоко убежден, что дарование корпусу знамени способно возвысить весь нравственно-воспитательный строй заведений".

И вот то, чего не решились сделать до тех пор, чтобы не слишком решительно переходить к военным порядкам прежних кадетских корпусов, было сделано. Кадетским корпусам были дарованы знамена.

Я имел счастье находиться при Великом Князе во всех кадетских корпусах, которым он передавал Высочайше пожалованные знамена. И какая это была всегда чудная церемония прибивки и освящения знамени! Как Великий Князь умел придать ей торжественность и возвысил ее значение!

Были и другие вопросы, которые рождались у августейшего главного начальника по мере его знакомства с военно-учебными заведениями. Как я сказал уже в описании первого его путешествия, он обратил внимание на мраморные доски с именами кадет ставших первыми по успехам, при выпуске в офицеры.

В кадетских корпусах, записи на этих досках не шли дальше 62 года. — "Почему же, — спрашивает онъ, — тогда счи-

талось нужным такое отличие и почему теперь оно считается ненужным? Отчего у кадет всегда перед глазами имена счастливцев, учившихся в корпусе до реформы корпусов, и почему так несправедливо оставлены без всякого внимания учившиеся позже?"

Я докладывал Великому Князю, что педагогические принципы военных гимназий не допускали никаких поощрительных мер: мальчик должен был учиться не из желания награды, а по внутреннему сознанию в необходимости учения.

Великий Князь возражал мне, что этот принцип проводился непоследовательно: не было поощрений, однако, были наказания, и, в сущности, не обходилось и без поощрения: что такое баллы за поведение и даже баллы за успехи, как не совокупность карательных и поощрительных мер? Если допускалось вывешивание списков с баллами и с распределением воспитанников по старшинству, то почему же были упразднены мраморные доски?

"Может быть, — заметил я, — тут имелось в виду и то обстоятельство что воспитанники оканчивают курс не в корпусах, а в училищах. Там мраморные доски ведутся непрерывно, как продолжение тех досок, которые были прежде в корпусах".

Эта причина, по мнению Великого Князя, тоже не имела серьезного основания. Был длинный период, когда провинциальные корпуса имели только общие классы и отправляли своих кадет в специальные классы дворянского полка. Это то же самое, что теперешнее отправление кадет в военные училища. Однако окончившие первыми в дворянском полку записывались на мраморную доску, не только в этом заведении, но и непременно в своем родном корпусе. Мраморная доска, по убеждению Великого Князя, есть памятник лучшим воспитанникам заведения за все время его существования, это почетная страница в истории заведения и, с этой точки зрения, она ни в каком отношении не может идти в разрез ни с какими педагогическими принципами.

Эту свою мысль августейший главный начальник тоже привел в исполнение в первые годы по вступлении своем в должность. Останавливаясь потом перед рядом мраморных досок, он не раз говорил мне, что теперь установлена более твердая преемственная связь между прежними корпусами и теперешними.

Эта преемственная связь стала еще тверже и еще нагляднее, с дарованием военно-учебным заведениям их прежнего герба на пуговицах, на поясных бляхах и на головных уборах. Этот герб — двуглавый орел в сиянии — был прежде отличительным знаком военно-учебного ведомства. С переименованием корпусов в гимназии он был упразднен, как и все, что на-

поминало прежние корпуса. Теперь этот чудесный прежний герб возвращен заведениям и я имею счастье носить на моем теперешнем кивере то самое сияние, которое носил еще маленьким кадетом на каске в Петровском Полтавском корпусе.

Великий Князь очень заботился также об укреплении в каждом заведении его исторических воспоминаний. В заведениях вновь основываемых он старался положить как бы первый камень для их истории. Он исходатайствовал многим заведениям Высочайшее соизволение на присоединение к своим наименованиям имен Государей, особ Императорской фамилии или достопамятных русских людей, с воспоминаниями о которых связано существование заведения. Вместе с почетными наименованиями некоторые заведения получили также исторические шифры на погонах.

Преемственности воспоминаний способствуют, в особенности, заботливо составленные исторические музеи. Великий Князь очень поощрял образование музеев в кадетских корпусах и в военных училищах.

"Меня удивляет, — говорил он в первые годы своей деятельности, — что, кроме Николаевского училища и Пажеского корпуса, я нигде не вижу никакой заботы о сохранении исторического прошлого в заведении".

Я высказал Великому Князю мою мысль, что военная гимназия, по существу своих педагогических принципов, не могла иметь заботы о сохранении своих исторических воспоминаний. Педагогичекое дело, которое делали тогдашние люди, было по их убеждению так логично построено, что не могло и не должно было претерпевать каких-либо изменений. Оно должно было идти сегодня, как завтра. Конечно, во всяком деле бывают колебания и в дурную, и в хорошую сторону, но для людей того времени такая нестойкость не могла считаться достойной какого-либо увековечения. Потом, раз убраны мраморные доски, не могло быть никакого разговора о сохранении каких-либо воспоминаний о бывших питомцах. Остались только черные мраморные доски в храмах: по патриотическому своему значению они были неприкосновенны.

"С тогдашней точки зрения, — продолжал я, — в музей военной гимназии нечего было бы поместить другого, как только разве средний балл среднего кадета, за средний период времени".

"Я может быть сгущаю краски, но я имею на это основание. История заведения была не в почете: когда стали подходить юбилейные годы провинциальных корпусов, то попытки внести в исторический очерк заведения какие-либо характерные бытовые черты решительно не поощрялись управлением. Такие очерки сокращались, переделывались и сводились толь-

ко к нескольким датам: тогда-то был назначен такой-то директор, тогда-то состоялся такой-то приказ. Потом список чинов и кадет... и тут все".

"В словах ваших, действительно, есть преувеличение, — говорил мне Великий Князь, — но по существу вы правы. Наши заведения вообще не имеют той индивидуальности, которая слагается годами самобытной жизни, если же в некоторых корпусах и можно заметить нечто подобное, как например в Полоцком, в 1-ом Московском, то это обыкновенно пережитки старого времени, товарищеская сплоченность старых кадет, всегда почти ослабевавшая за период военных гимназий".

Эти мысли Великого Князя о закреплении исторического прошлого заведения были восприняты во многих кадетских корпусах.

В большинстве заведений было положено основание исторических музеев, в некоторых корпусах эти музеи заключают в себе в настоящее время очень редкие и ценные собрания, восстановляющие жизнь заведения за длинный период его существования. Таковы в особенности музеи 1-го Московского и 1-го кадетских корпусов.

Эта забота о закреплении исторических воспоминаний в каждом отдельном заведении имеет, разумеется, очень большое значение. Она заставляет воспитанников гордиться своим заведением и любить его, как памятник родного прошлого.

Мне приходилось говорить уже раньше, что Великий Князь обратил внимание на слишком однообразный воспитательный режим для кадет разных возрастов. Ни в Инструкции по воспитательной части, ни на практике не было установлено никакого различия в требованиях и в степени оказываемого им доверия между маленькими кадетами и юношами, оканчивающими корпусный курс.

Для закрытого заведения это вопрос трудный. Регламентировать его почти невозможно. Великий Князь говорил об этом с директорами и в педагогических комитетах заведений.

Не все директоры были одинаково отзывчивы к этой мысли. Люди, помнившие военно-гимназический режим, считали, что предоставление воспитаннику большей или меньшей самостоятельности и оказание ему доверия определяется не возрастом, а личными свойствами воспитанника и зависит от усмотрения воспитателя. Другие, сочувственно отозвавшиеся на эту мысль, не всегда умели применить ее на деле. В одном корпусе случилось, что директор предложил воспитателям не приходить на вечерния занятия кадет 7-го класса, чтобы не

мешать их самостоятельной работе. Надо было объяснять, что дать самостоятельность вовсе не значит освободить юношу от всякого воспитательного руководства.

Дело, однако, понемногу наладилось. В режиме старших рот уменьшилось число таких мелочных требований и запрещений, которые имеют место в младших ротах, но являются ненужным стеснением для юношей. Порядок от этого не пострадал, а утвердился. Случаи массового неудовольствия отошли в предание.

В связи с вопросом о предоставлении самостоятельности кадетам старших классов, Великий Князь лелеял мысль о том, что лучшие кадеты выпускного класса могли бы оказывать большую помощь воспитателям младших рот, находясь возможно чаще при маленьких кадетах и исполняя по отношению к ним обязанность старших. Были директоры опасавшиеся этой меры. По их мнению, присутствие старшего кадета нарушает целость воспитательского влияния, кроме того они ссылались и на не всегда удававшуюся меру назначения старших в прежних корпусах.

Но в некоторых заведениях эта мысль была приведена в исполнение и, судя по периодическим донесениям, дала очень утешительные результаты.

К сожалению, это нововведение не получило той устойчивости, какой оно заслуживает. Причина в том, что, отдавая свое время маленьким товарищам старшие кадеты не успевали готовить своих учебных работ и принимать участие во всех обязательных занятиях, положенных для старшей роты.

Получая донесения о работе старших кадет, Великий Князь с умилением передавал нам о разных случаях благодетельного влияния старшего товарища на маленьких кадет. Но он не настаивал на укреплении этой меры, так как она, по его словам, может принести хорошие плоды только при полном сочувствии к ней всех чинов заведения.

Заботясь о придании кадетским корпусам характера заведений военно-подготовительных, Великий Князь естественно должен был обратить внимание на организацию в них воспитательной части.

В военных гимназиях эта организация была очень проста. Во главе заведения находился директор и под непосредственным его начальством стояло 15-20 воспитателей, заведующих классными отделениями. Классы группировались по возрастам, которых в гимназии было обыкновенно три, но возрастом, как самостоятельною единицею, никто не ведал.

При преобразовании гимназий в корпуса, возрасты были переименованы в роты и учреждена должность ротного командира.

Я докладывал Великому Князю еще в первую поездку с ним о неопределенной постановке этой должности. Не имея никаких начальственных и дисциплинарных прав, ротный командир не мог быть руководителем воспитателей своей роты, особенно если директор смотрел на учреждение должности ротного командира, как на помеху правильного воспитания. А такие директоры были. Рассказывали, что один из них, на вопрос нового ротного командира, в чем будут состоять его обязанности ответил: "в том, чтобы вы как можно реже показывались в вашей роте".

Великий Князь находил это невероятным. Я доложил ему, что это могло быть.

"Но, ведь, ротный командир, — ответил мне Великий Князь, — выбирается из опытнейших и способнейших воспитателей, чем же он может мешать директору в выполнении его педагогических мероприятий? Для директора он — опытный помощник, а для воспитателя он должен быть не только руководителем, но и начальником".

Вопрос о постановке ротного командира в правильные начальственные и дисциплинарные отношения к воспитателям своей роты был поставлен Великим Князем на обсуждение педагогического комитета главного управления. Были и при этом обсуждении мнения о безполезности ротного командира, но большинством голосов вопрос был решен в положительном смысле. И это оказалось выгодным в том отношении, что многолюдный интернат, с большою разницею в возрасте воспитанников, как бы разделился на три или на четыре интерната, каждый для определенного возраста, под начальством своего ротного командира и под верховным главенством директора.

Будущему историку придется упомянуть о многих мероприятиях, вызванных одним и тем же ясно понимаемым стремлением повысить воспитательное и учебное дело в кадетских корпусах и училищах, и дать военно-учебным заведениям тот военно-воспитательный характер, который они должны иметь по самому своему назначению.

Он расскажет о переработке учебных програм для военных училищ и для кадетских корпусов, о съезде учителей русского языка в 1908 г. и о съезде воспитателей кадетских корпусов в 1908 г., об организации для военных училищ чтений по вопросам государственного и общественного строя в 1906 г. и о чудесном циркулярном письме Великого Князя о подъеме патриотического воспитания. Он упомянет о пересмотре пищевого режима в кадетских корпусах и военных училищах, и

о многих других мероприятиях воспитательного, административного и хозяйственного характера, на которых я, по самой задаче моих воспоминаний, останавливаться не могу. Я говорю здесь только о тех отзвуках большой работы, к которым мы могли ближе прислушиваться во время наших поездок.

Без сомнения, мы говорили обо всем, что делалось и предполагалось сделать по военно-учебному ведомству. Но, чтобы передать все эти беседы, мне нужно было бы иметь в руках стенографическую их передачу. Я и то боюсь, что может быть местами впадаю в неточности. Я забочусь об общей характеристике большой работы, предпринятой главным начальником военно-учебных заведений, и мне кажется, что в немногих помещенных здесь вопросах эта характеристика сказывается довольно ясно. Упомяну здесь еще об одном только предмете наших бесед, имеющем первостепенное значение — воспитании.

Будучи человеком искренне и глубоко религиозным, Великий Князь прилагал много усилий для подъема религиозно-нравственного воспитания.

Всегда во всех своих беседах с воспитанниками, беседах, которые уже по одной своей форме ласкового, душевного разговора неотразимо на них действовали, он с особенной серьезностью затрагивал вопросы нравственности и религии.

На уроках Закона Божия он старался дать себе отчет, имеют ли эти уроки значение для пробуждения в кадетах твердой веры. Способствуют ли они должному уразумению священного писания и догматов православной веры. Вместе с тем он всегда проверял, знакомы ли кадеты с содержанием книг священного писания и охотно ли их читают.

Присутствуя в корпусах и училищах на богослужениях, он сам являлся образцом благоговейного и молитвенного отношения к совершаемым обрядам и настойчиво следил, чтобы молитвословие во время службы и молитвы утренние, вечерние и в другое время дня читались кадетами без торопливости, внятно и с благоговением.

"Меня удивляет, — говаривал он не раз, — совершенное равнодушие кадет к урокам Закона Божия. Эти уроки не дают им ни сведений, ни религиозно-нравственного настроения. В церкви кадеты стоят вообще недурно, но молятся из них весьма немногие. Вечером, в маленьких ротах, я вижу, после общей молитвы, молящихся перед ротным образом, перед отходом ко сну, но в старших ротах это уже явление очень редкое. Какой же смысл преподавания Закона Божия в кадетских корпусах? В чем выражается воспитательная деятельность законоучителя?"

Мы высказывали наше предположение, что это происходит от самой постановки Закона Божия в кадетских корпусах. Закон Божий преподается не от сердца, а от разума. В катехизисе делаются такие выводы, которые не могут иметь никакого значения, если ученик не имеет искренней веры и притом этот катехизис кадеты изучают в таком возрасте, когда он недоступен еще для их понимания. На священника кадеты смотрят, прежде всего, как на учителя скучного и непонятного для них предмета, а потом уже, — и это не всегда, — как на наставника в вере и в христианской нравственности. Поэтому кадеты не только не воспитываются в вере, но теряют даже всякий интерес к священному писанию.

"Всякий раз, когда я бываю в корпусе на богослужении, — докладывал я Великому Князю, — я спрашиваю после службы у нескольких кадет старшей роты, от какого евангелиста читалось во время службы. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что не всегда даже один кадет из десяти мог ответить на такой вопрос".

Озабоченный этим предметом, августейший главный начальник учредил комиссию, при участии законоучителей всех петроградских военно-учебных заведений, для рассмотрения вопроса о преподавании Закона Божия и очень интересовался работами этой комиссии.

Убедившись вместе с тем, что кадеты, даже заботливо воспитанные в религиозном отношении, мало знакомы со священным писанием и что этому знакомству не способствует проходимый в корпусах курс Закона Божия, он особым приказом выразил желание, чтобы в кадетских корпусах ежедневно читалось Евангелие, предоставляя директорам и законоучителям организацию этого дела, соответственно местным условиям.

"Ведь вы ежедневно моетесь и заботитесь о своей внешности и опрятности, — говорил он собравшимся вокруг него кадетам, — тем более вам надо заботиться о чистоте вашей души: ежедневно читайте Евангелие и благоговейно проникайтесь его учением".

Находились педагоги, говорившие, что такое принудительное чтение не воспитает любви к Евангелию, а что для маленьких кадет рано еще читать Евангелие, так как они его не могут понять.

Но, казалось бы, сами же эти господа должны бы были помнить, что все воспитание основано на привитии добрых привычек и что нет такого возраста для человека, когда слышание слова Божия было бы для него излишним.

IV.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ИТОГИ.

Вчера закончился осмотр кадетского корпуса или военного училища. Великий Князь пробыл в городе дня два или три. Сегодня мы едем дальше и обмениваемся впечатлениями.

Из моего первого очерка в 1900 г. можно уже составить себе представление о характере смотров, производимых Великим Князем.

Здесь я должен однако еще раз на этом остановиться. Смотры Великого Князя нельзя ни в каком отношении ставить в параллель со смотрами, как они обыкновенно делаются. У него была драгоценнейшая способность быть очень представительным и формальным там, где это нужно по самой сущности дела, и отрешаться от этой формальности, когда она не требуется ни для поддержания достоинства начальника, ни для внушительности смотра.

За всю долголетнюю мою службу я почти не встречал этой способности у начальства, производящего смотры. Великий Князь становился доступным, ласковым и сердечным человеком для всего личного состава осматриваемого им заведения, от самого старого до самого малого. Я говорил уже, как принимали его кадеты и юнкера, и понятно, что он выносил из осмотра заведений так много, как никогда не выносили его предшественники — главные начальники. Побывав в заведении один раз, он знакомился с ним не только с той внешней стороны, которая доступна многим, но и с той внутренней, которая открывается для очень немногих. Он познавал душу заведения. Посещая заведение вторично, он входил в него как в знакомую уже для него среду, и ему оставалось только следить, как растут и мужают его питомцы, и как это отражается на внутреннем складе заведения.

Уезжая из заведений, он уносил с собою несравненно больше впечатлений, чем мы, его спутники, тоже принимавшие участие в осмотре. Бывало, докладываешь ему: — "вчера, в такой-то роте, я читал в журнале дежурств..." Оказывалось всегда, что Великий Князь знает и этот, и другие случаи, но не по журналу дежурства, а от самих кадет. И что он даже серьезно беседовал с ними по поводу этих случаев.

До какой степени близко Великий Князь знакомился с составом кадет, можно видеть из одного совсем невероятного случая. Как-то на воспитательских курсах, слушателям было предложено для упражнения написать характеристику вымышленного или знакомого им воспитанника, выделяющегося из общей среды своими нравственными особенностями. Эти ха-

рактеристики были представлены Великому Князю. Ознакомившись с ними, он с удивлением останавливается на одной из них. В ней изображен знакомый ему мальчик, он в этом не ошибается. Но этот мальчик находится в таком-то корпусе, а характеристика написана воспитателем другого корпуса.

Однако, Великий Князь хорошо знает и воспитательский состав кадетских корпусов. Он тотчас же припоминает, что автор этой характеристики года два тому назад был переведен на теперешнее место своей службы как раз из того корпуса, в котором находится описанный им мальчик. Справились у воспитателя и тот назвал именно того мальчика, которого узнал Великий Князь в его описании.

Если принять в соображение, что всех кадет, состоявших в то время в ведении Главного Начальника, было около десяти тысяч, а в том корпусе, в котором находился кадет, признанный Великим Князем по его характеристике, их было более четырехсот, то такой случай при обыкновенных обстоятельствах представится конечно, выходящим из ряда вон. Но у Великого Князя случаи, подобные рассказанному, бывали не раз. Люди, служившие под его начальством, хорошо это помнят.

В смотрах Великого Князя была и еще одна особенность. Вынося так много впечатлений, он всегда придавал гораздо больше значения впечатлениям благоприятным, утешительным, свидетельствующим о правильной работе в заведении осмотренном, чем впечатлениям неприятного характера, обнаруживающим слабые стороны заведения.

Все то хорошее, что он наблюдал в заведении, он считал явлением постоянным, неотъемлемым от заведения и составляющим его главную характерную черту.

Если ему приходилось видеть слабые стороны заведения, неудовлетворительную постановку того или другого дела, он склонен был считать это явление временным, исправимым при доброй воле начальства заведения. А в этой доброй воле он не сомневался.

Как это не похоже на обыкновенные смотры! Никогда Великому Князю и в голову не могло придти не только распечь сгоряча человека, отбывающего смотр, но даже просто обратиться к нему с немотивированным выражением неудовольствия. И он достигал этим гораздо больших результатов, чем подозрительностью и горячностью. В его управлении все недочеты, действительно, были явлениями временными, так как все работали с готовностью, ободряемые и поощряемые личным примером и благородным доверием своего главного начальника.

Это благожелательное отношение главного начальника ко

всему составу подведомственных ему чинов и уверенность, что добрые результаты могут быть достигнуты только спокойным выяснением требований, были особенно заметны для нас, его спутников. Проверяя свои впечатления, он вспоминал прежде всего то, что он нашел хорошего в заведении.

В такие минуты он не хотел сышать ничего клонящегося к осуждению.

Только иногда, в разговорах с нами, он со своим добрым, заразительным юмором вспоминал замеченные им неловкости или странности.

Однажды, припоминая урок русского языка в маленьком классе, он говорил: "как вам понравился Воздушный Корабль? Не правда ли, тут было все, и география, и история, и физика, и химия, и метеорология, и кораблестроение, и не было только Воздушного Корабля... А, ведь, какой почтенный и знающий учитель... Не знаю, он ли тому причиной или в этом грешат наши требования, но у него из-за деревьев не видно леса..."

В Главном Управлении военно-учебных заведений есть документальные сведения о плодотворности этих осмотров. Приказы и распоряжения Великого Князя могут служить поучительным материалом для всякого человека, стоящего во главе учебно-воспитательного дела. Директоры корпусов и начальники училищ того времени с теплым чувством вспоминают эти приезды Великого Князя и могут засвидетельствовать что своими посещениями заведений и беседами с молодежью он вносил успокоительное и радостное настроение, много облегчавшее постановку воспитательного дела. Родители воспитанников без сомнения и до сих пор еще с умилением вспоминают доброту Великого Князя к их детям.

Теперь это время для нас прошлое и невозвратно прошлое, но память о Великом Князе Констинтине Константиновиче никогда не умрет среди Русских людей. В Высочайшем манифесте о Его кончине с высоты престола засвидетельствовано, что он "положил много труда и забот по высшему руководству делом военного образования юношества, давшего столь доблестный состав офицеров, геройские подвиги коих в настоящую войну навсегда запечатлеются в истории русской армии". Преклонимся же низко перед светлой памятью Великого Князя, положившего так много великой любви и просвещенного труда на дело военного воспитания русского юношества!

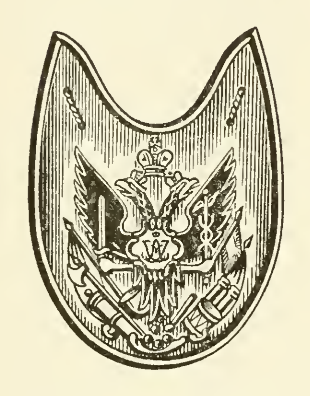
А. Д. Бутовский.



Великий Князь Гавриил Константинович
Почетный Председатель
Обще-кадетского Объединения во Франции.

ВОСПОМИНАНИЯ КАДЕТ И ЮНКЕРОВ

ПЕРВЫЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС



Опять и опять хочется вспомнить нашего Главного Начальника Военно-Учебных Заведений. В корпусной жизни моего родного Первого корпуса Великий Князь Константин Константинович играл настолько видную роль, что необходимо дать читателю эти две картины, где его личность получила бы лишний раз достойное освещение.

По давно установившемуся обычаю, на первый день Пасхи депутации от четырех Петербургских корпусов, а также от Пажей, Павлонов и Николаевцев, являлись утром в Мраморный Дворец для христосования с Его Высочеством. Мне два раза пришлось быть в их составе, но не могу точно вспомнить в какие именно годы.

Мы являлись в Корпус примерно к 8 часам, оттуда ехали с воспитателями и ротными командирами на извощиках по Набережным во Дворец, где в одном из зал собирались депутации. Вероятно между 10 и 11 часами появлялись Великий Князь и Великая Княгиня Елисавета Маврикиевна. Они обходили наши шеренги. Мы троекратно целовались с Великим Князем и целовали руку Великой Княгине, которая каждому давала по фарфоровому яйцу с вензелем К. и Е., на цветной ленте с бантом. Камер-лакеи следовали за нею с большими подносами. Долго, до самой войны 1914 года хранил я эти яйца-памятки. Они висели у меня под иконами. Потом... были куда-то уложены с вещами моей Двинской квартиры и конечно пропали навсегда, как и многое иное ценное, семейное, незабвенное.

Помню, как на последнем христосовании Великая Княгиня держала на руках свою младшую дочь княжну Веру Константиновну.

После описанной церемонии, шли в столовую, где была за-

куска-разговение. После нее прямо из Дворца расходились по домам.

Другая памятная сцена, это парад ежегодный в день Корпусного Праздника 17-го февраля. Я уже упоминал о том, как накануне вечером нас посещал у всенощной Военный Министр Генерал Куропаткин. Тогда особеннаго энтузиазма не наблюдалось.

Зато в день Праздника мы с нетерпением ждали появления Августейшего Главного Начальника.

Часам к 10-ти Корпус был выстроен в сборном зале в полу-ротных колоннах. Хор музыки на правом фланге. Зал наполнялся гостями, бывшими воспитанниками, в парадной форме, при лентах и орденах. Были среди гостей и гражданские сюртуки и черные фраки.

Начиналось с выноса знамени. Под звуки встречного марша, подходили, салютуя, ассистенты. Затем команда первой роте "к ноге".

Ждали, принимающего парад, Великого Князя. Тянулись минуты... ротные лишний раз проверяли равнение и чистоту построения "в затылок". Директор стоял на уровне хора музыки, лицом к Ростовцевскому залу, откуда ожидалось начальство. Рука на эфесе шашки, сложенный лист строевого рапорта за серебряным шарфом мундира.

Наконец, громкая команда его "Корпус, смирно! Первая рота — шай накраул!", — встречный марш и знакомая, высокая фигура с Андреевской лентой на Измайловском мундире, появлялась в дверях. Директор подходит, салютует. Великий Князь передает бумагу-рапорт своему адъютанту и несется его приветствие: "Здравствуйте, кадеты!". Гулко по залу раздается ответное "Здравия желаем Ваше Императорское Высочество". Обход фронта.

Затем начинается молебен с предварительным выносом знамени к аналою. Кропление его святой водой и шествие "бати" и дьякона вдоль фронта при пении: "Спаси, Господи, люди твоя". Отец Василій делал широкие взмахи кропилом и первая шеренга получала основательный "дождь" по физиономиям.

"Горнисты, барабанщики, отбой! Певчие на свои места!". Следовал затем церемониальный марш с захождением салютующего Директора и приветливым голосом Великого Князя: "Спасибо, первая, спасибо, вторая, и т. д. Парад кончался относом знамени.

Я не помню, чтобы Великий Князь говорил особую речь, кроме общего поздравления с годовщиной. Корпус настолько привык к интимности Его посещений, что речи, в сущности,

и не требовалось даже в торжественной обстановке нашего Праздника.

Потом шли в столовую на завтрак. Для гостей были особые столы в среднем проходе. Меню улучшенное, но безо всякой роскоши. Пили мед "Дурдинского завода". К дессерту каждому давалась коробка конфет в форме корпусного погона. Тут обычно генералы, бывшие кадеты произносили здравицы, начиная с Государя Императора, Великого Князя, настоящих и бывших кадет Корпуса и проч. Тосты покрывались тушем оркестра, причем за завтраком уже играл штатный хор музыки Павловского училища. Кадеты-музыканты завтракали со всеми нами. Прекрасный хор этот играл также музыкальные вещи во все время, что продолжалось "пиршество".

Этим Праздник кончался, кадеты расходились в отпуск.

Отдельного вечера и бала не было. Известного рода, вековая суровая, скромность была традиционной особенностью нашего "Старейшего Первого Корпуса". В этом сказывалась его "индивидуальность", не так, мол, как у других, у нас свое, давнишнее. Зато 175-лѣтний юбилей был отпразднован с достойным нам блеском. Добавлю, что в один из годов парад принимала Королева Эллинов Ольга Константиновна. Великий Князь обходил фронт на шаг позади нее.

На приветствие ее мелодичного голоса неслось наше: "Здравия желаем, Ваше Королевское Величество". Вспоминаю ее платье гри-перль, монументальную шляпу со страусовыми перьями и вуалеткой и лорнет на цепочке, в левой руке.

А. В. Борщов.

ПЕТРОВСКИЙ ПОЛТАВСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

В 1900-ом году руководство корпусами перешло в руки такого выдающегося человека, каким был Великий Князь Константин Константинович. Он не только возглавил, но вдохнул душу и направил в новое русло жизнь корпусов.

Эпоха деятельности Великого Князя может, с полной справедливостью, быть названа: эпохой "перерождения".

И вот, что странно!

Казалось-бы никаких особенных реформ и не было. Старый наш кадетский катехизис оставался неприкосновенным, но Великий Князь окрасил его как-бы новыми красками:

"Звание воина — почетно, а кадета, как будущего офицера — особенно. Отсюда отмена телесных наказаний для кадет, оскорбительных и унизительных"..

"Недостаточно одеть форму офицера (и кадета тоже) — надо суметь с достоинством пронести ее через всю жизнь".

"Издеваться, а тем более бить солдата — нельзя. Его можно и должно любить, учить и суметь сделать из него истинного воина — слугу Царя и Родины".

"Это может сделать только образованный офицер, нельзя, поэтому, отворачиваться от науки; нужно знать не только практические науки (математика, физика), но и русскую литературу, историю, географию, музыку".

"Нельзя презирать и чваниться перед не-военными людьми. Слова: "шпак", "штафирка" — должны исчезнуть. И среди не-военных, даже самых маленьких людей, были, есть и будут верные, нужные и преданные слуги Родины".

Великий Князь, если можно так сказать, "гуманизировал" наш кодекс, оставшийся, в общем, незыблемым. При нем в Петербурге открылись Воспитательские Курсы, к преподаванию на которых Великий Князь привлек лучших педагогов и профессоров. Все воспитатели, рано или поздно, должны были через эти курсы пройти и на наших глазах, некоторые воспитатели, окончив курсы, возвращались, точно хорошо вымытые и освеженные в прекрасной бане.

Великий Князь обладал совершенно феноменальной памятью: он помнил не только фамилии кадет, но и их прозвища, особенности наружности, характера.

В 1909 году, во время летнего парада в Красном Селе, к батарее Михайловского артиллерийского училища, стоявшей спешенно и "вольно", подъехал верхом Великий Князь. Встреченный, как полагалось, он скомандовал: "Вольно" — и около него, как это бывало и в корпусах, сразу сбралась целая группа Михайловцев. Почти всех он узнавал, остановил свой взгляд и на мне: "Постой постой, ... фамилии твоей не помню... Помню, какая-то дли-и-нная история"...

Действительно, фамилия моя была длинная, двойная, украинская, плохо запоминаемая.

— Ведь у тебя и брат был? Он как?

— В 7-ом классе, Ваше Императорское Высочество!

— Вот его хорошо помню... Ведь это он раскритиковал мои стихи?... Как же помню... Будущий Белинский.

История критики такова: в один из приездов в корпус, Великий Князь, как всегда, окруженный, свободно с ним державшимися, кадетами, сидел в зале у рояля и беседовал с ними. Он только что сыграл нам два этюда Шопена (несколько в вольной передаче. Я хорошо знал эти этюды).

— Ну, а кто же из вас любит русскую поэзию?

Вытолкнули Глеба, моего брата.

— Как твоя фамилия?

Глеб сказал.

— Ох, какая длинная история! Кого-же из поэтов ты любишь?

— Фета! — с отличавшей его серьезностью, отвечает Глебка.

— Ах ты клоп! Да разве можешь ты понять что-нибудь в поэзии Фета? Ведь это один из лучших русских поэтов! А мои стихи какие-нибудь знаешь?

— Так точно, Ваше Императорское Высочество!

— Какие-же, например?

— "Умер бѣдняга", "Несется благовест", "Наш полк"...

— А сможешь что-либо прочесть?... Ну! А мы послушаем.

Глебка бойко и не без пафоса читает:

НАШ ПОЛК — заветное чарующее слово,
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю,
Другим оно старо, для нас — все так-же ново
И знаменует нам и братство, и семью... и т. д.

Кончая:

Любовь к Царю и вере православной
В едином слове том сливается: НАШ ПОЛК.

— Тебе это стихотворение нравится?

— Так точно, Ваше Императорское Высочество!...

— Ты, что-то замялся? А? Ну... ну... валяй, критикуй!..

Глебка краснеет, как бурак.

— Ну!

— Наш полк — не одно слово, а два, — выпаливает он

— Ах ты! — ахает Великий Князь, — да будущий Белинский, прямо... Слушай, клоп: я задам тебе загадку, а в следующий мой приезд ты мне на нее ответишь. Верно: грамматически НАШ ПОЛК — два слова, но подумай все-таки: почему "наш полк", можно считать одним словом?

П. Волошин.

ВЛАДИМИРСКИЙ КИЕВСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Каждый кадет, учившийся в любом кадетском корпусе Императорской России, не мог не сохранить какого-нибудь светлого воспоминания о нашем общем любимце-отце Царственном Начальнике Военно-Учебных Заведений Великом Князе

Константине Констатиовиче. Судьба осчастливила этим и меня, и я хочу поделиться своими воспоминаниями с моими друзьями и однокашниками.

Одно воспоминание относится к случаю, который имел место в нашем корпусе, насколько мне помнится, в 1910 году, примерно в конце февраля или в начале марта месяца.

Мы сидели на вечерних занятиях и готовили уроки на следующий день. Я тогда был в третьем классе. Неожиданно, дежурный по роте воспитатель объявил, что все должны одеть пояса на наши виц-мундиры и сразу же выходить строиться в ротном зале. Все с радостью, захлопнув книги, понеслись из классов к своим шкафчикам за поясами, так как быстро стало известно, что проезжающий через Киев Великий Князь Константин Константинович решил посетить наш корпус и для встречи Его мы, как по тревоге, должны были быть выстроенными в торжественном зале. В очень непродолжительном времени в зале раздалась команда, оркестр заиграл марш Военно-Учебных Заведений и мы увидели входящего в зал нашего Царственного Начальника. Поздоровавшись с нами, Великий Князь начал обход рот и, своими пронизывающими лаской, глазами, казалось, смотрел отдельно на каждого из нас.

У нас тогда, кажется в пятом классе, был такой кадет Жуков, который после одного из петербургских корпусов и Ярославского попал к нам. Когда он был в первом классе петербургского корпуса, то, благодаря своему маленькому росту, стоял на самом левом фланге роты и был настолько яркий блондин, что его стриженная под машинку голова была гораздо белее лица. В один из своих приездов в этот петербургский корпус, Великий Князь обратил на него внимание и спросил его, какое у него прозвище. Жуков ответил, что у него еще нет прозвища. Тогда Великий Князь сказал ему, что “ты будешь бар-р-р-бос”. После этого случая прошло не меньше пяти лет и Жуков, пропутешествовав через Ярославский корпус, попал к нам, уже выросшим и изменившимся. Несмотря на это, Великий Князь посетивший наш корпус в описываемый вечер, узнал Жукова во время своего обхода и спросил его: “Барбос, ты уже здесь?” “Так точно, Ваше Императорское Высочество”, был отчетливый ответ Жукова.

Долго Великий Князь у нас не задержался и, попрощавшись с нами, выходя из зала, разрешил Директору корпуса, генерал-лейтенанту Семашкевичу, распустить кадет из строя.

Весь корпус с криком “ура” хлынул за Великим Князем и в коридоре пятой роты несшиеся впереди кадеты моментально подхватили Великого Князя на руки и вынесли Его на руках к выходу из корпуса, сметая на своем пути все, начиная

от генерала Забелина и кончая всеми воспитателями, пытавшимися остановить кадетскую лаву, чтобы те без фуражек и в виц-мундирах не выходили на улицу.

По дороге, когда несли Великого Князя, "ловкачи" умудрились, отвертывая, оторвать сзади от сюртука "на память" пуговицы. В результате, примерно рота кадет, усадив Великого Князя в экипаж, устремилась бегом за уходящим экипажем по улице.

Так как наш корпус находился вблизи вокзала и под мостом нашего кадетского шоссе проходила железная дорога, то бежавшие кадеты решили, по откосу у моста, спуститься на железную дорогу и прибежать на вокзал раньше Великого Князя, который мог попасть на вокзал только объездным путем по улицам.

Примчавшись на вокзал, кадеты моментально выстроились перед поездом, в котором должен был отбыть Великий Князь. Когда он вышел на перрон, то, конечно, был поражен гологоловому строю кадет. Он подошел к нам и поблагодарил за выправку и лихость.

Отходящий поезд Великого Князя мы проводили громовым "ура". Когда мы вернулись в корпус, то оставшиеся в корпусе кадеты нам сообщили, что в ротах уже была произведена проверка всех отсутствующих, по их адресу начальство метало гром и молнии и говорили, что нас "наверняка вышибут из корпуса". Но мы были горды тем, что так лихо проводили нашего Августейшего гостя и даже получили от Него "спасибо за службу", хотя мысли о том, что нас действительно могут исключить из корпуса, не покидали нас до следующего дня.

На следующий день ротный командир, прочитав нам сугубую нотацию, объявил, что Великий Князь приказал на кадет, бывших на вокзале, взысканий не накладывать.

Другой случай имел место со мной лично, когда я был в четвертом классе. Мы знали, что Великий Князь, приехав в Киев, посетит наш корпус и будет присутствовать на уроках. В моем отделении как раз был урок Закона Божия, когда мы увидели Великого Князя, стоящего за стеклянной дверью нашего класса. Через мгновение к нам вошел Великий Князь и, выслушав рапорт дежурного по отделению и поздоровавшись с нами, разрешил священнику продолжать урок, а сам направился к моей последней парте, где я сидел один, так как мой сосед был в лазарте. Я не мог сообразить, что происходило со мной, я только знал, что я сижу на одной парте с Великим Князем.

В это время священник сказал, чтобы мы нашли в Еванге-

лии соответствующий текст, находящийся в катехизисе. Я взял Евангелие и начал перелистывать туда и обратно, никак не находя того, что требовалось. Несколько минут Великий Князь наблюдал за мной и, не вытерпев, сказал: "Ах ты, кор-р-рявец, дай сюда Евангелие". Я отдал Евангелие Великому Князю и в момент текст был найден. "Как твоя фамилия", — спросил меня Великий Князь. Я назвал свою фамилию, на что Великий Князь только ответил: "Гм-м".

Урок кончился. Через несколько дней Великий Князь опять заехал к нам в корпус, это было как раз во время завтрака. Неожиданно в столовую вошел Великий Князь и, поздоровавшись с нами, приказал продолжать завтрак. Мы продолжали свою еду, но у всех у нас шеи были вытянуты в направлении Великого Князя, который обходил столы и, останавливаясь, разговаривал с кадетами.

Подойдя к нашему столу, Великий Князь посмотрел на меня и, наклонив немного в сторону голову и приложив к щеке ладонь, сказал мне: "Как посмотрю на тебя, так мне спать хочется". После этого за нашим столом последовал взрыв хохота, а я, зардевшись, как мак, был рад и счастлив, что Великий Князь не только узнал меня, но и запомнил мою фамилию. Если учесть, что при наличии 30 корпусов в России, кругло можно было насчитывать 15 тысяч кадет, которых в разных корпусах, в меняющемся возрасте наблюдал Великий Князь, то какой нужно было обладать изумительной памятью, чтобы среди этой массы можно было безошибочно узнавать и "барбоса", и того, чья фамилия наводила Великого Князя на сон! Мало было обладать исключительной памятью, нужно было еще обладать и той богатейшей душой, которая чисто по отеческой любви к нам кадетам сливалась с нами-общими детьми нашего обожаемого Царственного Начальника Великого Князя Константина Константиновича.

К. Подушкин.

ЯРОСЛАВСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Сегодня в моей памяти всплыло несколько "кадетских переживаний", связанных, так или иначе, с нашим Августейшим Начальником.

Мне хочется поделиться с однокашниками этими моими "кадетскими переживаниями" и тем внести скромную лепту к возвеличению Светлой Памяти Царственного Начальника Военно-Учебных Заведений.

5-го сентября 1908 года, т. е. 50 лет тому назад, во время акта по случаю праздника Ярославского кадетского корпуса и начала учебного года, мне, как только что поступившему прямо в 3-й класс кадету, Владыка Архиепископ Ярославский Тихон, впоследствии Патриарх Московский и всея Руси, вручил, благословив, книжку Св. Евангелия, на внутренней стороне обложки которого были напечатаны строки Августейшего поэта К. Р. Эти строки глубоко и навсегда запали в мое сердце и душу. Вот они:

Пусть эта книга священная
Спутница вам неизменная
Будет везде и всегда,
Пусть эта книга спасения
Вам подает утешение
В годы борьбы и труда.

В 1909 году, если мне память не изменяет в Великом посту, наш корпус посетил Великий Князь.

Нашему 2-му отделению 3-го класса выпало счастье представиться Великому Князю на уроке русскаго языка, который нам преподавал капитан Поспелов. Во время урока, последний вызвал меня к доске и я должен был сказать наизусть заданное на этот день стихотворение, к сожалению, автор и название этого стихотворения ушли из моей памяти, зато одна фраза из него осталась мне памятной на всю жизнь, это: "Далеко, далеко колокольчик звенит", я же ее произнес: "Далеко, далеко" с ударением, вместо на третьем слоге, — на втором и букве "е", как "ио".

Вечером в этот день мы, кадеты второй роты, были все уже в кроватях. Между прочим, Великий Князь спал в комнате дежурного офицера нашей роты и я уже было начал засыпать, как почувствовал, что кто-то сел на мою кровать и, гладя меня по голове рукою, говорит: "Ну, ты, далиоко, далиоко..." Открыв глаза и увидев Великого Князя, я хотел вскочить, но Великий Князь меня удержал, прижав мою голову к подушке, а я счастливый и смущенный, да к тому же под впечатлением насмешек товарищей, не дававшим мне проходу с этим злополучным "далиоко", пробормотал: "Простите, Ваше Императорское Высочество, нужно говорить: "Далеко, далеко". Великий Князь рассмеялся и сказал: "Ну, теперь будешь правильно произносить", и начал меня расспрашивать про моих родителей, братьев, сестер, потом еще раз погладил меня по голове и, сказав: "Учись же хорошо", пошел к другим кроватям.

На другой же день на утреннюю молитву неожиданно к нам в роту пришел Директор корпуса генерал Латур, в сопровождении командира нашей роты полковника Гришкова. Поздоровавшись с нами, директор сказал, что Великий Князь рано утром отбыл, кажется, в Москву, что Великий Князь остался очень доволен тем, что видел и слышал в корпусе и, наконец, что дежурный воспитатель на ночном столике возле кровати, на которой спал Великий Князь, нашел лист бумаги, на которой рукою Великого Князя был написан сонет, посвященный "Кадету". Генерал Латур тут же его прочитал. Окончилось чтение громогласным "ура" в честь Августейшего поэта. Мы же, кадеты 2-ой роты, были особенно счастливы и горды, что нашей роте выпала честь быть местом вдохновения.

Директор корпуса обещал отпечатать сонет и раздать нам, что и было вскоре исполнено, и каждый кадет получил факсимиле сонета, напечатанного на белой меловой бумаге.

Уже почти 50 лет прошло и я все ношу слова этого сонета в моей памяти, и многим юношам в разных странах, где мне пришлсь побывать, мне удалось передать содержание этого сонета даже в переводе на другие языки. Сонет был записан и наверно многими хранится. Вот он:

КАДЕТУ

Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой,
Ты не один, орлиная вас стая.
Настанет час и, крылья расправляя,
Готовые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой.
Завидна смерть за честь родного края,
Но подвиги и славные дела
Свершать лишь тем, в ком доблесть расцвела,
Ей нужны труд и знанья, и уменья,
Чтоб мог и ты, святым огнем горя,
Встать головой за Русь и за Царя,
Пускай твои растут и крепнут крылья.

К. Р.

Владимир Ковалевский

СУВОРОВСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Основанный в 1899 году Варшавский, переименованный в 1900 году в Суворовский, Кадетский Корпус был размещен в Цитадели Варшавской крепости, так как своего здания еще не было. Два старших класса (т. е. тогда 2-й и 1-й) находились в бывшем помещении роты Его Величества Лейб-Гвардии Кексгольмского полка, но в 1901 году, с появлением третьего класса, разместить в том же здании всех кадет оказалось невозможным и наш первый класс был помещен в доме, где до этого времени жил директор корпуса Генерал-Лейтенант С. Н. Лавров, переехавший на жительство в город.

Поздней осенью 1901 г. разнесся слух о предстоящем приезде Начальника Военно-Учебных Заведений Великого Князя Константина Константиновича, вскоре подтвержденный официально. Начались усиленные строевые занятия; нельзя же было ударить лицом в грязь, а, ведь, мы были в корпусе всего каких-нибудь два месяца.

Как прибыл Великий Князь, как и где мы Его встречали, совершенно не помню. Вероятно, сильно волновался и все внимание было обращено на себя — как бы не подгадить — и картина встречи не запечатлелась у меня в памяти.

Первое, что запомнилось, это появление Великого Князя у нас на уроке. Классы помещались во втором этаже; дверь на площадку лестницы была открыта и снизу донесся отчетливый рапорт дежурного воспитателя поручика Карпова, топот нескольких пар ног по лестнице и в дверях появилась высокая фигура Великого Князя в сопровождении директора, инспектора классов полковника Лазарева-Станищева и наших воспитателей — моего подполковника М. К. Пузыревского и 2-го отделения поручика Карпова.

Поздоровавшись с нами и приказав продолжать урок, Великий Князь, подойдя к одной из парт и заставив потесниться сидевших за нею кадет, при своем громадном росте, все же сумел усесться третьим. Время урока заканчивалось, прозвучал "отбой". Преподаватель и сопровождавшее Великого Князя начальство вышли из класса, а мы — не зная, как быть — стояли за партами.

"Ну, что ж застряли? Подходите сюда", — сказал Великий Князь и мы бросились к Нему, окружив Его тесной толпой. По отечески ласково и просто говорил Он с нами, задавая вопросы и интересуясь, кто откуда приехал, где служил отец и т. д., и совершенно незаметно между нами возникла какая-то внутренняя связь, более доверчивые и искренние отношения не-

жели между нами и нашими воспитателями; мы как будто забыли в этот момент о том, что перед нами Член Царского Дома. Я и до сегодняшнего дня ощущаю какое-то восторженно-благоговейное чувство, зародившееся во мне в тот момент, а в дальнейшие годы, при новых посещениях Великим Князем, это чувство только укреплялось и в нас крепла уверенность, что, даже при самой тяжелой вине, в любвеобильном сердце НАШЕГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ найдется снисхождение и своим августейшим словом Он отвратит занесенный над повинной головой меч корпусной Немезиды. И это чувство никогда не обмануло нас.

При этом первом соприкосновении Великий Князь совершенно покорил наши юные сердца. На прозвучавший сигнал к следующему уроку никто не обратил внимания, продолжая толпиться около Него. Мы уже сами задавали Ему разные вопросы и только Его приказание — занять места — заставило нас разойтись по партам.

Думаю, что все, как и я, были под впечатлением ласкового разговора с Августейшим Начальником и преподаватель совершенно напрасно тратил свое красноречие. По крайней мере я ничего не слышал и не воспринимал из говорившегося, всецело отдавшись переживаниям только что бывшего.

В этот свой приезд Великий Князь пробыл в Варшаве 3 дня; раза два Он посещал уроки. В последний день Его пребывания в корпусе, Великий Князь снимался в группе всего состава корпуса, т. е. учебно-воспитательского и всех кадет, на крепостном валу. Одна такая группа сохранилась у меня, а вторая находится в нашем заграничном архиве-музее.

Однажды Великий Князь обедал в общей столовой с кадетами и сидел за крайним столом с левой стороны. Не успел Он, что называется, съесть обед, как обе тарелки были схвачены близ сидящими кадетами, разбиты и осколки расхватали "на память". То же произошло и с салфеткой, разорванной на мелкие куски. Нож, вилка и ложка тоже исчезли.

Хватая осколок тарелки, кто-то из кадет порезал руку и Великий Князь, вынув свой носовой платок, отер кровь, после чего платок был также разорван.

Второй случай произошел при окончательном отъезде Великого Князя. На Его шинели не оказалось ни одной пуговицы. Правда "операция" была произведена "пластическая". Великий Князь сердился, но сердился "не серьезно", т. к. видел, что все это произошло от восторженной любви к Нему. Все же Он обратился к окружавшим Его кадетам и недовольным тоном сказал, что, если Ему будут портить одежду, то Он боль-

ше никогда не приедет к нам. Общим воплем Ему было обещано впредь этого не делать и данное слово было сдержано. Пальто было отнесено в швальню, где были пришиты кадетские (не позолоченные) пуговицы.

Во время дальнейших посещений Его Императорского Высочества ни одна пуговица не была срезана. Сами кадеты следили за этим. Взамен Великий Князь давал нам на память автограф, ставя на листках бумаги свое характерное "К".

Чтобы не повторялись атаки на прибор, Он обедал за отдельным столиком и прислуживавший ему "дядька" немедленно убирал прибор со стола.

Таким образом после второго посещения корпуса Великим Князем сохранился весь прибор, который впоследствии был помещен в особой застекленной витрине, висевшей в столовой.

Провожали мы Великого Князя громким "ура", вылетавшим из полутораста кадетских глоток. Бежали, окружая экипаж, вскакивая на подножки и запятки, до самых крепостных ворот и только здесь, после неоднократных приказов начальства и, наконец, повторенной Великим Князем угрозы — никогда больше не приехать, кадеты повернули назад.

Но самое веселое произошло после возвращения кадет из трехдневного отпуска. Выходило так, что на пальто Великого Князя было несколько десятков пуговиц, потому, что многие из отпускных принесли с собой "пуговицу Великого Князя".

Н. Н. Страшкевич.

Нью-Иорк.

ВИЛЕНСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ

Осенью, первый раз при мне, в училище приехал Августейший Генерал-Инспектор Военно-Учебных Заведений Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович.

Очень много хорошего, и только хорошее, мы слышали о Великом Князе, какой большой любовью Он пользовался среди юнкеров и кадет. Мы также знали. что Великий Князь очень ценил Начальника училища. Задолго до прибытия Его Императорского Высочества, наше строевое начальство объяснило нам, как мы, юнкера, в сущности солдаты, должны вести себя по отношению к высшему прямому начальнику, а главное — к Высочайшей Особе.

К назначенному часу с минутами, батальон юнкеров, под

командой его командира Полковника Веригина, был выстроен в зале развернутым строем рот, одна другой в затылок и без винтовок.

В стенах училища, роты всегда строились по курсам и, таким образом, состоя на младшем классе, я оказывался в строю роты, левее ее середины.

При входе Великого Князя, батальон отдал честь и юнкера запели слова марша. Его Императорское Высочество стоял смирно перед серединой фронта и, когда пение кончилось, крикнул: “Здравствуйте молодцы виленские”, на что юнкера ответили: “Здравия желаем Ваше Императорское Высочество”,



после чего грянуло “ура”, да такое, что потрясло все. Ура мы кричали непрерывным раскатистым громом, это был сплошной гул, почти не колеблющийся в мощности своего звука, это было наше юнкерское “ура”, резко отличавшееся от ура войсковых частей, где оно кричалось раздельно вырываемое коротко, повторяемое много раз. Лица свиты, за спиной Великого Князя, и командир батальона делали знаки, чтобы прекратить кричать, но это нас не тревожило, стоящий перед строем человек, давал нам энергию для нашего “ура” и прекращать его мы не могли. Наконец, сам Великий Князь подал рукою знак, но и это не помогло, “ура” даже усилилось. Но вот Великий Князь двинулся к правому флангу и наше “ура” мгновенно оборвалось — вышло неожиданно очень хорошо.

Его Императорское Высчество стал медленно обходить

фронт первой роты, внимательно смотря в глаза каждому юнкеру, спрашивая о чем-нибудь у юнкера старшего курса, лицо которого Ему запомнилось с прошлого приезда. Дойдя до левофлангового юнкера старшего курса, Он принял честь от моего курсового офицера и с тем же уровнем взгляда пошел дальше, т. е. ко мне. но тут Его глаза увидели мундир, а не лицо юнкера. Он стал медленно поднимать голову и, подняв глаза кверху, увидел меня и, улыбаясь, спросил: "А ты откуда взялся"? В первое мгновение я не знал, что сказать, но, видя кругом улыбающиеся лица, ответил: "Из Киева, Ваше Императорское Высочество", на что Великий Князь, смеясь, сказал: "На черноземе и под дождиком так вырос".

Пройдя по фронту всех рот, Великий Князь отошел на указанное Ему Начальником училища место, и мы прошли мимо Него церемониальным маршем.

Три дня Великий Князь прожил среди нас, с раннего утра и до позднего вечера он ходил по училищу, всем интересуясь и со всеми заговаривая. Строевое начальство зорко следило за юнкерами, дабы они вели себя подобающе с особой Великого Князя, боясь что Он может оказаться без пуговиц на мундире, или без носовых платков, а то и без шпор, как это проделывали кадеты, забирая эти вещи себе на память. Юнкера же некотрых училищ выражали сви чувства к Великому Князю несколько иначе, более подходяще к их возрасту: качали на руках, или выпрягали лошадей из экипажа или саней и сами впрягались в них. Обо всем этом мы знали и от всего этого нас остерегало начальство.

Однажды, Его Императорское Высочество пожелал со мной помериться ростом. Мы стали друг к другу спинами и Начальник училища точно измерил. Великий Князь был мне до верхних краев ушей, после чего Он, часто разговаривая со мною, приказывал мне становиться на колени на что-нибудь находящееся поблизости: кровать, стул, скамейку.

Великий Князь столовался вместе с нами, имея отдельный столик с Начальником училища, посреди столовой. В первый обед, служитель принес мне от Великого Князя не начатое второе блюдо и сказал: "Господин юнкер, Его Императорское Высочество приказали съесть". Я встал и громко ответил смотревшему на меня Великому Князю: "Покорно благодарю Ваше Императорское Высочество".

Через несколько дней, на вечерней перекличке, читался обычный приказ по училищу, в котором был необычайный параграф, гласящий, что юнкер Ш—кий зачисляется на двойное довольствие с такого-то числа, до производства в офицеры. На младшем курсе я часто съедал все двойное (завтрак, обед, ужин, сладкое и пр.), но на старшем уже был "въев-

шись", а посему, на каждый день, была установлена очередь юнкеров на добавку от меня. Но это было больше озорство, чем надобность, так как нас кормили обильно и вкусно.

На третий день стало известно, что вечером Великий Князь уезжает в столицу и училище будет провожать Его.

Около 11-ти часов вечера, от здания училища до центра города, Георгиевского проспекта, батальон растянулся по обоим тротуарам, разомкнувшись шагов на десять друг т друга. Чтобы юнкера чувствовали себя не как бы в оцеплении, а в строю, из которого нельзя выскочить, мы получили винтовки, что закрепило в нас сознание, что мы действительно солдаты, а не просто юноши, готовые пошалить с любимым дядей и покатать его по улицам города. Начальник училища верно угадал наши мысли, ибо, проезжая вдоль строя с Великим Князем в своем открытом экипаже, он выглядел совершенно спокойным, под громовыми раскатами нашего "ура", разбудившими большую часть города.

На следующий день, в приказе по училищу, выражалась благодарность Его Императорского Высочества юнкерам за их прекрасное поведение и занятия и даровался 3-хдневный отпуск, каковой был присоединен к хвосту Рождественских каникул.

Через год, Августейший Генерал-Инспектор вновь посетил нас, но на этот раз, начав обход фронта батальона, он сразу же увидел меня на правом фланге и, смеясь, сказал: "А, ты еще здесь". Второй приезд прошел также блестяще, как и первый, причем в приказе по Главному Управлению Военно-Учебных Заведений отмечалось, что Его Императорское Высочество особенно выделяет наше училище по дисциплине. Дарованный 3-хдневный отпуск на этот раз был присоединен к хвосту Пасхальных каникул.

Полковник Шайдицкий

В июле 1913 года, Великий Князь Константин Константинович посетил лагерь нашего училища в Оранах. Особых приготовлений не делалось, чистоты наводить не надо, у нас всегда было чисто, но суточный наряд в ротах делал сам командир баталиона гвардии полковник Веригин. Я был назначен дежурным по первой роте. Из трех дней, что пробыл у нас Великий Князь, два дня я был дежурным.

В первый же день приезда в лагерь Великий Князь обходил роты.

После моего рапорта, как дежурного по роте, (дежурного офицера не было), Великий Князь посмотрел на меня и спро-

сил: "Почему у тебя один гребет, а другой табанит". Я не понял в чем дело. Тогда Он говорит: "Посмотри на свои усы, один вверх, а другой вниз". Я объяснил, что в лагере нет времени надевать бинт на усы, да и зеркала нет. Он посмеялся и пошел обходить строй 1-ой роты.

Тут я убедился, какая у Него была колоссальная память. Подходит к одному юнкеру и говорит: "А ты мальчишка Полоцкого корпуса". — Так точно, Ваше Императорское Высочество. "Что, жил не в ладу с математикой?" — Так точно, Ваше Императорское Высочество". Так Он подходил ко многим и каждому говорил, в каком он был корпусе. или что делал раньше.

На второй день пребывания в лагере, Великому Князю была показана новая, вводившаяся в то время в армии, сокольская гимнастика, под музыку одного из полков 27-ой пехотной дивизии. Гимнастику показывала 1-ая рота. Почему была показная 1-ая рота?

В училище каждый год бывали годовые состязания по всем пунктам нашего обучения и за все выдавались призы, которые были переходящими ежегодно. И вот за вольные движения 1-ой ротой был взят приз (бюст Суворова), который оставался в роте все время, когда я был юнкером. Делали красиво, да и юнкера высокого роста выглядели красиво.

В этот же день вечером был устроен "факел-цуг". Каждый взвод изготовлял фонарики из бумаги особой формы, изощрялись всячески, один другого старался перещеголять. Когда стемнело, все взводы со своими фонариками на палках с песнями двинулись в лес, недалеко от озера. На большой лужайке были поставлены большие палатки по числу взводов. Посередине же стояла также палатка для Великого Князя и г.г. офицеров училища. Везде по палаткам было разложено угощение: сладости, бутерброды, лимонад. Около великокняжеской палатки была палатка одного взвода 4-ой роты, который очень хорошо пел, благодаря хорошему подбору голосов. Пели очень много, но что произвело большое впечатление на нас, впервые услышанное, это "Белая акация", слова Великого Князя, а музыка, если не ошибаюсь, нашего регента Галковского. Разноцветные фонарики стояли вокруг палаток воткнутые в землю.

На другой день вечером, Он уехал и мы не провожали.

Прошло много лет, страшных лет, но добрые лучистые глаза Великого Князя и его улыбка до сих пор в моей памяти и я вижу Его ясно стоящим на передней линейке в нашем лагере.

Подполковник Невзоров

НИКОЛАЕВСКОЕ КАВАЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Рождественские каникулы. Большинство юнкеров эскадрона и сотни Николаевского Кавалерийского Училища разъезжаются по домам. Оставшиеся скучают и слоняются по опустевшим залам. Я усаживаюсь на койку и открываю учебник механики, с добрым намерением пополнить немного мои слабые познания в этом предмете. В это время, быстрым шагом, входит дежурный офицер.

— Великий Князь Константин Константинович приглашает всех к себе, в Павловский Дворец. Собирайтесь живо. Выступление через два часа, в конном строю, — объявил он нам.

Сыновья Великого Князя Иоанн и Гавриил были юнкерами Школы. Они не жили в стенах училища, а лишь появлялись в известных случаях, а также принимали участие в летних маневрах. Помню их первое появление в наших спальнях. Это были высокие, стройные юноши, застенчивые, непривыкшие к нашему шуму, к нашим, специально юнкерским, выражениям.

Для путешествия в Павловск, нас набралось человек двадцать. Был солнечный морозный день. За городом все было покрыто толстым слоем снега. Вел нас штабс-ротмистр Шибергсон. Распевая "Едут, поют юнкера Гвардейской Школы"... мы быстро подвигались вперед и не заметили как дошли до Павловска. Нам навстречу выехала группа всадников. Князь Гавриил Константинович был в форме лейб-гусар, на сером коне. Во Дворце, мы были представлены Великому Князю и Его супруге Великой Княгине Елизавете Маврикиевне. Великий Князь много расспрашивал нас про жизнь в Школе.

— Ты на каком коне прибыл? — спросил он юнкера Тархова.

— На "Нарвале", Ваше Императорское Высочество.

— А кто из вас приехал на "Камыше"?

Мы все рассмеялись, поняв шутку. Конь "Камыш" был известен тем, что невероятно тряс на рыси, поэтому все его избегали. Младшие сыновья Великого Князя, маленькие кадетики, тянули нас за собой, желая показать гимнастический зал. Великий Князь водил нас по Дворцу и показывал его достопримечательности.

— Обратите внимание на роспись этого потолка, на его перспективу. Перейдите сюда и взгляните снова, — говорил Он.

Вмешался юнкер Некрасов.

— У нас в Новочеркасске тоже самое: ты идешь, а тебя портреты провожают глазами.

— Вот интересные гобелены, — говорит Великий Князь.

Некрасов щупает и говорит:

— У нас на Дону монашки ткут парчу не хуже этой...

Великий Князь подводит к окну, где на стекле нацарапаны имена.

— Это дети забавлялись. Вот имя "Ники" — это теперешний Государь.

Некрасов замечает, что в его родном городе, на Дону, стекольщик пишет алмазом по стеклу так, что все диву даются.

По окончании осмотра, мы благодарим Великого Князя.

— Поблагодарите и его, моего помощника, — улыбается Великий Князь, указывая на Некрасова.

Когда мы уходили, Великий Князь пожелал нам счастливого пути.

— А вы, — обратился он к юнкерам эскадрона, — скажите там этому балбесу Коваленскому, чтобы он подзубривал науки, а то его выпрут до выпускных экзаменов. Я не могу без конца за него хлопотать...

Георгий Танутров.

НЕЗАБЫТОЕ

Из вопоминаний дочери полковника Н. С. Ракитина, воспитателя и преподавателя Одесского Кадетского Корпуса.

Радостная, но и немного тревожная весть. Приезд Начальника Военно-Учебных заведений Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича, приезжающего посетить в первый раз, вновь выстроенное, здание Кадетского Одесского Корпуса. Все ли будет в порядке? не будет ли каких замечаний со стороны Великого Князя? Останется ли он доволен? Вопросы, волнующие всех взрослых, и невольно их волнение передается нам, детям. По выработанной программе, на третий день приезда Великого Князя назначена корпусная закрытая вечеринка и представление Великому Князю дам персонала корпуса. Корпусной преподаватель танцев репетирует с дамами придворный реверанс. Забыты женские интриги, шьются вечерние платья, все стараются сделаться поинтереснее и изящнее. Мы же, девочки от 9 до 12 лет, не находим места от волнения, под гнетом страшного вопроса: "Возьмут ли нас?". Вечеринка только старших кадет, т. е. первой и второй роты. Значит, сидим дома. Вдруг, о счастье, Великий Князь лично просил директора допустить 4-ую и 3-ью роты до 10 часов вечера. "Ура". Идем и мы, но тут вопрос семейного порядка: — нужны вечерние ботинки и обязательно белые (мама других не признавала). Сестре купили, а мне нужно делать на заказ, но времени нет (нога маленькая и готовых номеров нет). Решают купить туфли и, к сожалению, немного большие.

Иду. Большой портретный зал корпуса красиво декориро-

ван. Люстры горят. Кадеты по-ротно выстроены по левой стене зала, лицом к огромному портрету Государя. По правой стороне стоят в два ряда корпусные дамы во главе с женой директора и женой инспектора, а в заключение — мы, девочки, одетые, с ног до головных бантов, — в белое. Сердце от радостного волнения и напряженного внимания хочет выскочить, а тут еще невольная забота о маме (как она справится с придворным реверансом?).

"Смирно — равнение направо!" — и все взоры обращаются ко входу, где появляется Великий Князь. Высокий, стройный, ясным спокойным, ласковым взглядом окидывает собравшихся и останавливается перед огромным портретом Государя. Оркестр играет "Боже Царя храни" и, по окончании гимна, начинается представление дам. И вновь ласковый, улыбающийся взгляд на нас, маленьких девочек, присевших в глубоком реверансе.

Вечеринка открыта. Кадеты 4-ой и 3-ьей роты танцуют. В одной из детских пар танцую и я. Танцуем вальс и вдруг — о, ужас. Туфля соскакивает с ноги и уносится шлейфом дамы взрослого кадета следующей пары. От стыда, замешательства и растерянности мы оба не знаем, что делать. Великий Князь, заметивший довольно комическую сценку, направляет своего адъютанта помочь нам выйти из затруднения. Адъютант предлагает мне руку, проводит к своему креслу, а кадета посылает искать среди танцующих мой туфель. Я же сижу на кресле, прижавшись к ручке, не смея, от смущения, поднять глаз ни на стоящего перед креслом генерала, ни на Великого Князя. Наконец туфель найден. По указанию адъютанта кадет одевает мне его и мы оба, смущенные, под ласковый смех Великого Князя, молчаливо отправляемся продолжать танец.

Но это не все. После комической сценки Великий Князь продолжает следить за мною и к 10-ти часам, уходу с вечера маленьких кадет, присылает мне с адъютантом бутоньерку цветов с Его приветом, как самой грациозной даме вечера. Моему восторгу, конечно, не было границ. Мама разрешает остаться до 12-ти часов. Старшие кадеты стараются не оставлять меня без кавалеров и по два и даже три стоят у моего стула, ожидая очереди. Танцую до упаду, конечно, очень стараясь и даже рискнула одному старшему кадету сразу отказать за то, что начал комически двигать ногами, передразнивая меня.

Ласковость, внимание и какая-то детски-душевная нёжность к ребяткам были неизменным качеством Великого Князя. Он как бы сразу становился твоим товарищем — другом, но совсем не старшим другом, а твоей однолеткой.

Мир праху Твоему и светлая память.

Мария Ракитина



Великий Князь в форме Пажеского Его Императорского Величества корпуса.



БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ

Мы, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным Нашим подданным: Всемогущему Богу угодно было отозвать к Себе Любезнейшего Двоюродного Дядю Нашего Великого Князя Константина Константиновича.

Его Императорское Высочество скончался, после продолжительной и тяжкой болезни, во 2-й день июня, на 57 году от рождения. Покойный Великий Князь Константин Константинович посвятил Свою жизнь отечественной науке и положил много труда и забот по высшему руководству делом военного образования юношества, давшего столь доблестный состав офицеров, геройские подвиги коих в настоящую войну навсегда запечатлеются в истории Русской Армии.

Оплакивая утрату Любезнейшего Дяди Нашего, Мы уверены, что все верноподданные Наши разделят скорбь, постигшую Императорский Дом Наш, и соединят молитвы свои с Нашими об упокоении души усопшего Великого Князя.

Дан в Царском Селе во 2-й день июня, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятнадцатое, Царствования же Нашего в двадцать первое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Погребение Великого Князя Константина Константиновича

7-го июня 1915 года состоялось торжественное перевезение тела в Бозе почившего Великого Князя Константина Константиновича из его дворца в Павловске в Петроград, в Царскую усыпальницу — Петропавловский собор. Павловск, по описанию газет ("Новое Время", 14094), — с глубокою горечью провожал своего любимого августейшего владельца в место вечного упокоения. Утром служил во дворце у тела Великого Князя панихиду Л.-Гв. Преображенский полк. Над дворцом до половины был приспущен великокняжеский флаг. Вне парка по Садовой улице группы жителей и дачников наполняли тротуары, ожидая печального шествия.

По пути от дворца к вокзалу протянулись серые шпалеры войск, все в пешем строю. У дворца на площади стояла отдельно рота в почетном карауле с знаменем и музыкой, и другой почетный караул, также с музыкой на правом фланге, поставлен был у входа на дебаркадер вокзала.

Во дворце, в круглом с глубокими нишами зале, опоясанном зеленью высоких пальм, у обитого золотой парчей гроба, лицом к почившему читал священник Евангелие. В изголовье на аналое лежала икона Спасителя и за нею высились три адмиральских и великокняжеский флаги. На дежурстве у гроба стояли генералы, штаб и обер-офицеры и на часах почетные часовые: в голове — от роты Дворцовых гренадер и в ногах — два юнкера. Вне дворца, на площади его, выстраивалось печальное шествие.

В Павловск в два часа прибыли Государь Император с Великими княжнами Ольгою, Татьяною и Мариею Николаевнами, Великие Князья Павел Александрович и Георгий Михайлович. В присутствии Государя, Ее Величества Королевы Эллинов и августейших: семьи почившего и Великих Князей, придворным протопресвитером Дерновым соборне совершена была заупокойная лития, по окончании которой адъютанты почившего принесли крышку гроба и накрыли его. Государь Император, Великие Князья и августейшие сыновья покойного

сняли гроб с катафалка, вынесли его из дворца и поставили на стоявший у парадного подъезда покрытый трауром, запряженный в шесть лошадей цугом артиллерийский лафет Михайловского артиллерийского училища с ездовыми юнкерами. Гроб накрыли генералы покровом, и адмиралы Пономарев и Левицкий — флагом. Процессия по зеленым аллеям парка и улице двинулась к вокзалу. Перезванивали колокола городских церквей.

Впереди ехал церемониймейстер Высочайшего двора в мундире с шарфом через плечо из черного и белого крепа, за ним в траурном мундире конюшенный офицер, по два в ряд шли придворные служители великокняжеского двора. За ними следовали шталмейстер великокняжеского двора генерал-майор Ермолинский и управляющий двором почившего гофмейстер Минкельде, под уздцы вели верхового коня почившего. По обе стороны лафета шли адъютанты почившего и генералы при нем состоявшие. За лафетом следовал Государь Император и августейшие особы. Затем Государь с августейшими дочерьми проводил некоторое время процессию и отбыл в Царское Село.

На пути процессия остановилась у церкви Св. Марии Магдалины, где совершена лития. При звуке музыки и пения певчих процессия подошла к вокзалу. Печально глядел Царскосельский вокзал с обитыми белыми и черными полосами столбами его галлереи, с черными драпировками и черным навесом над входом. У станции железной дороги почетный караул отдавал честь, лафет остановили у траурно задрапированного входа и здесь особы императорской фамилии сняли гроб с лафета и перенесли его в траурный вагон поезда. Поезд, состоявший из шести вагонов и салон-вагона для августейших особ, пошел в Петроград.

В Петрограде ко времени прихода поезда в три с половиной часа собрались на Императорской станции по повесткам от двора лица, назначенные присутствовать при печальной встрече. Перед подъездом Императорской станции выстроился почетный караул от Павловского военного училища со знаменем и музыкой. У подъезда стоял в шесть лошадей лафет Константиновского артиллерийского училища. Во дворе станции выстраивались печальная процессия и духовенство. От станции по всему пути до Петроградской крепости стояли шпалерами войска, во дворе вокзала рота Дворцовых гренадер. По улицам в отряде войск находились: полурота Пажеского Его Величества корпуса, Павловского и Владимирского военных училищ, Николаевского Инженерного училища, сводные роты кадетских корпусов, сотня Николаевского кавалерийского училища в конном строю, батарея Константиновского артиллерийско-

го училища и частей местного гарнизона. Всеми войсками командовал генерал-адъютант Фан-дер-Флит.

На дебаркадер станции в серебряных облачениях вышли навстречу тихо подходившему поезду высокопреосвященный митрополит петроградский Владимир с архиереями. На павильон прибыли Государыня Императрица Мария Феодоровна, Великие Князья и Великие Княгини, и в Императорском поезде из Царского Села Государь Император, Государыня Императрица Александра Феодоровна с Великими Княжнами Ольгою Николаевною, Татьяной Николаевною и Марией Николаевною.

Тихо подошел печальный поезд. У открытых дверей траурного вагона совершена лития. При пении “вечной памяти” генералы Ермолинский и Геринг сняли с гроба великокняжеский покров, контр-адмиралы кормовой флаг. Государь и Великие Князья взяли гроб и вынесли его на артиллерийский лафет. Генералы и контр-адмиралы покрыли гроб великокняжеским покровом и морским Андреевским флагом.

В воздухе печально пронесся перезвон колоколов Введенской церкви. Запели певчие. Процессия тронулась. Музыка войск играла “Коль славен”.

Впереди ехал взвод Николаевского кавалерийского училища. Церемониймейстер и за ним конюшенный офицер следовали верхом. Далее шли попарно придворные лакеи и камер-лакеи великокняжеского двора, ведя под уздцы коня почившего. Генерал с двумя ассистентами-полковниками несли российский герб.

Шли чиновники конторы двора Великого Князя, чины двора и за ними двигалась вереница депутаций от обществ и учреждений, в которых почивший состоял президентом, попечителем, покровителем или членом. За депутациями, по два в ряд, шли в форме военного времени генералы и адмиралы, находящиеся в Петрограде. Три взвода на конях Николаевского кавалерийского училища. За ними высились белые с синим крестом флаги и мелькал огонь факелов. Адмиралы с ассистентами-капитанами флота несли один за другим контр-адмиральский, вице-адмиральский и адмиральский флаги. Еще контр-адмирал нес великокняжеский флаг, при нем ассистентами полковники. На 20 подушках штаб-офицеры разных частей войск несли знаки отличия и ордена почившего, впереди иностранные. По сторонам процессии, начиная от орденов и далее до лафета с гробом, шли редкою цепью пажи, в парадной форме, в касках с белыми султанами, с пылающими факелами в руках.

С крестами и хоругвями двигалась духовная процессия. Диакон держал крест, впереди фонарь, по сторонам две хоруг-

ви. Белая лента причетников, синей полосой идут певчие, митрополичьи и Исаакиевского собора, за ними тянется опять серебряная лента городских священников с возжженными свечами в руках, придворные певчие в малиновых мундирах и кафтанах перевивают ее, за ними двигаются придворное духовенство, архимандриты и архиереи в митрах и владыка митрополит. Перед лафетом с гробом идет с иконой в руках духовник почившего архимандрит Макарий. По сторонах лафета шли адъютанты и генералы, состоявшие при почившем. Юнкера-артиллеристы Константиновского артиллерийского училища везут лафет, запряженный в шесть лошадей, с гробом августейшего своего генерал-инспектора.

За лафетом следовал всю дорогу Государь Император с Великими Князьями и сыновья в Бозе почившего. За Его Величеством шел министр императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс, дежурство: генерал-адъютант Новосильцов, свиты генерал-майор Гаддон и флигель-адъютант Саблин. Военный министр генерал-адъютант Сухомлинов, генерал-адъютанты и лица Государевой свиты следовали за гробом. В карете, обитой трауром, следовали Их Величества Государыня Императрица Мария Феодоровна и Королева Эллинов Ольга Константиновна. Справа у дверец ехал верхом обер-шталмейстер генерал-адъютант Гринвальд, слева шталмейстер Зиновьев. Позади кареты стоял на запятках камер-казак. В следующей траурной карете следовали Государыня Императрица Александра Феодоровна с Великой Княжной Марией Николаевной и Великая Княгиня Елизавета Маврикиевна с Княжною Верою Константиновною. Позади кареты на запятках стоял камер-казак. В следующих каретах, каждая в четыре лошади цугом, следуют Великие Княгини Мария Павловна и Виктория Феодоровна, за ними Великая Княгиня Ксения Александровна, Великие Княжны Ольга и Татьяна Николаевны, далее княгиня Ирина Александровна, княгиня Юсупова, графиня Сумарокова-Эльстон и Принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская. У дверей каждой кареты едут по одному шталмейстеру верхом, на запятках стоят придворные лакеи в треуголках. За каретами с августейшими особами следуют кареты с придворными дамами (статс-дамы баронессы Рихтер, графиня Фредерикс и княгиня Долгорукая) и фрейлинами, и за ними кареты с первыми чинами Высочайшего двора. За вереницей карет шли взводы Дворцовых гренадер и за ними следовали все ближайшие служители почившего Великого Князя. Отряд войск, играя похоронные марши, замыкал шествие.

От Императорской станции печальная процессия вышла на Загородный проспект и двигалась по нему до Гороховой ули-

цы. Станция и Царскосельский вокзал были убраны трауром, балконы и подъезды в черно-белых драпировках. На вокзале приспущен флаг. Фонари по улицам были затянуты траурными материями, и траурные флаги развевались на домах. У церкви Введения (в Л.-Гв. Семеновском полку) процессия остановилась и при перезвоне колоколов митрополит совершил литию. Вступив на Гороховую улицу, процессия пошла до Набережной Фонтанки и двигалась затем через Марсово Поле на Суворовскую площадь.

Когда голова шествия вступила на Троицкий мост, с верков Петроградской крепости начали раздаваться редкие выстрелы печального салюта из орудий. Решетка моста была убрана гирляндами зелени, сквозь густо покрытые флером фонари печально просвечивают огоньки электричества. По пути процессии, у Аничкова моста, перед церковью Троице-Сергиевского подворья, вышло монашествующее духовенство и совершена была лития, также и перед Пантелеймоновскою церковью и перед Мраморным дворцом. На Петроградской стороне совершена лития перед древним собором Святой Троицы. От Троицкой площади шествие вступило в крепость. Крепостной флаг приспущен до половины.

В крепости Петропавловский собор наполнился прибывшими придворными и высшими государственными лицами. Здесь находился дипломатический корпус с его старейшиной японским послом бароном Мотоно, председательствующий в Государственном Совете статс-секретарь Голубев, председатель Государственной Думы камергер Родзянко, председатель совета министров статс-секретарь Горемыкин, министр Императорского двора андреевский кавалер генерал-адъютант граф Фредерикс, члены Государственного Совета, министры, в их числе и управляющий министерством внутренних дел камергер князь Щербатов, главноуправляющие и обер-прокурор Святейшего Синода, сенаторы, статс-секретари и почетные опекуны и придворные чины, военное начальство, генерал Фролов, комендант крепости барон Зальца, его помощник генерал-лейтенант Сталь-фон-Гольстейн. Перед входом в собор во дворе вытянулся почетный караул от Морского Наследника Цесаревича корпуса со знаменем и хором музыки. Морской министр генерал-адъютант Григорович обошел его фронт.

Когда печальное шествие прошло в крепость и подошло к собору, из него встретить гроб вышел митрополит с духовенством. Четыре адмирала сняли с гроба почившего кормовой Андреевский флаг, четыре генерала сняли покров, а Государь Император с Великими Князьями понесли гроб в собор. Музыка играла "Коль славен". На паперти собора стояли на

часах двое Дворцовых гренадер и дежурили казаки конвоя Его Величества с офицером.

Когда гроб внесли и поставили на катафалк под балдахином, митрополит с архиереями совершил панихиду. Митрополиту сослужили архиепископы: Сергий финляндский, Тихон воронежский, Владимир пензенский, епископы: Иннокентий, викарные: Вениамин, Анастасий, Геннадий и Феофан, протопресвитер Дернов, архимандрит Михаил и соборное духовенство. "Со святыми упокой" и "Вечная память" вся церковь слушала, преклонив колена. После панихиды митрополит первый начал читать Евангелие.

После чтения митрополита Их Величества и особы Императорской фамилии отбыли из собора и начался разъезд. Священники продолжали читать Евангелие.

Торжественно был печален вид собора. Среди его высоких серых, покрытых массою серебряных венков колонн высился на красном помосте громадный балдахин с золотой пирамидальной крышей, увенчанной великокняжеской короной и по борту украшенной шестью группами белых страусовых, опущенных вниз перьев. Купол балдахина поддерживали четыре витые золоченые колонны. Серебряная драпировка и подзоры спускались с купола. Под балдахином на бархатном массивном катафалке стоял гроб с телом почившего Великого Князя, с массивными кистями по углам. Обитая золотой парчой крышка от гроба лежала в правой стороне на белом глазетовом столе, богатый золотой покров, опушенный горностаем, и Андреевский морской флаг покрывали гроб, спускаясь до полу. Четыре золоченых подсвечника по сторонам гроба. Наверху по сторонам гроба стояло дежурство — 6 человек, чины 2-го класса, то-есть действительные тайные советники и полные генералы, 3-го и 4-го классов и придворный камергер, камер-юнкер и церемониймейстер. Внизу по сторонам балдахина вытянулись на страже почетные часовые с ружьями, 2 в голове от роты Дворцовых гренадер и 2 в ногах — юнкера военных училищ. Перед балдахином — аналой и за ним священник с диаконами по сторонам в серебряном облачении читает Св. Евангелие. К алтарю все пространство до алтарной солеи занято было в три ряда 20 парчевыми табуретами, на которых лежали ордена и знаки отличия почившего. Средняя колонна из трех табуреток вмещает ордена Св. Владимира, Георгия Победоносца и Андрея Первозванного. В голове почившего, перед табуретками, высились четыре флага: великокняжеский и три адмиральских. За орденом Св. Андрея Первозванного — св. икона и поминальный столик с Распятием и рисовой кутьей.

Благоговейная тишина собора нарушалась лишь голосом священника, читающего Св. Евангелие. Дежурство и часовые сменялись через два часа.

6-го июня, в восемь с половиною часов вечера прибыла с Кавказа с похорон своего геройски павшего в бою мужа Ея Высочество княгиня Татьяна Константиновна, княгиня Багратион-Мухранская, и с князем Игорем Константиновичем отправилась прямо с поезда в Петропавловский собор поклониться телу своего в Бозе почившего родителя.

8-го июня состоялось отпевание и погребение тела в Бозе почившего Великого Князя Константина Константиновича.

К десяти с половиной часам утра к Божественной литургии в Петропавловский собор собрались придворные дамы, особы дипломатического корпуса, председатель и члены света министров, исполняющий обязанности председателя и члены Государственной Думы, главноуправляющие, сенаторы, первые и вторые чины Высочайшего двора, статс-секретари, почетные опекуны, придворные кавалеры, свита Государя Императора, генералитет, штаб и обер-офицеры, особы первых четырех классов, петроградские градоначальник и губернатор, губернский и уездные предводители дворянства Петроградской губернии, городской голова, депутаты от петроградского купечества, военные депутации, депутации от обществ и учреждений, в коих почивший Великий Князь был августейшим покровителем, председателем или членом. Против входа в собор был выстроен почетный караул от Павловского военного училища.

В собор прибыли Ее Величество Королева Эллинов и августейшая семья в Бозе почившего Великого Князя Константина Константиновича, Великие Княгини Мария Павловна, Елизавета Феодоровна, Виктория Феодоровна, Ксения Александровна, Мария Павловна Младшая, Принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская, Великие Князья Кирилл Владимирович, Борис Владимирович, Андрей Владимирович, Павел Александрович, Дмитрий Павлович, Дмитрий Константинович, Николай Михайлович и Георгий Михайлович, Принц Александр Петрович Ольденбургский. К исходу 11-го часа прибыли Государь Император с Великими Княжнами Ольгой Николаевной, Татьяной Николаевной и Марией Николаевной и Государыня Императрица Мария Феодоровна. По прибытии их Величеств началась божественная литургия, по окончании которой последовало отпевание. Богослужение совершали высокопреосвященный Владимир, митрополит петроградский и ладожский, члены Св. Синода и придворное духовенство, пела придворная капелла. По окончании отпевания Высочайшие особы отдали

последнее поклонение телу в Бозе почившего Великого Князя. Государь Император вместе с особами императорской фамилии поднял гроб, который был отнесен, в предшествии митрополита и духовенства к могиле, в новую усыпальницу при соборе. Здесь была отслужена лития и гроб опущен в могилу дворцовыми гренадерами. Их Величества и особы Императорской фамилии приняв, от высокопреосвященного Владимира, митрополита Петроградского и Ладожского, песок на блюде, посыпали его на гроб. При опущении гроба в могилу всеми войсками, находившимися в строю, был отдан, совместно с Петропавловскою крепостью, установленный салют. Их Величества и особы Императорской фамилии отбыли из усыпальницы, где осталось последнее дежурство при теле в Бозе почившего Великого Князя до совершенного заделывания могилы.

"Исторический Вестник", июль 1915 г.



„В Петропавловском Соборе 3 июня 1915 года“

(Памяти Великого Князя Константина Константиновича).

Темный, высокий Собор...
Чинно идет погребенье...
С клироса тихое пенье
Льется, как ангельский хор.

“Вечную Память” поют...
Царственно блещут палаты...
Пушек глухие раскаты...
Славы последний салют.

Лишними здесь почему
Кажутся пышность и громы?
Были иные знакомы
Чудные звуки Ему.

Музы Его колыбель
Нежной рукою качали,
Понял Он в песнях печали
Жизни высокую цель.

В сердце жила благодать.
Било ключем вдохновенье:
Князю дало Провиденье,
Редкой судьбой, сочетать

С блеском алмазным венца,
С славою Царской порфиры,
Отзвуки нежные лиры,
Тихую славу певца.

Песни Его повторят,
Скажут, прочтя Его снова:
В летопись Русского слова
Сделал Он царственный вклад.

СОДЕРЖАНИЕ

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris-13e

СКЛАД ИЗДАНИЯ В РЕДАКЦИИ
"ВОЕННОЙ БЫЛИ"
61, rue Chardon-Lagache, Paris-16e
France.